…НИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
…Я ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВ И ЯЗЫКА

С. Е. ЩУКИН

В. Г. БЕЛИНСКИЙ И СОЦИАЛИЗМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА 1929

ЕМЕЛЬЯНОВА

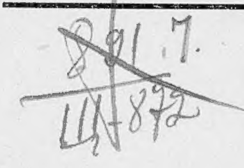
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
СЕКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И ЯЗЫКА

С. Е. ЩУКИН

В. Г. БЕЛИНСКИЙ И СОЦИАЛИЗМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА 1929

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
СЕКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВ И ЯЗЫКА

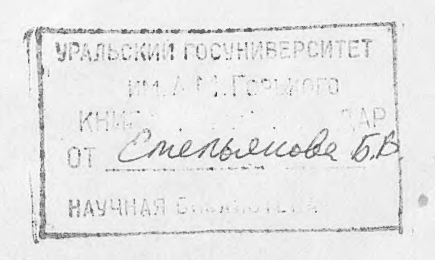

С. Е. ЩУКИН

В. Г. БЕЛИНСКИЙ И СОЦИАЛИЗМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА 1929

Главлит № А—39958 ИКА, 480 Договор 2629 статфор. A_5 Тираж 4100 экз.

Типография газеты „Правда“, Москва Тверская 48.

Коммунистическая революция есть самый радикальный разрыв с существующими имущественными отношениями; неудивительно, что она самым радикальным образом разрывает с традиционными идеями.

Маркс

Уклончивость и влияние по отношению к социалистической идеологии неминуемо играет на руку идеологии буржуазной.

Ленин

I

С каждого вновь достигнутого этапа в человеческой истории минувшие события представляются в ином свете. Действительная роль отдельного явления обнаруживается лишь тогда, когда известно не только то, что ему предшествовало, но и то, что за ним последовало, во что оно само развилось. Сова Минервы вылетает только по ночам. Отдельное звено часто выступает в истинном свете, только будучи включенным в систему.

Но не ради праздного любопытства люди изучают прошлое: они ищут в нем уроков для настоящего. Изучение истории имеет практический смысл. Знание того, что было, облегчает познание того, что есть, и делает возможным предвидение будущего. «Былое, пророчествует, — писал Герцен, — устремляя взгляд назад, мы, как Янус, смотрим вперед».

Но эта простая схема осложняется противоречивой структурой современного классового общества. Класс, борясь в настоящем с другими общественными классами за свое существование и развитие, смотрит на прошлое сквозь призму своих интересов и видит там то, что они ему диктуют. Противоречия отдельных общественных групп отбрасывают свою тень в прошлое. В классовом обществе нет и не может быть единой концепции исторического процесса. Идеологическое вооружение, которое применяют общественные классы во взаимной борьбе, сплошь и рядом выковано из материала, добытого в напластованиях истории.

Наша эпоха есть эпоха практической борьбы за осуществление социализма. Из области туманных учений, неясных предчувствий, сладких мечтаний, относящихся к отдаленному будущему, ходом исторических событий построение социалистического общества выдвинуто теперь как практическая необходимость сегодняшнего дня, как неотложное дело, как задача, которую призвано разрешать наше поколение.

Но движущей силой, пружиной, рычагом исторического процесса является классовая борьба.

Борьба за осуществление социализма есть борьба с отжившими хозяйственными формами. Носителями, действующими суб'ектами этих форм являются определенные общественные классы, заинтересованные в сохранении и закреплении данного типа хозяйственных отношений.

Равным образом носителем и проводником социалистических идей выступает определенный класс, материальные, а следовательно и все иные интересы которого связаны с осуществлением социалистических идеалов.

Зрелость экономических условий переворота и класса-носителя социализма обостряет борьбу, делает ее неотвратимой.

Вопрос о социализме поставлен историей ребром; классы противостоят друг другу с оружием в руках. Каждый из них поставлен в необходимость на деле определить свое отношение к социализму: за, или против. Противоречия обнажены, нет больше возможности скрывать их покровом туманных учений, возникших в эпоху, когда непримиримо противоречивые интересы классов мирно дремали рядом в неразвившейся социальной среде. Жизненность, злободневность социализма как практической задачи, разрешающейся на наших глазах, обусловливает и порождает напряженный интерес к прошлому социализма, к его истории. Понятно, что в свете кипящей борьбы история социализма предстает в существенно ином виде. История эта является по необходимости историей критической. Свершающиеся события критикуют минувшие судьбы социализма. Грандиозный пожар классовой борьбы бросает отсветы не только вперед, но и далеко назад. С беспощадной остротой и резкостью встал вопрос: что такое социализм? В зависимости от ответа на него разные классы и группы оценивают и прошлое развитие социализма.

Ответ этот обусловлен в свою очередь положением класса в производственном процессе, тем способом, каким данная социальная группа приобретает свои средства к существованию.

Понятно, что в СССР, стране, где практически строится социалистическое общество, усиленный интерес вызывает развитие социалистических идей, в частности развитие их в России. К какому времени относится возникновение социалистического движения на русской почве? И есть ли основания считать этот «ранний русский социализм», как его принято называть, социализмом? Всякий, кто ставит себе эти вопросы, в поисках ответов на них не может обойти колоссальной фигуры В. Г. Белинского, стоящей на грани двух эпох, у истоков современной общественной мысли. Он был, по вер-

ному выражению Тургенева, «центральной натурой» для своего времени, 30-х и 40-х гг. прошлого столетия, к которым относят обычно возникновение русского социализма.

Литературный критик по формальному положению, Белинский был великим искателем путей и законов общественного развития, в частности путей и выходов для русского общества из мертвого тупика империи Николая I. Его искания были облечены в литературно-критическую форму не случайно: к тому были важные исторические причины. В условиях деспотического гнета торгово-помещичьего государства беспощадно подавлялось всякое открытое общественное движение. Литература была единственно возможной формой развития общественного сознания. Кнут политических репрессий и цензуры, как Геркулес, отвел сюда все реки, загнал, втиснул в русло художественной литературы весь сложный процесс общественной мысли. Все общественное движение приняло своеобразную литературную форму.

Сам Белинский прекрасно сознавал общественную роль литературы своей эпохи. В знаменитом письме к Гоголю он писал: «Вы, сколько я вижу, не совсем хорошо понимаете русскую публику. Ее характер определяется положением русского общества, в котором кипят и рвутся наружу свежие силы, но, сдавленные тяжелым гнетом, не находя исхода, производят только уныние, тоску, апатию. Только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед. Вот почему звание писателя у нас так почтенно, почему у нас легок литературный успех даже при маленьком таланте. Титло поэта, звание литератора у нас давно уже затмило мишуру эполет и разноцветных мундиров, и вот почему, у нас в особенности, награждается общим вниманием всякое так называемое либеральное направление, даже и при бедности таланта... И публика тут права: она видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от русского самодержавия, православия и народности».

Литературная критика стояла на стыке между художественной литературой и общественной жизнью. Ее задачей стало растолковывать обществу взаимозависимость художественного творчества и общественного бытия. Белинский превратил критику в могучее орудие развития общественного сознания. Орудием критики он в огромной мере содействовал тому, что и литература стала средоточием общественной жизни, ее выражением.

Для Белинского критика стала формой общественной деятельности, единственным возможным способом борьбы с общественным злом. «Что же делать при виде этой ужасной действительности? —

писал он. — Не любоваться же на нее сложа руки, а действовать елико возможно, чтобы другие потом лучше могли жить, если нам никак нельзя было жить. Как же действовать? Только два средства: кафедра и журнал; все остальное — вздор» [1].

Он настойчиво возвращается к этой мысли: «В России пока еще существует только критика искусства и литературы. Это обстоятельство придает ей еще больший интерес и большую важность... Можно сказать без преувеличения, что пока еще только в искусстве и литературе, а следовательно в эстетической и литературной критике, выражается интеллектуальное сознание нашего общества» [2].

В представлении Белинского критика «у нас должна являться многоречивою, говорливою, повторяющею саму себя, толковитою... Наша критика должна быть гувернером общества и на простом языке говорить высокие истины» [3].

Такова именно была критика самого Белинского.

Свое время он считал временем сомнения, изучения, проверки и пересмотра установившихся истин.

«Дух анализа и исследования — дух нашего времени. Теперь все подлежит критике, даже сама критика. Наше время ничего не принимает безусловно, не верит авторитетам, отвергает предание» [4].

Эта характеристика еще в большей мере относится к нашему времени. Старые истины и авторитеты переоцениваются с точки зрения пролетариата, завоевавшего господство и пересматривающего доставшееся ему историческое наследство.

Настоящий очерк не ставит себе задачей изобразить весь ход общественного развития Белинского, равно как и изложить его эстетические взгляды. Я ставлю себе цель гораздо более узкую и ограниченную: выяснить, в каком отношении к социализму находилось мировоззрение Белинского, определить его роль и место в развитии социалистических идей в России.

Целый ряд авторов безоговорочно, без дальней думы, рассматривает Белинского как социалиста, как представителя утопического социализма.

Таковы главным образом авторы, связанные в той или иной мере с народническим мировоззрением: Иванов-Разумник, Овсянико-Куликовский, Коган, Пажитнов, Сакулин и др.

---

[1] Письма В. Г. Белинского, т. III, с. 191 — 192; Письмо к Боткину от 10—11/XII 1840 г.

[2] Белинский В. Г., Собр. соч., т. VI, 1859—1861, с. 200. Все цитаты по этому изданию.

[3] Там же, т. II, с. 74.

[4] Там же, т. VI, с. 193.

Но и в марксистской литературе Белинский также трактуется как социалист-утопист, по крайней мере, на протяжении некоторого периода его общественного развития и деятельности...

Эту точку зрения защищает, в частности, и Плеханов в своих работах о Белинском, хотя, разумеется, в ином смысле, тонах и форме, чем народники. То же и так же утверждает т. Лебедев-Полянский в статьях о Белинском.

Установилась уже, можно утверждать, такая традиция.

Народнический лагерь отстаивает мнение о социализме Белинского дружно, с азартом, энтузиазмом, как дело решенное, доказанное, не подлежащее спору. Это воззрение нашло новое (по времени, а не по аргументации) и подробное обоснование в двух сравнительно недавно вышедших книгах проф. П. Н. Сакулина: «Социализм Белинского» и «Русская литература и социализм».

Я уже говорил о том, какую важность имеет при исследовании минувших судеб социализма самое понятие социализма. Определение это является основным орудием исследования. Только с помощью его возможно поставить и разрешить вопрос об условиях возникновения социалистического движения, равно как и отделить овец от козлищ, среди общественных классов борющихся между собой. Понятие социализма является решающим также и в оценке взглядов отдельных деятелей и их места в общественном движении.

В первой работе — «Социализм Белинского» — П. Н. Сакулин собрал все, что писал Белинский — в статьях и письмах — о социализме, в связи с ним и по поводу его. Проф. Сакулин снабдил эти выдержки своими комментариями — не более. Во всеоружии он выступает во второй своей книге — «Русская литература и социализм». Тут автор дает свои принципиальные воззрения на социализм, определяет это понятие, излагает свои взгляды на условия его возникновения и развития. Из новых работ — это единственная, где дано в более или менее систематической форме отношение к социализму того общественного слоя, идеологическими представителями которого являются Сакулин, Иванов-Разумник и их единомышленники. Изложенные в книге воззрения характерны и интересны. И не только с точки зрения академической: они отражают собой настроения и суждения широкой общественной группы, принимающей участие в классовых битвах наших дней. Активность этого социального слоя, а стало быть и оживление его общественного сознания как раз в последнее время сильно возрастают. Поэтому я принужден буду в дальнейшем часто обращаться к изложенному в книгах П. Н. Сакулина взгляду на социализм и его развитие.

Проф. Сакулин признает методологическую важность для исследования определения понятия социализма. Как же он отвечает на вопрос, что такое социализм? Вот как: «Несмотря на все разнообразие направлений, какие принимала социалистическая мысль, наиболее характерной чертой социализма является стремление изменить социально-экономические взаимоотношения людей и водворить на земле свободу, равенство и справедливость» [1].

И такой ответ проф. Сакулин дает, несмотря на то, что, отведя упреки т. Переверзева в неуловимой расплывчатости его понимания социализма, П. Н. Сакулин ссылается на другие, им же написанные строки: «Разрешение этого (т.-е. социального) вопроса станет возможным, если будет уничтожена частная собственность на все орудия производства, если произойдет их обобществление» [2].

Это, разумеется, не определение социализма. Но все же тут указана совсем другая «характерная черта». В работе П. Н. Сакулина можно встретить не раз ссылку на правильные положения, на авторитеты, на Маркса, Плеханова и т. д. Но при построении своих выводов он совершенно игнорирует те положения и авторитеты, на которые сам ссылается, и орудует по-своему, сплошь и рядом в вопиющем противоречии с цитируемыми истинами. Ссылаясь на Маркса, Энгельса, Плеханова, он делает это совсем не для того, чтобы продемонстрировать свое согласие с ними. Как раз наоборот: цитируя он стремится показать, что не он, Сакулин, согласен с Марксом, а, наоборот, Маркс согласен с ним, Сакулиным. Если уж и прежде Маркс был в большом ходу, то теперь без «марксистского подхода» никак не обойдешься. Ссылка на Маркса — это своего рода мандат, пропуск на арену современной общественной мысли, в храм общественного сознания. Но, пред'явив «мандат», показав пропуск, П. Н. Сакулин и его единомышленники, ничтоже сумняшеся, молятся в новом храме своим старым богам, которых они контрабандой, под полой проносят с собой. Прием этот не нов. О нем Ленин еще в начале 900-х гг. в полемике с социалистами-революционерами писал следующее: «Они никогда не восстают решительно против Маркса, — боже сохрани! Они, напротив, походя сыплют цитатами из Маркса и Энгельса, уверяя со слезами на глазах, что они с ними почти во всем согласны. Они не ополчаются на Либкнехта и Каутского, — напротив они глубоко и искренно убеждены, что Либкнехт был социалист-революционер, ей-богу был социалист-революционер» [3].

---

[1] Сакулин П. Н., Русская литература и социализм, с. 13.
[2] Там же, с. 6.
[3] Ленин В. И., Собр. соч., т. IV, 1924, с. 229.

В другом месте своей книги [1] проф. Сакулин пишет: «Наши далекие предшественники выражали свой порыв к социальной правде нередко в форме самого общего стремления «водворить на земле свободу, равенство и справедливость». Но простое сопоставление с определением, данным самим П. Н. Сакулиным, убеждает, что не одни наши «далекие предшественники» так понимали социализм. Иные наши современники выражают свое к нему отношение буквально теми же самыми словами.

Или вот еще одно понимание социализма: «Сквозь тонкую оболочку речей какого-нибудь Девушкина легко нащупать твердое ядро социализма» [2].

Автор приводит мнение Салтыкова-Щедрина, в котором он отмечал «анонимную восторженность» современного Щедрину социализма. Эта восторженность совсем не чужда самому разбираемому нами автору. Ограничимся, в доказательство, необходимым минимумом цитат.

«Его (социализма. — *С. Щ.)* идеальная красота заставляла лирически вибрировать чуткие сердца; его жизнь, полная тревожных приключений, давала содержание для художественных образов и литературных мотивов» [3]. «Благовествуя людям о свободе, равенстве, всеобщем счастье, социализм становится новым евангелием жизни. Его идеалы, взятые в их чистом виде, озаряют пути, ведущие человечество в царство высшей социальной правды».

«Социализм еще бродил, как молодое вино. Он способен был опьянять до самозабвения» [4]. И т. д., и т. п.

Социализм есть прежде всего хозяйственный строй, экономический уклад общества, тип производственных отношений. В чем его отличие от всякого другого хозяйственного строя, его особенность, его специфичность? В отсутствии частной собственности на средства производства, в непосредственном обобществлении производственного процесса, в превращении труда отдельных изолированных производителей товаров в труд непосредственно общественный. Вместе с исчезновением частной собственности на средства производства исчезают и общественные классы с их противоречивыми интересами, исчезает классовая борьба. Таковы «наиболее характерные черты» социализма. Но проф. Сакулин желает рассматривать в своей книге социализм не как экономическую категорию, не как хозяйственную систему, а как форму общественного сознания. Он пишет: «Социализм

---

[1] Сакулин П. Н., Русская литература и социализм, с. 5.
[2] Там же, с. 372.
[3] Сакулин П. Н., Русская литература и социализм, с. 3.
[4] Его же, Социализм Белинского, с. 4.

трактуется мною в его идейной сущности как определенное мировоззрение, как философия жизни... Для меня важнее всего выяснить, что давал социализм в качестве социологической и философской доктрины для общего понимания действительности, для раскрытия общего смысла жизни, какое место занимал он в интимной истории человеческих идеалов».

Пусть так. Но зависит ли в какой-нибудь мере социализм как форма общественного сознания, как «философия жизни» от социализма как определенного экономического строя общества? Есть ли между этими двумя явлениями причинная связь, или они живут и развиваются каждое само по себе? Из сопоставления двух определений автора как-будто явствует, что такой зависимости не существует. Если решающий признак социализма как экономического строя общества — обобществление средств производства и производственных процессов, то стало быть и в социалистическое мировоззрение эти признаки должны непременно войти в качестве его основы, наиболее характерных его черт. Мировоззрение, в частности воззрение на общество, есть перенесение в область сознания отношений, существующих в действительности. Возможно ли считать социализмом ту хозяйственную систему, где сохраняется частная собственность на средства производства и следовательно изоляция отдельных производителей, раздробление процесса общественного производства на миллионы мелких, отдельных процессиков, связывающихся между собою лишь через посредство обмена; возможно ли такой хозяйственный строй считать социализмом? Не удаляясь от существа вопроса, от стержня предмета — невозможно. Всякая хозяйственная система, имеющая своей базой частную собственность и обусловленное ею распадение общества на классы, не есть социалистическая система.

Возможно ли, исходя отсюда, считать социалистической ту «философию жизни», которая допускает «решение социального вопроса» на основе частной собственности? Нет, не путая понятий, не удаляясь от корня вопроса, такое мировоззрение считать социалистическим нет никаких оснований. Всякий подобный «интимный идеал» будет иметь целью реформировать простое ли меновое, капиталистическое ли общество, будет простым реформизмом, тогда как превращение капиталистического общества в социалистическое есть революционный «скачок», неизбежность которых доказал неопровержимо еще Гегель.

Социализм, если он вообще возможен, придет не иначе как в результате закономерного развития общественного хозяйства. Когда историческая необходимость, подталкиваемая развитием материаль-

ных процессов, приходит в противоречие с идеями, то последние неизменно бывают посрамляемы. Не так думает проф. Сакулин. По его мнению, «дело не только в том, какие формы жизни собирается установить социализм, но и в том, сумеет ли он удовлетворить нашим запросам высшего порядка. Это прекрасно сознают социалисты-мыслители: в счастливые моменты своего вдохновенного творчества они невольно становятся философами и поэтами» [1].

П. Н. Сакулин тоже неспроста углубился в исторические изыскания. Он надеется раздобыть там рецепт для действий в окружающей его борьбе. «Оставаясь деятельными участниками современности,— заявляет он, — оглянемся на пройденный путь; вдумчивое отношение к прошлому всегда делает нас более справедливыми по отношению к настоящему» [2].

Намерение похвальное, что и говорить. Но в прошлое он «оглядывается» туманным взором общих мест, которые никого не смогут сделать «более справедливыми» по отношению к настоящему. Допустим, он открыл в прошлом, что иные общественные группы и отдельные люди стремились «изменить социально-экономические взаимоотношения людей и водворить на земле свободу, равенство и справедливость». Согласно «наиболее характерной черте социализма», выдвинутой П. Н. Сакулиным, это будет означать, что открытые им группы и индивидуумы были социалистами и боролись за осуществление социалистического идеала. Как же этот ценный вывод может быть применен в борьбе сегодняшнего дня? Поможет ли он определить, кто теперь борется за социализм и кто против него? Борется ли, например, у нас в СССР буржуазия за изменение социально-экономических взаимоотношений людей, установленных Октябрьской революцией? Несомненно, борется. Стремится ли она водворить свободу? Конечно. Равенство? Бесспорно, да. Справедливость? Тоже. Существующие у нас социально-экономические отношения она искренно считает несправедливыми, неравными и подлежащими изменению. Может ли это оспаривать проф. Сакулин? Оба признака, определяющие, по его мнению, социализм, — налицо у русской буржуазии. Отсюда обязателен вывод: буржуазия и ее идеологи борются у нас за социализм.

При господстве феодализма буржуазия также ставила себе тѐ же самые цели и, например, во Франции боролась за них буквально под теми же лозунгами, которые формулирует П. Н. Сакулин как наиболее характерные признаки социализма. Означает ли это, что в ту эпоху буржуазия была социалистична?

[1] Сакулин П. Н., Русская литература и социализм, с. 3.
[2] Там же, с. 12.

Далее. Стремится ли рабочий класс Германии, Англии и других стран, где господствуют социально-экономические отношения, установленные буржуазией в ее интересах, — к их изменению и водворению равенства, свободы и справедливости — как он их понимает? Смешно было бы это отрицать. Выходит, что и буржуазия и пролетариат — эти два класса-антагониста современного общества — при определенных исторических условиях могут в равной мере ставить себе цели, которые, по Сакулину, определяют содержание социализма.

При сколько-нибудь внимательном рассмотрении мы то же самое легко обнаружим и по отношению к другим классам общества: мелкой буржуазии, помещикам-землевладельцам. Окутанные всеоб'емлющей, эластичной, пуховой, магической формулой проф. Сакулина, все грани стираются, тускнеют, расплываются. Люди противоположных классов, партий, направлений одинаково попадают в лоно социалистической церкви. Тот, кто захотел бы всерьез принять рецепты П. Н. Сакулина в современной борьбе за социализм, тот заранее обрек бы себя на борьбу вслепую, в тумане, где ничего нельзя разобрать и где «своя своих не познаша». Для тех же, кто борется против социализма, формулы П. Н. Сакулина могут служить отличной ширмой для прикрытия. И служат, как всем известно. Взять хотя бы наши мелкобуржуазные партии — социалистов-революционеров и меньшевиков. Эти партии борются против пролетариата и социализма, вооруженные той же идеологией, которую в литературе проповедует П. Н. Сакулин. С его точки зрения, борьба между классами и партиями может предстать как борьба между различными направлениями социализма. Именно так себе и представляет дело П. Н. Сакулин. «Как теперь, так и раньше, — пишет он, — социализм никогда не был единым течением, а дробился на отдельные разновидности, фракции и п а р т и и. Внутренняя история социализма протекает в атмосфере междоусобной борьбы» [1].

По формуле проф. Сакулина, как мы видели, даже социалистической фразеологией не нужно запасаться для того, чтобы участвовать в «междоусобной борьбе» социалистических направлений. А между тем даже партии, оперирующие социалистической фразеологией, используют ее сплошь и рядом для борьбы против социализма, как определенного типа хозяйства.

П. Н. Сакулин совершенно игнорирует тот факт, что за различием направлений и их борьбой скрывается различие классовых интересов и их борьба. Основа метода П. Н. Сакулина — не анализ, а синтез, обобщение. При изучении же идеологий классового

[1] С а к у л и н П Н., Русская литература и социализм, с. 19.

общества и их истории как-раз требуется метод противоположный: разложение, рассечение. Метод затушевывания и обобщения применяется чаще всего идеологами промежуточных классов, мелкой буржуазии, например. В ней притупляются противоречия пролетариата и капиталистов. Поэтому в сознании ее идеологов возникает иллюзия, что она стоит над классами, претензия «научно-об'ективного подхода» к общественным явлениям» [1].

История социализма распадается, по Сакулину, на две эпохи: утопическую и научную. Это впрочем — общепринятая схема. Оригинальность П. Н. Сакулина состоит в том, что он в России усматривает еще одну ступень промежуточную — народничество. «История русского социализма начинается с 30-х гг. XIX в. и в своем развитии представляет три основных периода: период раннего (утопического) социализма, захватывающий 30-е и 40-е гг.; период народнического социализма (от 60-х до 80-х гг.) и период научного социализма (с 80-х гг. до наших дней)» [2].

Стало быть народничество П. Н. Сакулин считает не только социализмом, но даже социализмом более высокого типа, чем утопический, переходом от утопического к научному. В этом случае, вопреки обыкновению, П. Н. Сакулин не подкрепляет своего суждения ссылкой на авторитеты. Попробуем это сделать за него.

Вот как расценивал Ленин народнический социализм: «Не поняв буржуазно-демократической сущности всего движения 1848 г. и всех форм домарксовского социализма, Герцен тем более не мог понять буржуазной природы русской революции. Герцен — основоположник «русского» социализма, «народничества». Герцен видел социализм в освобождении крестьян с землей, в общинном землевладении и в крестьянской идее права на землю... На деле в этом учении Герцена, как и во всем русском народничестве, вплоть до полинявшего народничества теперешних «социалистов-революционеров», нет ни грана социализма. Это такая же прекраснодушная фраза, такое же доброе мечтание, облекающее революционность буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы «социализма» 1848 г. на Западе» [3].

Или вот еще другая характеристика Ленина: «Известно, что основой того бледнорозового квазисоциализма, который украшал собой (да и сейчас еще украшает) господствующее в нашем образо-

[1] Сакулин П. Н., Русская литература и социализм, с. 5.
[2] Там же, с. 74.
[3] Ленин В. И., Собр. соч., т. XII, ч. I, с. 97, «Памяти Герцена». (Разрядка моя.— *С. Щ.*).

ванном обществе либерально-народническое направление, лежала идея о диаметральной противоположности трудового «хозяйства» и «буржуазного хозяйства» [1].

Весь утопический социализм П. Н. Сакулин безоговорочно зачисляет по ведомству социализма. Все системы общественных реформаторов, возникшие в XIX ст., для него — равно социалистические системы, без дальней думы. Он не желает считаться с тем фактом, что зияющие раны, обнаружившиеся в теле общества, как только капитализм стал фактом, вызвали к жизни и в Англии, и во Франции, и в Германии проекты исцеления, исходящие от самых различных классов общества. Различные по своему классовому происхождению, эти реформаторские планы были различны по своему содержанию и существу.

Идеологи буржуазии видели, что анархия капиталистического производства и поляризация населения на богатых и нищих-пролетариев грозит самому существованию буржуазного общества. Они создавали утопические проекты примирения и сотрудничества классов, водворения организованного капитализма, не рез'едаемого ржавчиной конкуренции, гармонического общественного единства. Но в их идеальном обществе сохранялось деление на классы, частная собственность на орудия труда, капитал и прибыль на него, господство промышленников над всей хитроумно изобретенной ими, утопистами, общественной системой. Утопично было полагать, что можно достигнуть примирения классов, из которых одни живут за счет труда других; несбыточной мечтой являлось — убедить господствующие классы не очень напирать на эксплоатируемых, не доводить их до нищеты и пролетаризации. Ведь буржуазное общество как хозяйственная система не может существовать без всегда готовой к найму армии пролетариев, не имеющих ничего, кроме продающейся рабочей силы. Значит уничтожение пролетариата возможно только ценой уничтожения капиталистического способа производства. А реформисты из лагеря буржуазии были далеки, как небо от земли, от намерения низвергнуть буржуазное общество. Наоборот они хотели его укрепить, устранить его язвы, сгладить раздирающие его противоречия. Пока сохраняется частная собственность на средства производства, конкуренция между отдельными независимыми производителями неустранима. Утопично было мечтать о создании организованного общества на базе частного владения средствами производства. Что все такого рода проекты были утопичны —это бесспорно. Но были ли они социалистичны? Ни в какой мере.

---

[1] Ленин В. И., Собр. соч., т. IV, с. 192.

Многочисленная мелкая буржуазия — это тот самый контингент, из которого развивающийся капитализм вербовал нужный ему пролетариат. Конкуренция крупных предприятий, особенно машинных, постоянно сталкивает мелких хозяйчиков в пропасть нищеты, обездоливает их, лишает средств производства, превращает в пролетариат. Идеологи мелкой буржуазии выступили в свою очередь с проектами спасения собственного класса от гибели, проектами, которые они считали средством спасения всего общества. От конкуренции капиталистических предприятий надо избавляться созданием ассоциаций, товариществ самостоятельных мелких производителей. Но внутри этих ассоциаций право каждого распоряжаться своими средствами производства остается неприкосновенным, равно как и доля из общего продукта получается в зависимости от привнесенной в ассоциацию собственности. Таков был, в основном, рецепт мелкой буржуазии. Еще, по ее мнению, «коли уж зло пресечь», не надо допускать возникновения крупных предприятий и накопления больших состояний, особенно денежных. Мелкие хозяйства все более и более попадали в кредитную зависимость от финансовых магнатов, были в долгу, как в шелку.

Мелкобуржуазные реформаторские проекты тоже утопичны, но реакционно утопичны, поскольку они стремились развившиеся производительные силы вернуть вспять, на старую пройденную ступень мелкого производства, втиснуть их вновь в прорванную ими скорлупу. Эти проекты — тоже на социализм, как всякая кооперация сама по себе отнюдь еще не социализм.

Наконец, пролетариат выдвинул свои планы выхода из ужасов капитализма. Эти планы кардинально отличаются от буржуазных и мелкобуржуазных. Именно: они посягают на основу капиталистического общества — частную собственность на средства производства. Они имели целью ее уничтожение и преобразование всего общества на началах обобществления орудий труда. Пролетарские проекты на ранних ступенях были тоже утопичны в том смысле, что они не считались с направлением исторического развития, не клали стихийный хозяйственный процесс как основу, как залог неизбежного осуществления социалистических мечтаний. Эти проекты были тоже созданием отдельных реформистов, они были придуманы. Но реформаторские планы пролетариата, будучи утопическими, были социалистическими.

Вот как смотрел на это дело Ленин: «Есть социализм и социализм. Во всех странах с капиталистическим способом производства есть социализм, выражающий идеологию класса, идущего на смену буржуазии, и есть социализм, соответствующий идеологии классов,

которым идет на смену буржуазия. Феодальный социализм (был и такой! — *С. Щ.)* есть, например, социализм последнего рода» [1].

П. Н. Сакулину это все равно. Он действует, перефразируя известную пословицу: назвался социализмом — полезай в общий кузов. К изучению материала он подходит «соответственно своему пониманию социализма «как широкого мировоззрения, не укладывающегося в одни партийные программы, предназначенные для ближайшего осуществления...» Для него «представляют существенную важность проблемы научного реализма и религии в контексте социализма» [2].

Но это уж тоже не ново, — такой подход к делу. Именно по поводу ранее П. Н. Сакулина предпринятых попыток трактовать социализм аналогичным образом Ленин писал: «Автор (г. Л.)... с забавной серьезностью пытается уверить читателя, что «либерализм и социализм никоим образом нельзя отделять друг от друга, или даже противопоставлять один другому: по своему основному идеалу они тождественны и неразрывны, — социализм не угрожает опасностью либерализму, как этого опасаются многие, он приходит не разрушать, а исполнить заветы либерализма...» Г-ну Л. и присным его очень хочется, чтобы социал-демократы... понимали социализм «не в смысле готовых догматов и застывших доктрин, которые претендуют наперед учесть весь ход исторического развития...», а «как общий этический идеал...» (относимый, как известно, всеми филистерами, и либералами в том числе, в область неосуществимого в сей земной юдоли, в область будущей жизни и «вещей в себе»)» [3]. Именно с такой же забавной серьезностью пытается уверить читателя, и в том же самом, П. Н. Сакулин. И социализм он понимает как нечто «не укладывающееся в одни партийные программы», как «общий этический идеал».

Ленин продолжает: «Автор, видимо, понятия не имеет о том, что во всяком капиталистическом обществе не могут не существовать известные буржуазно-демократические элементы, стоящие за широкие демократические и социально-экономические реформы; автору... хочется приравнять буржуазное реформаторство к социализму, понимаемому, конечно, «не в смысле готовых догматов» [4].

Именно этого хочется и П. Н. Сакулину. Он тоже, не обинуясь приравнивает буржуазное реформаторство к социализму.

В дальнейшем, при рассмотрении отдельных положений, мы должны будем не раз возвратиться к более подробной характери-

---

[1] Ленин В. И., Собр. соч., т. XI, ч. 2, с. 174.
[2] Ленин В. И., Собр. соч., т. XI, ч. 2, с. 6.
[3] Там же, т. IV, с. 275—276.
[4] Ленин В. И., Собр. соч., т. IV, с. 275—276. (Разрядка Ленина).

стике перечисленных направлений общественной мысли и добавить к ним новые. Пока же достаточно указать здесь, что утвердившееся наименование — «утопический социализм» — об'единяет, по существу дела, понятия, не соединимые и порою ничего общего с социализмом не имеющие. Отнюдь не всякий утопизм был и есть социализм.

Профессор Сакулин собрался в поход. Он решил наконец, установить, кто же из русских писателей и в какой мере был социалистом. Но методологическое оружие его — самое понятие социализма — туманно, расплывчато, широко, дрябло, как тряпка. Соваться с этаким оружием к решению столь сложной и деликатной задачи — это все равно, что отправляться в дальнее плавание с луковицей вместо компаса в руках.

Тому «социализму», которым оперирует проф. Сакулин, дает удачное определение Достоевский: «социализм — это наука брожений; это хаос, это алхимия прежде химии, астрология прежде астрономии». Именно — алхимия. Причем у П. Н. Сакулина место искомого философского камня занимают «социальная правда», «равенство», «справедливость» и пр. Но в наше время марксистской «химии» и «астрономии» выступать с народнической алхимией — попытка как будто несколько и запоздалая. Ниже мы увидим, почему все-таки эти попытки повторяются с упорством, достойным лучшей участи.

Пажитнов, автор книги «Развитие социалистических идей в России», не согласен с определением социализма, данным П. Н. Сакулиным. Он критикует это определение, равно как и целый ряд других. Взамен их он предлагает свое, следующее определение социализма: «Это есть такая идеологическая система, которая верховным принципом хозяйственной жизни провозглашает интересы труда и ставит в центре ее не индивидуум, а более или менее обширный союз».

В этом определении коренной вопрос о собственности на средства производства, как видим, благополучно обойден молчанием. Получилось определение, способное вместить самые разнообразные, в корне противоположные «идеологические системы».

Довольный же автор, так удачно справившийся с затруднением, возглашает: «Уяснив себе с помощью этого определения сущность социализма (!), мы теперь легче можем разобраться в тех затруднениях, на которые наталкивается всякий, приступающий к его изучению» [1].

Вот еще один образчик «уяснения сущности социализма». В. Зомбарт определяет социализм как «практическую социальную рационалистику с антихрематистической тенденцией».

---

[1] Пажитнов, Развитие социалистических идей в России, с. 14.

Тысячу раз был прав Меринг, когда он писал: «Под «социальным» флагом плавал столь же, и даже более разнообразный груз, чем под флагом либеральным».

II

Теперь приступим к рассмотрению всего того материала из написанного Белинским, который во мнении многих историков литературы и социализма дает основание считать Белинского социалистом.

Общественное развитие Белинского началось с увлечения «абстрактным идеализмом» философских систем Шеллинга, и особенно Фихте. Сначала в кружке Станкевича, позднее — главным образом при посредстве М. А. Бакунина. Но на этой стадии отвлеченных исканий обеими ногами стоявший на земле Белинский долго задержаться не мог. Он находил, что «в духовном развитии человека момент отрицания необходим, потому что, кто никогда не ссорился с истиной, у того с ней и мир не очень прочен» [1].

Он был человеком живого практического дела, а не отвлеченных умствований. «Без примеров и фактов, — говорил он о себе, — у меня ничего не делается, потому что без них я ровно ничего не понимаю». Через все его развитие проходит одно руководящее, настойчивое, неугомонное стремление обосновать ход мысли ходом вещей. Или, как писал о нем его современник Анненков: «Под предлогом разбора русских сочинений (он) занят единственно исканием основ для трезвого мышления, способного устроить разумным образом личное и общественное существование» [2].

Вскоре он уже гремел против всяких беспочвенных фантазий и мечтаний, которым сам перед тем необузданно предавался.

«Мир возмужал, ему нужен не пестрый калейдоскоп воображения, а микроскоп и телескоп разума, сближающий его с отдаленным, делающий для него видимым невидимое. Действительность — вот лозунг и последнее слово современного мира!» [3].

Переход от «абстрактного идеализма» к действительности совершился под влиянием философии Гегеля, которой Белинский, по своему обыкновению, отдался со всей силой своей страстной души.

---

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. III, с. 229.
[2] Анненков, Литературные воспоминания, с. 175.
[3] Белинский В. Г., Собр. соч., т. VI, с. 195.

Гегель под конец жизни перешел к прославлению прусского абсолютизма и его восхвалению как образца общественного строя. Следуя за Гегелем, Белинский то же самое делал по отношению к русскому абсолютизму. Досужие критики обвиняли Белинского в том, что он здесь отступил от Гегеля, неверно его понял, что, мол, у Гегеля не все то действительно, что существует и т. д. Но Белинскому эта мысль Гегеля была известна. «Что действительно, то разумно, — писал он, — и что разумно, то действительно; это — великая истина; но не все то действительно, что есть в действительности» [1].

Та же мысль заключается и в следующих словах Белинского: «От процесса разлагающего разума умирают только такие явления, в которых разум не находит ничего своего и об'являет их только эмпирически существующими, но не действительными. Этот процесс и называется «критикой» [2]. Плеханов, защищая Белинского от несправедливых нападок в этом пункте, не ссылается на приведенные цитаты из самого Белинского.

Отрезвление от угара «примирения с действительностью» началось у Белинского вскоре после переезда в Петербург. «Петербург был для меня скалою, о которую больно стукнулось мое прекраснодушие. Это было необходимо». Так писал он Боткину в письме от 3 февраля 1840 г.

Белинский вновь встал в резко враждебные отношения к окружавшей его действительности. Этот переворот в сознании отразился на его критических оценках литературных явлений. В частности прежнее «французоедство» сменяется пламенным увлечением французской литературой, и в особенности Жорж Занд. Раньше он нападал на нее за то, что «известный, но отнюдь не славный, Жорж Занд пишет целый ряд романов, один другого нелепее, возмутительнее, чтобы приложить к практике идеи сен-симонизма. Какие же это идеи? Во-первых, эмансипация женщин, «источник которой скрывается в желании удовлетворять порочным страстям». Во-вторых, стремление «уничтожить всякое различие между полами, разрешив женщину на вся тяжкая», предоставить ей «менять мужей по состоянию здоровья».

Белинский хвалит автора книжки «Призвание женщины» за то, что он «порицает глупые бредни сен-симонистов, требующих непосредственного влияния женщин на общество... исправления общественных обязанностей наравне с мужчиною» [3].

---

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. IV, с. 268.
[2] Там же, т. VI, с. 197.
[3] Белинский В. Г., Собр. соч., т. IV, с. 6.

Теперь же он находит, что «госпожа Дюдеван ославлена слепой чернью, дикой и невежественной толпой, как писательница безнравственная».

В этот период Белинский увлекается изучением эпохи Великой французской революции. Он с жадностью набрасывается на историю Луи Блана и Менье. Именно влиянием этих чтений, происходивших обычно по субботам у Панаева, надлежит об'яснять следующие строки из письма к Боткину от 28 июня 1841 г.: «Я начинаю любить человечество маратовски: чтобы сделать счастливой малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную. Какое имеет право подобный мне человек стать выше человечества, отделиться от него железною короною и пурпуровой мантией, на которой, как сказал Тиверий Гракх нашего века, Шиллер, видна кровь первого человекоубийцы? Какое право имеет он внушать мне унизительный трепет? Почему я должен снимать перед ним шапку? Я чувствую, что, будь я царем, непременно сделался бы тираном. Царем мог бы быть только бог, бесстрастный и всеведущий. Посмотри на лучших из них — какие сквернавцы, хоть бы Александр-то Филиппович: когда эгоизм их зашевелится — жизнь и счастье человека для них нипочем. Гегель мечтал о конституционной монархии как идеале государства — какое узенькое понятие! Нет, не должно быть монархов, ибо монарх есть враг людям, он всегда отделится от них пустым этикетом, ему всегда будут кланяться хоть для формы».

В этом письме он снова повторяет свой новый взгляд на женщину. «Чорт знает, надо мне познакомиться с сен-симонистами. Я на женщину смотрю их глазами. Женщина есть жертва, раба новейшего общества. Честь женщины общественное мнение относит к ее органу, а совсем не к душе, как будто бы не душа, а тело может грязниться. Помилуйте, господа, да тело можно обмыть, а душу ничем не очистишь... А брак — что это такое? Это установление антропофагов, людоедов, патагонов и готтентотов, оправданное религией и гегелевской философией... Наша святая православная церковь лучше других поняла таинство брака. Она и не скрывает, что тут все дело в органе. Святейший правительствующий синод не разведет тебя с женою за несходство нравов, за отсутствие любви, за любовь к другой... Нет, брат, женщина в Европе столько же раба, сколько в Турции и Персии. И Европа еще смеет думать, что она далеко ушла, мы еще можем фантазировать, что человечество стоит на высокой степени совершенства! Если кто еще ушел подальше, так это Франция. Там явилась вдохновенная пророчица, энергический адвокат прав женщин — Жорж Занд. Там брак есть договор, скрепляемый судебным местом,

а не церковью; там с любовницами живут, как с женами, и общество уважает любовниц наравне с женами. Великий народ!»

По поводу этого письма П. Н. Сакулин пишет: «Лишь из письма можно почувствовать, что Белинский действительно фанатически уверовал в идею социализма» [1].

Очевидно, «можно почувствовать» это по той части письма, которая трактует о судьбах женщины. Но перед этим, на с. 7—8, автор пишет: «Настоящего знакомства с социализмом еще нет. В конце июня 1841 г. Белинский только еще собирается «познакомиться с сен-симонистами», но уж он страстно проникся социалистическим настроением».

Но слова — «чорт знает, мне надо познакомиться с сен-симонистами», — находятся как-раз в том самом письме от 28 июня, по поводу которого П. Н. Сакулин пишет на следующей же странице, что Белинский «фанатически уверовал в идею социализма». Два существенно различных вывода, две различных оценки одного и того же письма: 1) настоящего знакомства с социализмом нет, есть только «социалистическое настроение», 2) фанатическая вера в идею социализма. Настроение и фанатическая вера — это совсем не одно и то же. Откуда проистекает это различие в оценках на двух рядом расположенных страницах? Из крайней неясности, совершенно чудовищной неопределенности понятия социализма, которым оперирует сам автор, излагающий воззрения Белинского.

Бесспорно, письмо это, равно как и рецензии Белинского на романы Жорж Занд, написанные в эту эпоху, свидетельствуют о повороте на 180 градусов, который проделал Белинский в отношении к женщине. Такой же поворот произошел в нем и в отношении к немецкой философии и французскому революционному движению. Но письмо это отнюдь не дает оснований таким категорическим заключениям, которые делает П. Н. Сакулин.

Белинский возмущен особо тяжким и унизительным положением женщины в странах, где господствовал феодализм. Для Франции же, где великая революция разгромила феодализм до конца и ввела свое законодательство, свои обычаи и нравы, свои понятия о нравственности, — Белинский делает исключение: он не только не мечет громов против Франции, но отзывается о ней с высокой похвалой.

Те требования, на которых настаивает Белинский, могут быть удовлетворены в рамках буржуазного общества и ничего социалистического в себе не содержат. Ссылка его на Францию лучше всего об этом свидетельствует.

[1] Сакулин П. Н., Социализм Белинского, с. 9.

Гораздо важнее первая часть этого письма. В отличие от неясных сетований на судьбу женщины здесь совершенно точно развиты две мысли: 1) «не должно быть монархов»; мечта Гегеля, его недавнего кумира, о конституционной монархии — «узенькое понятие». 2) В борьбе против общественных зол, в том числе и против монархов, необходимы «маратовские» средства. В борьбе одной части человечества против другой допустимо «огнем и мечом» истреблять врага.

В каком отношении находятся эти мысли к тогдашнему утопическому социализму? Они прямо противоречат его учению о невмешательстве в политику, об отрицании классовой борьбы, о примирении классовых противоречий. Из этого письма Белинского надлежит сделать гораздо более серьезный вывод, чем тот, который делает П. Н. Сакулин. Не проблематическая «фанатическая вера в социализм» характерна для пути, на который встал Белинский к этому времени, а усвоение идей революционного демократизма. Утопический социализм всех оттенков предполагал добиться осуществления своих планов преобразования общества обращением в свою веру императоров и владетельных мира сего, чтобы их властью провести свои планы в жизнь. И не только предполагали, но и пытались завербовать монархов в утопический социализм. Известны надежды, которые возлагал Прудон на Наполеона III, длинные вечера, в течение которых Фурье регулярно просиживал в ожидании миллионера с деньгами на основание фаланстеров. Роберт Оуэн обратился даже с соответствующим посланием к Николаю I, — уж на что неподходящий об'ект для социалистической агитации. А Белинский готов был истреблять монархов огнем и мечом. Утопические социалисты всех оттенков относились резко отрицательно, даже враждебно, к Великой французской революции, в частности к эпохе террора. Таковы — Фурье,Сен-Симон. А Белинский начинал любить человечество «маратовски».

Сама по себе идея социализма разумеется ни в каком противоречии с «мартовскими» мерами ее осуществления не находится. Не надо однако же забывать, что во всех работах о социализме Белинского речь идет об усвоении им идей французского утопического социализма разных оттенков, о влиянии на него идей Сен-Симона, Фурье, Луи Блана, Кабэ, Леру, Жорж Занд. Кроме того, как это видно из цитаты, о «маратовских» мерах Белинский упоминает в такой связи идей, что ничего социалистического там отыскать невозможно.

Такой же смысл и характер имеет следующая фраза в том же письме: «Во Франции, Англии, Германии люди, никогда не видящие друг друга, чуждые друг другу, могут сознавать свое род-

ство — обниматься и плакать — одни на площади, в минуту восстания против деспотизма за право человечества, другие — хотя в вопросе о хлебе, третьи — при открытии памятника Шиллеру» [1].

Прямым свидетельством увлечения Белинского социализмом принято считать письмо к Боткину от 8 сентября 1841 г. Там он пишет: «Итак, я теперь в новой крайности, — это идея социализма, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфою и омегою веры и знания. Все из нее, для нее и к ней. Она — вопрос и решение вопроса. Она (для меня) поглотила и историю, и религию, и философию. И потому ею об'ясняю теперь жизнь мою, твою и всех, с кем встречался я на пути к жизни».

После такого прямого заявления — о чем, казалось бы, спорить? Все ясно, как божий день. Белинский — социалист. Но так дело представляется только на первый взгляд и только тому, кто хватается за слова, не заботясь о понятии, которое они выражают. Как понимает сам Белинский «идею социализма»? Для него слово «социализм» равнозначуще слову «гражданственность». Под социализмом он понимал развитую общественную жизнь, когда отдельная личность живет не одними своими замкнутыми, эгоистическими интересами, а принимает деятельное участие в делах общества, живет для общества и его интересами.

Общественный строй античного мира ему представляется социализмом. Вот прямое тому свидетельство:

«Социализм и республиканская форма правления древних обществ сделали красноречие самым важным и необходимым искусством, ибо оно отворяло двери к власти и начальствованию» [2].

Можно ли по поводу этого заявления приходить в экстаз и вопить: вот еще одно неопровержимое доказательство социализма Белинского! Слово «социализм» налицо, но понятие, им обозначаемое, имеет совершенно иной смысл, что опрокидывает все такие утверждения, лишает их всякого содержания, а их авторов ставит в комическое положение. Пусть попробует кто-либо из них утверждать, что в «древних обществах» был социализм! И всюду, где Белинский употребляет слово «социализм», он вкладывает в него одно и то же содержание: гражданственность, общественность.

«Социализм» древних греков выражался, по словам Белинского, в том, что «в древнем мире все стихии общественной жизни были

---

[1] Разрядка моя.— *С. Щ.*

[2] Белинский В. Г., Собр. соч., т. X, с. 13. (Разрядка моя.— *С. Щ.*).

тесно и неразрывно связаны друг с другом и, взаимно проникая одна в другую, образовывали собою прекрасное и живое единое целое»[1].

В современном же обществе этот социализм утрачен. «В новом мире все общественные стихии действуют раз'единенно и самобытно».

Белинский скорбит об этом раз'единении, хоть и понимает его неизбежность и необходимость. Он стремится к восстановлению и возрождению общественной гармонии. В этом смысле употребляет он слово «социализм» и в цитируемом письме. Стоит лишь продолжить его чтение, чтобы убедиться в этом.

Оказывается, что «мы (кружок Белинского) были призраками и умрем призраками, но не мы виноваты в этом, нам не в чем винить себя». Виновато в этом общество. «Любимая (и разумная) мечта наша постоянно была — возвести до действительности всю нашу жизнь, а следовательно и наши взаимные отношения». Почему же разумная и любимая мечта эта не стала действительностью, осталась мечтой, а они сами обречены умереть призраками? Белинский отвечает: потому что «действительность возникает на почве, — а почва всякой действительности — общество». Общество реализуется, «возводится до действительности», как известное об'единение людей отдельной национальности. «Человек — великое слово, великое дело, но тогда, когда он — француз, немец, англичанин, русский. А русские ли мы?»

Их взаимоотношения с обществом, в котором они были обречены жить, представлялись Белинскому в следующем виде: «общество смотрит на нас как на болезненные наросты на своем теле; а мы на общество смотрим — как на кучу смрадного помета. Общество право, мы еще правее». Другое дело — в Западной Европе. Там общество живет известною суммою известных убеждений, в которых все его члены сливаются воедино, как лучи солнца в фокусе зажигательного стекла, понимают друг друга, не говоря ни слова...». А в России — «мы люди без отечества — нет, хуже, чем без отечества: мы люди, которых отечество — призрак, — и диво ли, что сами мы призраки, что наша дружба, наша любовь, наши стремления, наша деятельность — призрак».

Почему такая мрачная оценка русских условий жизни? Потому, что «без цели нет деятельности, без интересов нет цели, а без деятельности нет жизни. Источник интересов, целей и деятельности — субстанция общественной жизни. Для России эту «субстанцию» Белинский рисует в крайне мрачных тонах: «Сердце мое обливается кровью и судорожно содрогается при взгляде на толпу и ее пред-

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. XII, с. 408.

ставителей. Горе, тяжелое горе овладевает мною при виде и босоногих мальчишек, играющих на улицах в бабки, и оборванных нищих, и пьяного извозчика, и идущего с развода солдата, и бегущего с портфелем под мышкой чиновника... подавши грош солдату, я чуть не плачу, подавши грош нищей, — я бегу от нее, как будто сделавши худое дело и как будто не желая слышать шелеста собственных шагов своих. И это жизнь: сидеть на улице в лохмотьях, с идиотским выражением на лице, набирать днем несколько грошей, а вечером пропить их в кабаке — и люди это видят, и никому до этого нет дела... и это общество, на разумных началах существующее, явление действительности». Перед умственным взором Белинского носился идеал другого общества, лишенного пороков и зол. «И настанет время — я горячо верю этому — настанет время, когда никого не будут жечь, никому не будут рубить головы, когда преступник как милости и спасения будет молить себе казнь и не будет ему казни, но жизнь останется ему в казнь, как теперь смерть; когда не будет бессмысленных форм и обрядов, не будет договоров и условий на чувство, не будет долга и обязанностей и воля будет уступать не воле, а одной любви. Женщина не будет рабою общества и мужчины, но, подобно мужчине, свободно будет предаваться своей склонности, не теряя доброго имени... не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди, и, по глаголу апостола Павла, Христос даст свою власть отцу, а Отец — Разум снова воцарится, но уже в новом небе и над новой землей».

Каким же путем будет достигнут идеал, каким путем придет общество из своего ужасающего современного состояния к светлому будущему? Путем все той же «социальности». Белинский восклицает: «социальность, социальность — или смерть! Вот девиз мой».

«Для низших натур невозможно очеловечение?» — спрашивает Белинский и отвечает: «Вздор — хула на духа! Светский пустой человек жертвует жизнью за честь, из труса становится храбрецом на дуэли, не платя ремесленнику кровавым потом заработанных денег,— делается нищим и платит карточный долг; что побуждает его к этому? Общественное мнение? Что же сделает из него общественное мнение, если оно будет разумно вполне? К тому же воспитание всегда делает нас или выше или ниже нашей натуры, да, сверх того, с нравственным улучшением должно возникнуть и физическое улучшение человека. И это сделается чрез социальность. И потому нет ничего выше и благороднее, как способствовать ее развитию и ходу.

Со словом «социальность» повторяется та же история, что и со словом «социализм»: Белинский употребляет его очень часто и всегда неизменно в одном и том же значении: гражданственность, обще-

ственность. «Общественный» — для Белинского является переводом на русский язык французского слова «социальный». Только и всего. Никакого «социалистического» смысла в понятия «социальность», «социальный» он и не думает вкладывать.

Противопоставляя искусство Германии и Франции, Белинский пишет:

«Германия и Франция — два противоположные полюса, две противоположные крайние стороны духа человеческого: первая — вся мысль, вся идея, все созерцание; вторая — все дело, вся жизнь. Германия понимает (созерцает) жизнь как сознание, и отсюда — мыслительно-созерцательный, суб'ективно-идеальный характер ее искусства и науки.. Франция напротив понимает (созерцает) жизнь как развитие общественности, как приложение к обществу всех успехов науки и искусства, и отсюда — положительный характер ее науки и о б щ е с т в е н н ы й (социальный) характер ее искусства» [1].

Белинский находил, что латинская литература «более соответствовала их (французов. — *С. Щ.)* практическому социальному духу» [2].

Наука и искусство Франции «социяльны» потому и в том смысле, что они там суть «средства для общественного развития, для отрешения личности человеческой от «тяготеющих и унижающих ее оков предания» [3].

Эти формулировки относятся еще к тому периоду, когда Белинский находил, что «восторженные бредни Жорж Занд — profession de foi сен-симонизма в форме повестей, драм и романов» [4], т. е. когда он еще не был подвержен сам этим бредням. Но «социальность», «социальный» он понимал в этом же смысле и позднее.

Он говорит например о русской литературе времен Сумарокова, что «дидактическое направление есть признак жизненности, социяльности, и полезно как для общества, так и для самого искусства» [5].

Слова «социальный роман» он трактует в том самом смысле, в каком они употребляются и теперь. Содержание таких романов — «художественный анализ современного общества, раскрытие тех невидимых основ его, которые от него самого скрыты привычкой и бессознательностью». Социальный роман — это произведение, решающее в художественной форме общественные вопросы.

Такими романами Белинский считает произведения Жорж Занд, Диккенса и даже Гоголя.

---

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. IV, с. 208 (Разрядка моя.—*С. Щ.*).
[2] Там же, т. V, с. 6.
[3] Там же, т. IV, с. 209.
[4] Белинский В. Г., Собр. соч., т. IV, с. 211.
[5] Там же, т. VI, с. 256.

«Жорж Занд, — пишет он, — есть, без сомнения, первый поэт и первый романист нашего времени. За его романами не без основания утверждено название «социяльных»... Не нужно особенно пристально вглядываться вообще в романы нашего времени, сколько-нибудь запечатленные истинным художественным достоинством, чтобы увидеть, что их характер, по преимуществу, социяльный. Довольно указать на романы Диккенса, обладающего талантом высшего разряда; а у нас в России — на произведения автора «Мертвых душ», давшего живое, общественное направление новой литературе своего отечества» [1].

Именно за эту связь с животрепещущими вопросами современности, которыми он сам больше всего болел и мучился, Белинский и превозносит так называемую натуральную школу в литературе.

Ссылка на Гоголя лучше всего показывает однако, сколько «социалистического» содержания вкладывалось в понятия «социализм», «социальность». Для Белинского эти слова обозначали действенность, общественную активность. Его пристрастие к социальности есть лишь другое выражение его пламенного желания остаться на почве реальной действительности, в ней самой, а не в химерах искать выхода из нее же, из отвратительной тогдашней действительности. В этом именно смысле Белинский восклицал: «социальность или смерть!».

За этими словами скрывалась его революционность, его якобинские устремления.

По поводу этого письма П. Н. Сакулин пишет в своих комментариях, отбрасывая всякие сомнения прочь, что «револционно-социалистическое настроение Белинского определилось вполне» [2].

Между тем воззрения, развиваемые здесь Белинским, могли быть в равной мере почерпнуты им из материалистической философии XVIII века. Человека формирует окружающая общественная среда. Если она разумно устроена, то тем самым обеспечивается разумное воспитание человека, его нравственное и физическое совершенство. Вопрос стало быть сводится к тому, чтобы построить «общественное мнение» на разумных началах. Под «социальностью» тут разумеется общественность, как целое, своими свойствами воспитывающее каждого из членов общества. Нет никаких указаний на то, какие же принципы должны быть положены в основу «социальности», организации общественного мнения, принципы, которые помогут человеку стать «выше нашей натуры». Нет таких указаний

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. XI, с. 125—126.
[2] Сакулин П. Н., Социализм Белинского, с. 20.

и в картине того будущего общества, которую рисует Белинский. Решающее влияние «общественного мнения» признавалось безусловно материалистами XVIII столетия, но еще никто до сих пор не отважился зачислить их в социалисты. Для социализма характерно не признание примата общества над личностью, а определенный тип организации самого общества. У Белинского же в цитируемом письме мы не находим ровно никаких признаков, дающих право утверждать, что он склонялся к социалистическому пониманию «социальности». Его общественный идеал носит крайне общий, неопределенный характер.

Зато по вопросу о том, как «способствовать развитию и ходу социальности», Белинский имел совершенно твердое, ясное суждение, опять-таки ничего общего неимеющее с воззрениями на этот счет утопистов-социалистов и просто реформаторов XIX столетия.

«Смешно думать, — пишет он здесь же, — что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови. Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью. Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов».

Как видим Белинский не только не обходит молчанием иллюзии утопистов о безболезненном и мирном превращении современного общества в более разумное, о примирении классовых противоречий, о всеобщей гармонии; он не только не соглашается с этими взглядами, но прямо смеется над ними. Он заявляет: эти иллюзии смешны.

В письме мы находим прямые указания, откуда, из каких эпох черпает он свои ответы на вопросы о путях пересоздания общества. «Я ожесточен, — пишет Белинский, — против всех субстанциальных начал, связывающих, в качестве верования, волю человека! Отрицание — мой бог. В истории мои герои — разрушители старого — Лютер, Вольтер, энциклопедисты, террористы, Байрон («Каин»)... Мне отраднее кощунства Вольтера, чем признание авторитета религии, общества, кого бы то ни было! Знаю, что средние века — великая эпоха, понимаю святость, поэзию, грандиозность религиозности средних веков; но мне приятнее XVIII век — эпоха падения религии: в средние века жгли на костре еретиков, вольнодумцев, колдунов; в XVIII — рубили на гильотине головы аристократам, попам и другим врагам бога, разума и человечности».

Совершенно излишне доказывать, что такие взгляды могли быть усвоены Белинским под влиянием изучения не утопических систем XIX века, а эпохи Великой французской революции.

Следующим по времени документом, долженствующим доказать социализм Белинского, является его рецензия на книгу проф. Лорен-

ца — «Руководство всеобщей истории», рецензия, помещенная в XXI книге «Отечественных записок» за 1842 г.

Здесь мы находим следующие идеи: 1. «Еще и теперь многие добрые люди повторяют чужие зады, пренаивно уверяют, что искусство само по себе, а жизнь сама по себе, что между тем и другою нет ничего общего и что искусство унизилось бы, снизойдя до современных интересов. Действительно, если под «современными интересами» разуметь моды, биржевой курс, сплетни и мелочи света, то искусство играло бы слишком жалкую роль... Нет, не то разумеется под историческим направлением искусства: это не интересы сословия, но интересы общества; не интересы государства, но интерес человечества; словом, это общее, в идеальном и возвышенном значении слова».

2. «Чувство общественности теперь везде сильнее, чем когда-либо прежде было. Каждый живее чувствует себя в обществе и общество в себе, и каждый, по крайней мере, претендует служить обществу, служа себе самому. Вражда между сословиями исчезает, и они примиряются в признании взаимной необходимости и взаимной важности для общества. Зависть уступает место соревнованию. Общественные предприятия возбуждают общий интерес как дело, лично до каждого касающееся. Какая-нибудь железная дорога утверждается на основании опытов прошедшего, на предвидении результатов будущего».

3. «Мрачный дух сомнения и отрицания, как элемент, или, лучше сказать, как сторона всецелого и вечного духа жизни, играет в движении великую роль, отрывая отдельные лица и целые массы от непосредственных и привычных положений, стремя их к новым и сознательным убеждениям...».

4. «Современное состояние человечества есть необходимый результат разумного развития, и... от его настоящего состояния можно делать посылки к его будущему состоянию... Свет победит тьму, разум победит предрассудки, свободное сознание сделает людей братьями по духу — и будет новая земля и новое небо».

Те же идеи, но в несколько более отчетливой форме развивает Белинский в статье о книге Маркевича «История Малороссии»[1].

Здесь Белинский пишет: «Одна из самых характеристических черт нашего времени — стремление к единству и сродству доселе разрозненных элементов умственной жизни. Жизнь, очевидно, стремится теперь стать единою и всецелою. И если доселе проявлялась она в тысячах односторонностей, раз'единенною и раздробленною

[1] Цит. по сборнику «Венок Белинскому», 1924.

на бесконечное множество сторон, из которых каждая претендовала на право исключительной монополии в области духа... — это противоположное органическому единству стремление было необходимо для самого же этого органического единства, заря которого уже занимается на горизонте человечества... Раз'единение есть неизбежное условие единства, — первый момент в процессе единства. Только отдельно развившиеся элементы могли развиться вполне, и только вполне развившиеся элементы могли сознать свое родство и увидеть в себе не опасных врагов, а друзей, равно нуждающихся друг в друге и равно полезных друг другу... Каждому народу предназначено было развить одну какую-нибудь сторону жизни... и каждый из этих народов смотрит на все другие народы, считая одного себя и умным, и добрым, и дельным. Отсюда все национальные ненависти, отсюда соперничество, похожее на злобу, соревнование, похожее на зависть... В мысли, что государства должны ревниво смотреть одно за другим и имеют право друг друга ограничивать, уже в самой этой мысли видно начало единства, хотя и дурно понятого. Теперь это единство понято иначе и состоит в подчинении великой идеи национальной индивидуальности еще более великой идее человечества. Народы начинают сознавать, что они — члены великого семейства человечества, и начинают братски делиться друг с другом духовными сокровищами своей национальности... И недалеко уже то время, когда исчезнут мелкие эгоистические расчеты так называемой политики, и народы обнимутся братски, при торжественном блеске солнца разума и раздадутся гимны примирения ликующей земли с умилостивленным небом!.. Если настоящее историческое положение так резко противоречит этой картине и представляет ее несбыточною мечтою разгоряченной фантазии, то для умов мыслящих и способных проникать в сущность вещей это настоящее историческое положение человечества, как ни безотрадно оно, представляет все элементы и все данные, на основании которых самые смелые мечты в настоящем становятся в будущем самою положительною действительностью» [1].

В. Спиридонов в комментариях к этой рецензии Белинского пишет: «В настоящей статье в замаскированной форме проводятся идеи социализма». Проф. Сакулин, оценивая статью о книге Лоренца, гораздо более решителен в своих выводах: «Нет пределов прогрессу человечества, — пишет он. — Впереди ожидает людей настоящий золотой век, когда будет «новая земля и новое небо», т. е. когда получат осуществление идеалы социализма. Таким образом, исходя

---

[1] Сборник «Венок Белинскому», с. 27—29.

из диалектического принципа Гегеля, Белинский старается оправдать социализм как исторически неизбежное явление» [1].

По поводу слов Белинского — «Мрачный дух сомнения и отрицания стремит их (людей) к новым сознательным убеждениям» — П. Н. Сакулин спешит добавить от себя в скобках: «т. е. к социализму».

Суммируем коротко развиваемые Белинским в этих двух статьях идеи:

1. Настоящий общественный строй неизбежно должен превратиться в новый, более совершенный, более разумный. Белинский опять не дает сколько-нибудь конкретных указаний, как, на каких основах будут зиждиться «новая земля и новое небо». Идеал дается Белинским в самых общих, неопределенных чертах. Под эти неясные грезы можно подвести какое угодно содержание. В частности сюда легко укладывается буржуазное движение XVIII века, которое шло тоже облеченное в общие туманные мечтания о лучшем, разумном, справедливом общественном строе.

2. В современном обществе происходит процесс постоянного нивелирования, исчезновения сословий, уравнения.

3. Отдельные национальные государства приходят все в более и более тесное соприкосновение друг с другом; место их взаимной вражды и борьбы постепенно занимает гармоническое единство.

Рассмотрим отдельно каждое из этих положений. Проф. Сакулин и В. Спиридонов об'ясняют неопределенность очертаний грядущего строя, который, по мнению Белинского, призван заменить существующий, — необходимостью считаться с цензурными условиями. Верно, цензура была, по выражению Белинского, «калмыцкая». Но и в цитированном письме к Боткину будущее общество дано также в крайне туманных, неопределенных очертаниях. И там и здесь одинаково отсутствуют всякие намеки на основной признак конституции общества — формы собственности на орудия труда. Можно конечно сослаться на то, что и в письмах было не безопасно высказывать социалистические и революционные воззрения: недреманное око цензуры достигало и туда. Будучи за границей в 1847 г., Белинский писал из Зальцбрунна Гоголю: «Живя в России, я не мог бы этого сделать (писать правду. — *С. Щ.*), ибо тамошние Шпекины распечатывают чужие письма не из одного личного удовольствия, но и по долгу службы, ради доноса».

Но возражение это имеет лишь видимость убедительности и отступает перед фактами. В тех же двух письмах к Боткину Белин-

[1] Сакулин П. Н., Социализм Белинского, с. 20.

ский не побоялся исповедать свою «маратовскую» любовь к человечеству, свою ненависть к монархам, свой план спасти общество при помощи огня, меча и гильотины. А это было поопаснее вегетарианских мечтаний платонического «социализма». Белинский сам признавался, что он живет только в письмах. Письма поэтому мы имеем право считать отражением того, что действительно думал и чувствовал Белинский. Неясность социального идеала не была навязана Белинскому цензурой: самому Белинскому до конца жизни не удалось доработаться до точной концепции будущего общества, о котором он мечтал, точной разумеется в смысле основ, фундамента, на котором оно должно быть построено.

Далее, в приведенных отрывках речь идет о ликвидации сословий, постепенном исчезновении юридического неравенства между людьми. Требование формального юридического равенства ни в какой мере не есть требование социалистическое. Наоборот оно есть типичное, коренное требование буржуазии: раскрепощение личности лежит в природе буржуазной экономики. Под лозунгом ликвидации сословных привилегий и юридических перегородок шли все буржуазные революции. В разбираемом суждении Белинского нет и намека на исчезновение экономического неравенства, на осуществляющееся или грядущее исчезновение общественных классов.

Несколько позднее, в 1846 г., в статье «Мысли и заметки о русской литературе» Белинский дает понять подробнее, что речь у него идет именно о ликвидации сословий, а не классов. «В нашем обществе, — пишет он, — преобладает дух раз'единения: у каждого нашего сословия все свое, особенное — и платье, и манеры, и образ жизни, и обычаи, и даже язык... Дух раз'единения враждебен обществу: общество соединяет людей, каста раз'единяет их... Этот дух особности так силен у нас, что даже и новые сословия, возникшие из нового порядка дел, основанного Петром Великим, не замедлили принять на себя особенные оттенки. Чему удивляться, что дворянин на купца, купец на дворянина вовсе не походят... Реформа Петра Великого не уничтожила, не разрушила стен, отделявших в старом обществе один класс от другого; но она подкопалась под основание этих стен, и если не повалила, то наклонила их на бок, — и теперь со дня на день они все более и более клонятся, обсыпаются и засыпаются собственными своими обломками, собственным своим щебнем и мусором, так что починять их значило бы придавать им тяжесть, которая, по причине подрытого их основания, только ускорила бы их и без того неизбежное падение».

Нельзя же считать, что реформа Петра Великого «подкопалась под основы» классового капиталистического общества. Она, эта

реформа, пыталась подкопаться под основные перегородки, мешавшие развитию капитализма. Реформа Петра I кончилась, как известно, компромиссом. Торговый капитал, агентом и приказчиком которого был Петр I, пошел на сделку с дворянством, подчинив помещичье хозяйство и помещичье государство своим интересам, заставив его служить своим потребностям, но не уничтожив сословий, не свалив этой стеснительной для промышленного капитализма системы сословных перегородок и привилегий. Решение этой задачи выпало на долю поколения, к которому принадлежал Белинский и особенно его продолжатели и преемники. Белинский полагал, что литература способствует ее решению.

В той же статье он пишет по этому поводу: «Литература наша создала нравы нашего общества, воспитала уже несколько поколений, резко отличающихся одно от другого, положила начало внутреннему сближению сословий, образовала род общественного мнения и произвела нечто вроде особенного класса в обществе, который... состоит из людей всех сословий, сблизившихся между собою через образование... Как бы то ни было, но это факт, не подлежащий никакому сомнению, что только в последнее время у нас начало делаться заметным число людей, которые нравственные убеждения стараются осуществлять на деле, в ущерб своим личным выгодам и во вред своему общественному положению... Образованность равняет людей... внутренно связывают людей общие нравственные интересы, сходство в понятиях, равенство в образовании и, при этом, взаимное уважение к своему человеческому достоинству».

Речь идет, как это вполне явствует из текста самого Белинского, об уничтожении сословий, феодального порядка вещей. В статье о «Сельском чтении» Одоевского[1] Белинский до конца расшифровывает свою мысль: «Торжество божественного учения Евангелия и успехи образованности должны были, наконец, довести до этого (до внимания правительств и обществ к положению народа. — *С. Щ.*) Европу, несмотря на царствовавшие в ней феодальные предрассудки и учреждения, долго раз'единявшие государственные сословия».

Сословия были бельмом на глазу тогдашнего общества, особенно в России. Их тормозящая — экономический, а за ним и всякий иной прогресс — роль прямо вопияла к небесам. Все упиралось в сословные привилегии дворянства. Это была плотина, которую нужно было прорвать прежде всего. А проф. Сакулин с наивным видом замечает в своих комментариях к этим цитатам из Белинского: «В конце концов, заслуга русской литературы, по мнению Белинского, высказан-

---

[1] Белинский, В. Г., Собр. соч., т. XI.

ному еще в «Мыслях и заметках»... состоит в том, что она подготовляет социальное единство, разрушая стены, отделяющие один к л а с с от другого и подготовляя таким образом торжество социализма».

Вывод этот представляет собой грубейшую натяжку и совершенное игнорирование фактов и точного смысла слов самого Белинского. А еще П. Н. Сакулин целомудренно оговаривается: «Я... избегаю насилия над фактами» [1].

Сословия он без дальних околичностей заменяет классами. Вывод П. Н. Сакулина не подкрепляется не только точным смыслом, но даже духом того, что написано у Белинского. И это несмотря на то, что сам же П. Н. Сакулин в предыдущей фразе пишет: «Белинский пространно раз'ясняет социальное значение этой (натуральной. — *С. Щ.)* школы, имея в виду беллетристику 40-х гг... приходилось самыми элементарными аргументами защищать демократический уклон литературы». Но демократический уклон — это же нечто совсем другое, чем «подготовление социализма». Противоречие бьет в глаза. Но П. Н. Сакулина оно нимало не смущает. По поводу утверждения Белинского, что литература «произвела нечто в роде особенного класса в обществе», т. е. интеллигенции как общественного слоя, наш автор пишет буквально следующее: «Уже экономический прогресс, — рассуждает Белинский, — содействует падению социальных перегородок, росту социальности. Но еще большую надежду возлагает он на... усиление интеллигенции, способной действовать «во вред своему общественному положению», т. е. с л е д о в а т е л ь н о с п о с о б н о й п р о н и к н у т ь с я и с о ц и а л и с т и ч е с к и м и и д е а л а м и» [2].

Автор очевидно полагает, что быть способным проникнуться социалистическими идеалами — значит всегда действовать во вред своему общественному положению. Ему и невдомек, что в те времена, когда интеллигенция проникалась социалистическими идеалами, она действовала не вопреки и во вред своему общественному положению, а именно в соответствии с ним. Самая способность проникнуться социалистическим идеалом обусловливалась ее положением в обществе в такие эпохи. Изменялось ее общественное положение — и эта способность к «социализму» исчезала, как дым.

Наконец третий разряд идей, призванный доказать социализм Белинского, это — его интернационализм. В мыслях, излагаемых Белинским, находит свое выражение экономический факт втягивания русского хозяйства в систему мирового обмена. На базе этого расту-

[1] С а к у л и н П. Н., Русская литература и социализм, с. 10.
[2] Е г о ж е, Социализм Белинского, с. 176.

щего обмена материальными ценностями растет также и обмен ценностями духовными. «Каждый успех одного народа, — пишет Белинский в статье о Маркевиче, — быстро усваивается другими народами, и каждый народ заимствует у другого особенно то, что чуждо его собственной национальности, отдавая в обмен другим то, что составляет исключительную собственность его исторической жизни и что чуждо исторической жизни других». П. Н. Сакулин вслед за Ивановым-Разумником выхватывает отдельные фразы из общего контекста статей Белинского и на основании этих обрывков истошным голосом вопит о социализме Белинского. Но настоящее значение эти фразы получают только в связи с общей суммой идей, развиваемых здесь Белинским.

Если бы эти авторы не только ссылались на Маркса, а думали бы над тем, что писал великий человек, то они не так часто и не столь стремительно попадали бы пальцем в небо.

Маркс дал еще в «Коммунистическом манифесте» анализ причин и характеристику «интернационализма», от которого приходят в неумеренный восторг люди, не имеющие ни социальных, ни теоретических устоев.

«Своей эксплоатацией всемирного рынка,—пишет Маркс,—буржуазия преобразовала в космополитическом духе производство и потребление всех стран. К великому огорчению реакционеров, она лишила промышленность национальной почвы. Исконные, национальные отрасли промышленности уничтожены или уничтожаются с каждым днем. Они вытесняются новыми отраслями промышленности, введение которых является вопросом жизни для всех цивилизованных наций, теми отраслями промышленности, которые обрабатывают не только местные сырые продукты, но и произведения самых отдаленных стран и фабричные продукты которых потребляются не только внутри страны, но и во всех частях света. Прежние потребности, удовлетворявшиеся с помощью местных продуктов, заменились новыми, для которых необходимы произведения отдаленнейших стран и разнообразнейших климатов.

Прежняя местная национальная замкнутость и самодовление уступают место всестороннему обмену и всесторонней взаимной зависимости народов. И как в области материального, так и в области духовного производства. Плоды умственной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся теперь все более и более невозможными и из многих национальных и местных литератур обра-

зуется одна всемирная литература»[1].

Именно в эпоху Белинского Россия переживала, несмотря на крепостное право, бурный рост промышленности и усиленный вывоз хлеба на западноевропейский рынок.

Россия все больше становилась составной частью мирового хозяйства.

Белинский лишь осознавал этот экономический факт и формулировал его следствия в области духовной культуры. Ровно ничего социалистического тут нет.

Белинский совсем не имеет в виду исчезновение национальностей, растворение их в человечестве. Стоит только внимательнее вчитаться в ту же статью о Маркевиче и не цепляться исключительно за любезные твоему сердцу места. Белинский пишет там, между прочим: «Теперь только слабые ограниченные умы могут думать, что успехи человечности вредны успехам национальности, и что нужны китайские стены для охранения национальности. Умы светлые и крепкие понимают, что национальный дух совсем не одно и то же, что национальные обычаи и предания старины, которыми так дорожит невежественная посредственность. Они знают, что национальный дух так же не может исчезнуть или переродиться через сношения с иностранцами и вторжение новых идей и новых обычаев, как не могут исчезнуть или переродиться физиономия и натура человека через науку и общение с людьми». (Разрядка моя. — *С. Щ.)*.

Белинский и в этом случае понимал дело куда глубже, чем многие из его позднейших комментаторов.

Белинский не против патриотизма. Он только за «истинный патриотизм». «Что знание французского языка, — продолжает он, — нисколько не находилось в противоречии с истинным патриотизмом и не было в ущерб ему, — лучшим доказательством этой истины служит великая война 1812 — 1814 гг.: известно фактически, что не только в гвардии, но и в армии русской было много образованных офицеров, которые говорили по-французски, — однако ж, это не помешало им лить кровь и умирать доблестно за свое отечество, языку которого они предпочитали язык своих достойных по храбрости врагов. Здесь кстати еще заметить, что и теперь, несмотря на страсть русских к путешествиям и поездкам за границу, русский, навсегда оставшийся там, есть явление почти небывалое: стало-быть чужие обычаи не разрывают в русских кровной связи с их родиною»[2].

---

[1] Коммунистический манифест, 1928, с. 62. (Разрядка моя. — *С. Щ.*).

[2] Сборник «Венок Белинскому», с. 30.

Или вот еще: «Особы разных наций и вероисповеданий вступают в брачные союзы, не нарушая тем ни обычаев, ни законов, ни нравственных понятий своих отечеств. Между тем англичанин и во Франции останется англичанином, француз и в Германии останется французом, и наоборот, и никто из них, вполне симпатизируя чужой земле и так сказать чувствуя себя ее гражданином, не перестает быть сыном своей страны, не теряет духовной физиономии своей национальности» [1].

Здесь мы в сущности встречаем смягченную формулировку мыслей, развитых Белинским в знаменитой статье «Об очерках Бородинского сражения» Глинки, в статье, относящейся к такому периоду, когда даже П. Н. Сакулин, не заподозривает Белинского ни в каком социализме. Вот что писал там Белинский: «И вот почему космополит есть какое-то ложное, двусмысленное, странное и непонятное явление, какой-то бледный, туманный призрак, а не яркая и живая действительность; вот почему, например, русский, случайно проведший в Париже свое младенчество, и в чуждой ему родной сущности (субстанции), в стране, принявшей первые живые впечатления бытия, представляет из себя какого-то амфибия, уродливого и отвратительного, как все амфибии; вот почему человек, для которого ubi bene ibi patria, есть существо безнравственное и бездушное, недостойное называться священным именем человека, вот почему наконец изменник своему отечеству, предатель своей родины, есть злодей, при виде которого содрогается человеческое сердце, от которого с омерзением отвращается человечество и который, если только он не идиот... скитается по земле, подобно Каину, с печатью проклятия на челе и ненавистью к собственному существованию» [2].

Отказа от этой точки зрения в новых статьях Белинского нет. Два эти воззрения отличаются одно от другого не противоположностью принципов — национального и интернационального, — даже не принципиально новым подходом, а лишь силою выражения. В основе лежит идея отечества, как фундамента общественного бытия. Отстаивается лишь идея общения между нациями. Но в качестве наиболее убежденного и последовательного «западника» Белинский отстаивал эту идею всегда. Позднее, в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» Белинский вновь возвращается к более резкой формулировке тезиса о субстанциональном значении национальности: «Что личность в отношении к идее человека, то народность в отношении к идее человечества... Без национальностей человечество было бы

[1] Сборник «Венок Белинскому», с. 29.
[2] Белинский В. Г., Собр. соч., т. III, с. 215.

мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения. В отношении к этому вопросу я скорее готов перейти на сторону славянофилов, нежели оставаться на стороне гуманических космополитов...». «Что человек без личности,—продолжает Белинский, — то народ без национальности. Это доказывается тем, что все нации, игравшие и играющие первые роли в истории человечества, отличались и отличаются наиболее резкою национальностью. Вспомните евреев, греков и римлян; посмотрите на французов, англичан, немцев...». «Для великого поэта нет большей чести как быть в высшей степени национальным, потому что иначе он и не может быть великим. То, что называют резонеры человеческим, противополагая его национальному, есть в сущности новое, непосредственно, логически следующее из старого, хотя бы оно и было чистым его отрицанием».

Свою любимую идею, что общение наций вовсе не означает их исчезновения и растворения, Белинский демонстрирует и на примере своего любимого героя — Петра I.

«Ученик Европы, он остался русским в душе, вопреки мнению слабоумных, которых много и теперь, будто бы европеизм из русского человека должен сделать не-русского человека и будто бы, следовательно, все русское может поддерживаться только дикими и невежественными формами азиатского быта»[1].

Слабоумных людей много и в наше время. Одно из их мнений заключается в том, будто общение между национальными государствами, руководимыми буржуазией, есть социализм.

Положительную роль национальной стихии Белинский усматривал в том, что иностранное влияние вступает с ней в борьбу и, благодаря этому, проникает глубже.

«Может быть, — пишет он, — назначение Москвы состоит в удержании национального начала (сущности которого, как сущности многих вещей мира сего, пока нет возможности определить) и в противоборстве иноземному влиянию, которое могло бы оставаться решительно внешним, а потому и бесплодным, если б не встречало на своем пути национального элемента и не боролось с ним»[2].

Как далек был Белинский от интернационализма и социализма, показывают его суждения в роде следующего: «В будущем мы, кроме победоносного русского меча, положим на весы европейской жизни еще и русскую мысль» [3].

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. XII, с. 193.
[2] Там же, с. 232.
[3] Там же, с. 253.

Он с удовлетворением и гордостью констатирует тот факт, что «Московское княжество сделалось впоследствии сперва Московским царством, а потом Российской империей, приосенив крыльями двуглавого орла, как свое достояние,— Сибирь, Малороссию, Белоруссию, Новороссию, Крым, Бессарабию, Лифляндию, Эстляндию, Курляндию, Финляндию, Кавказ» [1].

Он видел также и движущую пружину этих завоеваний: интересы торгового капитала, толкнувшие Петра I прорубить окно в Европу, за которым последовали «окна» во все другие стороны.

Так энергически отстаивает Белинский идею национальности. Но и в статье о книге Маркевича Белинский вовсе не покинул идею общения национальностей, «интернационализм». Он продолжает на ней попрежнему настаивать, ее защищать. «Ни один человек не только не может заменить собою всех людей, но даже и ни одного человека, как бы он ни был ниже его в нравственном или умственном отношении... Человек силен и обеспечен только в обществе; но чтобы и общество в свою очередь было сильно и обеспечено, ему необходима внутренняя, непосредственная, органическая связь — национальность». В основе общественного бытия человека, таким образом, во мнении Белинского была и остается национальность. Самое движение человечества вперед, столь дорогое для Белинского, возможно не иначе как национальное движение. Но для прогресса национальностей очень важно их взаимное общение. Это в сущности и есть содержание «интернационального социализма» Белинского. «Собственно говоря, — продолжает рассуждать Белинский, — борьба человеческого с национальным есть не больше как реторическая фигура; но в действительности ее нет. Даже и тогда, когда прогресс одного народа совершается через заимствование у другого, он тем не менее совершается национально. Иначе нет прогресса. Когда народ поддается напору чуждых ему идей и обычаев, не имея в себе силы перерабатывать их самодеятельностью собственной национальности в собственную же сущность, — тогда он гибнет политически... В наше время народные вражды и антипатии погасли совершенно. Француз уже не питает ненависти к англичанину только за то, что он англичанин, и наоборот. Напротив, со дня на день более и более обнаруживается в наше время сочувствие и любовь народа к народу... Но из этого отнюдь не следует, чтобы просвещение сглаживало народности... Напротив, наше время есть по преимуществу время сильного развития национальностей... а между тем они нещадно

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. XI, с. 31.

заимствуют друг у друга, нисколько не боясь повредить своей национальности».

П. Н. Сакулин относит цитируемую статью к тому периоду, когда определился отход Белинского от утопического социализма. Но он не будет отрицать, что идеи, в ней развиваемые, — те же самые идеи, которые высказал Белинский в статьях о книгах Лоренца и Маркевича. Он сам ни в комментариях, ни в примечаниях не указывает, в чем отличие этого нового взгляда Белинского на национальный вопрос. Наоборот, здесь взгляды Белинского выражены в более отчетливой, выпуклой, зрелой форме. Раз эти идеи свидетельствуют об отходе Белинского от социализма и все же ничем не отличаются от идей, исповедывавшихся им в период увлечения социализмом, то вывод отсюда возможен только один: воззрения Белинского на взаимоотношения национальностей и человечества не могут служить доказательством его социализма. Или надо признать этот вывод, или показать, в чем отступил Белинский в последней статье от своих прежних «социалистических» взглядов.

Проф. Сакулин утверждает[1], что негодование Белинского на «гуманических космополитов», «силлогистов», «резонеров» направлено против В. Н. Майкова по поводу его взглядов, изложенных в статье о стихотворениях Кольцова. Но в статье о Бородинской годовщине, которую мы цитировали, Белинский тоже обрушивается именно «на космополитов».

Совершенно тождественный круг идей встречаем мы наконец и в статье о стихотворениях Лермонтова, относящейся к 1841 г.[2]. Здесь Белинский пишет: «Любовь к отечеству должна выходить из любви к человечеству, как частное из общего. Любить свою родину — значит пламенно желать, видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому. В противном случае патриотизм будет китаизмом, который любит свое только за то, что оно свое и ненавидит все чужое за то, что оно чужое и не нарадуется собственному безобразию и уродствам».

Таким образом на протяжении трех периодов Белинский держится упорно за понятие национальности и энергически его защищает против нападков «космополитов». Проповедь Белинским общения между национальностями имела всегда один и тот же смысл: она была последовательным выражением «западничества» Белинского. Отстаивая эту идею, он отстаивал право России на заимствование у Запада просвещения, цивилизации; в этом заимствовании он видел

[1] Сакулин П. Н., Социализм Белинского, с. 87.
[2] Белинский В. Г., Собр. соч., т. IV, с. 262.

источник движения вперед для своего отечества. Идею эту приходилось отстаивать против сторонников «официальной народности», проповедывавших полную самобытность русского народа и вредоносность всяких заимствований. Россия шла в прошлом, идет теперь и пойдет впредь своими особыми путями. И потому — Запад ей не указ. Вот та реакционная охранительная идеология, тот «китаизм», против которого Белинский направлял свои стрелы. «Официальная народность» и славянофилы в самом деле любовались «собственным безобразием и уродством». Теоретическим оружием в этой борьбе для Белинского все время и была идея взаимного обмена и сближения между народами. В осуществлении этой идеи он усматривал условие движения вперед для России, движения, которого пуще огня боялись охранители и славянофилы и с которым они боролись. Движение вперед по западноевропейским путям означало смерть для общественных классов, служивших опорой Николаевской монархии, для которых эта монархия была в свою очередь условием беспечального и мирного жития и оплотом против всякого движения. Но в теории таким оплотом была «спасительная неподвижность», проповедывавшаяся И. Аксаковым.

В этом, все в той же борьбе западников с славянофилами — ключ к пониманию взглядов Белинского на национальности и человечество, а вовсе не в утопическом социализме. Ни о каком интернациональном социализме и речи быть не может. Белинский восставал даже против призрака растворения национальностей в человечестве, призрака, который ему померещился в философии истории «гуманического космополита» Майкова. Тут Белинский готов был «скорее перейти на сторону славянофилов». С этой своей позиции защиты национальности как основной ячейки человечества Белинский не сошел ни разу, даже, как мы видели, в статье о книге Маркевича, о которой Н. Пиксанов пишет: «Социалистические взгляды Белинского здесь углубились, и его суждения о Гегеле и его диалектическом развитии в истории, замечательные по силе выражения, уже отходят от утопического социализма и вплотную приближаются к научному диалектическому материализму» [1].

Белинскому случалось высказывать мысли, стоящие гораздо ближе к диалектическому материализму. Таковы например его рассуждения об активном воздействии производственной деятельности человека на природу, воздействии, изменяющем и преобразующем самоё природу.

---

[1] Сборник «Венок Белинскому», с. 25.

Белинский писал:

«Нельзя, безусловно, думать, чтоб дух, или разум, только видел себя в природе, а не действовал на нее. Он знает... что действующие силы природы неизменны, он не претендует изменять их; но сообразуясь с ними и действуя через них же, он изменяет климаты, осушает болота и тундры, утучняет песчаные степи и на те и другие призывает богатство и роскошь растительной природы, велит течь воде там, где ее не было, и каналами соединяет раз'единенные природой моря, озера и реки; цветок, взлелеянный им, лучше, красивее цветка, дико растущего, вода и ветер покорно работают на его машинах, мелят и пилят; пары с быстротой молнии носят его по суше и морю; обезоруженные громы минуют его жилища и здания; он победил и время и пространство; он — царь природы, повелевающий ею в неизменном и предвечном духе ее собственных законов» [1].

Эти замечательные строки прямо напоминают критику Марксом философии Фейербаха, отводившего человеку пассивную роль об'екта воздействий со стороны природы. И выражены эти мысли совершенно материалистическим языком.

Но разве это дает нам право считать Белинского материалистом-диалектиком? Ни в малой мере. Отдельные ласточки не делают весны. Гегель тоже часто принужден был прибегать к чисто материалистическому об'яснению некоторых явлений общественной жизни. Однако он был и остается великим идеалистом.

Белинский тоже прибегал к замечательно удачным, чисто материалистическим об'яснениям отдельных исторических явлений.

У него мы находим прямо-таки зачатки материалистического понимания истории.

Он анализирует поэму о Садко и говорит:

«В этой поэме ощутительно присутствие идеи: она есть поэтическая апофеоза Новагорода, как торговой общины. Садко выражает собой бесконечную силу, бесконечную удаль: но эта сила и удаль основаны на бесконечных денежных средствах, приобретение которых возможно только в торговой общине» [2].

Это превосходное рассуждение есть, конечно, отказ от идеализма. Не абсолютная идея породила в своем развитии торговую общину, а наоборот,—на базе торговли вырастает, как ее отражение, определенная идея.

Белинский продолжает далее свое материалистическое об'яснение легенды о Садко.

---

[1] Белинский В. Г. Собр. соч., т. IV, с. 204. (Разрядка Белинского).
[2] Белинский В. Г., Собр. соч., т. V, с. 187. (Разрядка Белинского).

«Садко обязан своим богатством не себе, а Волге, да Ильменю, да Новугороду. Волга прислала с ним поклон брату своему Ильменю... В этом олицетворении есть мысль: реки и озера судоходные — божества торговых народов. Превращения рыбы — в деньги — тоже не без смысла: это язык поэзии, выразивший собой прозаическое понятие о выгодном торговом обороте» [1].

«Да, — говорит критик, — это не сухие, аллегорические и риторические олицетворения: это живые образы идей, это поэтическое олицетворение покровительных для торговой общины водяных божеств» [2].

Есть в мировоззрении Белинского также проблески понимания классовой борьбы и ее роли в историческом процессе. Таков, например, его анализ борьбы между патрициями и плебеями в древнем Риме. Там он говорит:

«Патриции образовывали собой правительственную корпорацию: в их руках была высшая государственная власть; они были полководцами и сенаторами, из них преимущественно выбирались консулы и диктаторы; патриции владели большими имениями, а народ был беден правами и полями. Ему было предоставлено только лить кровь за отечество и повиноваться его законам. Наконец патриций считал себя существом высшим плебея и гнушался вступать с ним в родство или допустить в свое общество. Патриций оскорблял плебея и самым превосходством своим в образовании. Все это поддерживало борьбу, бывшую источником римской истории» [3].

Это совсем похоже на известное рассуждение Гегеля о том, что «Лакедемон пал в результате неравенства имуществ».

Приведенные суждения еще раз подтверждают две вещи: во-первых то, что Белинский обладал умом необычайной силы и проницательности, что он был, по выражению Одоевского, «наиболее замечательной философской организацией». Во-вторых, что он напряженно искал путей для об'яснения хода идей ходом вещей, оставаясь на почве действительного, реального бытия. Но и великие гении, покорны законам своего времени, не могут выйти за их пределы, как нельзя самому себя поднять за волосы. В основном, в решающем Белинский оставался идеалистом. Считать его диалектическим материалистом, так же как и Гегеля, нельзя, не кривя душой, не греша против истины.

Примерно также обстоит дело с интернационализмом Белинского, обоснованным с помощью гегелевской философии. Заклю-

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. V, с. 188.
[2] Там же, с. 191.
[3] Белинский В. Г., Собр. соч., т. V, с. 174.

чать от фразы о «братстве народов» к социализму — значит обнаруживать совершенное невежество по отношению к идеологии социализма.

Маркс в борьбе с лассальянцами бичевал такой интернационализм, несмотря на то, что он был включен в проект программы рабочей партии.

«К чему сводит, — читаем мы у Маркса, — немецкая рабочая партия свой и н т е р н а ц и о н а л и з м? К сознанию, что результатом ее усилий будет «м е ж д у н а р о д н о е б р а т с т в о н а р о д о в», к фразе заимствованной у буржуазной Лиги мира и свободы... Поистине, интернационализм нашей программы стоит бесконечно ниже интернационализма партии свободной торговли. Та тоже говорит, что результатом ее стремлений будет «международное братство народов». Но она также и д е л а е т кое-что для того, чтобы торговля стала международной, а не довольствуется сознанием, что все народы ведут дома внутреннюю «торговлю» [1].

А нам теперь, в эпоху начавшейся пролетарской революции, пытаются выдать фразы о «международном братстве» за интернациональный социализм. Такие фразы без меры и числа производит в наше время Лига наций, тоже пытающаяся уверить легковерных, что она — «Лига мира и свободы». Но от фраз до дела, до подлинного интернационализма, — поистине дистанция огромного размера, дистанция, отделяющая небо от земли, собственников от пролетариев, эксплоататоров от эксплоатируемых.

Упорный, настойчивый, страстный «национализм» Белинского свидетельствует не против него, а за него как за последовательного демократа и революционера. Преобразование общества на буржуазных началах возможно не иначе, как при том условии, что буржуазия подчиняет себе определенную территорию, организует ее население в национальное государство. Такой ее патриотизм служит свидетельством ее полнокровия, дееспособности, как созревшего для господства класса.

Наоборот, космополитична буржуазия тогда, когда она не имеет за собой крепких экономических корней, дрябла, бессильна, неспособна к борьбе за свою гегемонию.

Таково например происхождение космополитизма немецкой буржуазии в XVIII ст.

Воюя с русскими «космополитами», выражавшими те же черты российской буржуазии, Белинский выступает как передовой, решительный и последовательный боец буржуазной революции.

---

[1] М а р к с К., Критика Готской программы, 1919, с. 23—24. (Разрядка Маркса).

Он неустанно борется с идеями расслабляющего и беспредметного космополитизма. И в художественной литературе он преследовал его проявления беспощадной критикой.

«Националисты в литературе, — пишет он, — имеют значение только как противники поборников безразличной всеобщности, которая, думая быть доступной всему человечеству, нема и мертва для человечества» [1].

Необходимость национальностей Белинский выводит из положения Гегеля о том, что идея, чтобы выйти из состояния неопределенной всеобщности, «должна перейти через момент отрицания своей общности и стать особенным, индивидуальным и личным». Общая идея — человечество. Национальности — суть формы ее воплощения в действительность.

Человек «вне национальности есть недействительное существо, а отвлеченное понятие». Такое же отвлеченное, реально не существующее понятие — человечество, если оно не перевоплощается в отдельные нации.

Белинский считает справедливым, правда, «до известной степени», взгляды противников европеизма, которые в его изложении выглядят так: «В русской жизни есть какая-то двойственность, следовательно, отсутствие нравственного единства; это лишает нас резко выраженного национального характера, каким, к чести их, отличаются все европейские народы; это делает нас какими-то междоумками, которые хорошо умеют мыслить по-французски, по-немецки и по-английски, но никак не умеют мыслить по-русски» [2].

Белинский признает справедливость этих фактов, он лишь по своему обыкновению ищет их причины и способ преодоления: «Нельзя остановиться на признании справедливости какого бы то ни было факта, а должно исследовать его причины, в надежде в самом зле найти и средство к выходу из него».

Зло же, как явствует, заключалось в отсутствии сложившейся крепкой национальной организации. Выход заключался в создании из русских такой сильной нации. Это совсем, совсем не похоже на интернациональный социализм, чуть-чуть не научный.

Нет никаких оснований провозглашать статью о книге Маркевича как открытие, где якобы содержатся такие новые, неизвестные дотоле мысли Белинского, которых бы он не излагал в других своих произведениях. Это не так. Возьмите, например, его статью — «Общее значение слова «литература».

---

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. V, с. 12.
[2] Там же, т. XI, с. 21.

Здесь Белинский пишет: «В новом мире все общественные стихии действуют раз'единенно и каждая самобытно и особо. Это распадение, представляющее собой столь печальное и грустное зрелище, особенно по сравнению со светлым прекрасным миром греческой жизни, было однако же необходимо для того, чтобы стихии общественности, развиваясь отдельно, тем полнее, глубже и совершеннее разработались, а потом бы уже снова слились и образовали новое, целое и единое, которое будет тем выше мира греческой жизни, чем раз'единеннее было в новом мире развитие различных стихий общественности. И начало этого нового единения мы видим еще и теперь: стена национальности между народами постепенно падает; дружественно и братски начинают они делиться духовными дарами своего национального исторического развития и постепенно сливаются в единое семейство человечества... и скоро или еще не скоро, но придет же время, когда в новом человечестве воскреснет древняя Греция, лучше и прекраснее, чем была она: Греция, прошедшая через христианство, победившая климаты, природу, пространство и время, вполне покорившая духу своему царство материи» [1].

Как видим, и ход рассуждения и вывод тот же, что и в статье о книге Маркевича. Но если вспомнить, что в древней Греции, по Белинскому, был «социализм», и содержание, которое это понятие имеет у него, то станет ясно, что и та и другая статьи равно далеки от социализма.

В этой же статье «Общее значение слова «литература»' Белинский возвращается к раз'яснению своей излюбленной идеи о взаимоотношениях нации и человечества. Это последнее мыслимо потому, что существуют отдельные нации.

«Как различие реальных личностей необходимо для того, чтобы они могли сложиться в общество (в племя, в народ), так необходимы племенные и народные особенности и различия, чтобы племена и народы могли образовать собой другую, высшую, идеальную личность — человечество. Только различные струны могут производить аккорд, одинаковые же звучат бессмысленно и дисгармонически. Как каждый человек выражает собой преимущественно одну какую-нибудь сторону общечеловеческой натуры и потому самому нуждается в других людях, так и каждый народ выражает собой преимущественно одну какую-нибудь сторону всецелого и единого духа человеческого и потому нуждается в соприкосновении с другими народами, принимает от них в себя то, что ему недостает и дает им от себя то, чего им недостает» [2].

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. XII, с. 408—409.
[2] Белинский В. Г., Собр. соч., т. XII, с. 453.

Речь идет опять о необходимости и полезности взаимного общения наций, т. е. об обычной концепции Белинского, которую он выдвигал против реакционной теории замкнутости и обособленности. В этом, и только в этом смысл философии всей, а не в каком-то выморочном «социализме», который пытаются навязать Белинскому разные охочие люди.

В их употреблении слово «социализм» имеет так много значений и смыслов, что теряет всякое значение и всякий смысл. Белинский же не терпел такого отношения к словам. Он настаивал на их точном значении и рекомендовал применять с разбором, осторожностью, а не так, очертя голову.

«Увы! — писал он, — с «народностью» сделалось то же, что некогда произошло с «романтизмом» и со многими другими словами, которые потому именно и утратили всякое значение, что слишком расширились в значении, которые сделались непонятными ни для кого потому именно, что казались всем понятными» [1].

Белинский и слово «социализм» употреблял в определенном по-своему смысле. А теперь этому слову у него навязывают такое значение, какого в него не вкладывал сам знаменитый автор. Нужно ли лишний раз напоминать, что столь бесцеремонным отношением нарушаются его заветы и лучшие традиции?

Развиваемые в этих статьях идеи суть идеи Гегеля. Это доказывает не то, что он отходил от Гегеля к утопическому социализму. Это, наоборот, доказывает, что никогда, даже в период наиболее сильного увлечения идеями французских реформаторов (год написания статьи о Маркевиче — 1843 — относится именно к этому периоду), Белинский не уходил в основном от философии Гегеля и никогда «вплотную» не подходил к утопическому социализму. Гегелевская философия с ее основами — строгой закономерностью исторического процесса — и утопический социализм с его произвольным сочинением хороших планов — вещи несовместимые. А Белинский в той же статье о Маркевиче сам расписывается в том, что Гегель остался для него попрежнему законодателем в области мышления. «Гегель сделал из философии науку, и величайшая заслуга этого величайшего мыслителя нового мира состоит в его методе спекулятивного мышления, до того верном и крепком, что только на его же основании и можно опровергнуть те из результатов его философии, которые теперь недостаточны или неверны. Гегель только тогда ошибался в приложениях, когда изменял собственному методу» [2].

---

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. VI, с. 4.
[2] Белинский В. Г., Собр. соч., т. VI, с. 4.

В целом статьи эти свидетельствуют не об утопическом социализме Белинского, а о том, как условно можно говорить о влиянии на него утопических систем. Волны этого влияния пронеслись сверху, не затронув основ мировоззрения Белинского, жизненных, действенных, не созерцательных, основ, заложенных Гегелем. Утопический социализм игнорирует действительность; не на ней обосновывает он свои планы пересоздания общества, а вопреки ей. Белинский же в этот же период, в 1842 г., вот как относился к действительности: «Мир возмужал... действительность... есть первое и последнее слово нашего века... Он знает, что лучше на карте Африки оставить пустое место, чем заставить вытекать Нигер из облаков или из радуги... Для нашего века открыть песчаную пустыню, действительно существующую, — более важное приобретение, чем верить существованию Эльдорадо, которого не видали ничьи смертные очи... Нашему веку не нужно шутовских бубенчиков, приятных заблуждений, ребяческих погремушек, отрадных, утешительных лжей. Если бы ложь предстала перед ним в виде юной и прекрасной женщины и с улыбкой манила его в свои роскошные об'ятия, а истина — в виде страшного остова смерти, летящего на гигантском коне с косою в руках, — он отвергся бы, с презрением и ненавистью, от обольстительного призрака и бросился бы в мертвящие об'ятия остова... Ему лучше ощутить себя в действительных об'ятиях страшной смерти духа, чем схватить в свои руки призрак, долженствующий исчезнуть при первом к нему прикосновении... и это совсем не скептицизм: это, напротив, обожествление истины, которая может быть страшна только для ограниченности индивидуального человека... Скептицизм отчаивается в истине и не ищет ее; наш век — весь вопрос, весь стремление, весь искание и тоска по истине... Он не боится, что его обманет истина, но боится лжи, которую человеческая ограниченность часто принимает за истину» [1].

Тут, можно сказать, портрет самого Белинского, написанный его же мастерской рукой. Это он «обожествлял» истину, это он не поддавался скептицизму, он в варварской крепостной России, в глухую ночь, в одиночку мужественно бьется в поисках путей преобразования действительности, опираясь на нее самое, на скрытые в ней силы, гораздо более могущественные, чем мечты «индивидуального человека». Это Белинский, как его век, весь — вопрос, весь — стремление, весь — искание и тоска по истине; это — черты, которые кладут непроходимую грань между ним и утопическими социалистами. Вся эта тирада — сплошное восстание против произвола несбыточных

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. VI, с. 195—196.

мечтаний утопистов, заставлявших «вытекать Нигер из облаков или из радуги». Белинский же предпочитает оставить на карте пустое место. Мысли утопистов витают все время в Эльдорадо, существующем только в праздном воображении мечтателей, а Белинский предпочитает даже пустыню, но действительно существующую, Белинский предпочитает смерть духа погоням за призраками. Какой же тут «утопический социализм»? Кто из авторов утопических систем мог бы сказать, хотя бы приблизительно, что-нибудь подобное? Более того, в том же 1843 г., к которому относится статья о Маркевиче, в тех же «Отечественных записках» помещена статья о Державине, где Белинский прямо обрушивается на произвольные построения идеализма.

«Отвлекающий идеализм во всем ведет к произвольности в воззрениях и построениях, потому что факты отвергаемой им действительности не мешают ему принимать свои карточные домики за настоящие рыцарские замки» [1]. Тут прямо и резко указано уязвимое место утопического социализма. Как же совместить эти поистине блестящие страницы с неумными воплями досужих хвалителей, что именно в это время Белинский фанатически веровал в утопический социализм?» [2].

В статьях за 1846 — 47 гг. мы опять встречаемся с разнообразными формулировками тех же основных мыслей: процесс развития закономерен, направление деятельности личности определяется этим процессом. Чтобы изменить действительность, надо знать ее самое и на это знание опираться в борьбе с ней [3].

Я нарочно цитирую здесь только места, относящиеся к периоду 1841 — 45 гг., когда, по общему признанию, Белинский находился под наиболее сильным влиянием утопического социализма. Простое сравнение с позднейшими формулировками убеждает, что именно в это время увлечения всем французским, когда «социализм» Белинского, как утверждают, был в полном цвету, Белинский написал свои наиболее четкие, резкие, недвусмысленные формулировки о решающей роли действительности, формулировки, так непримиримо противоречащие взглядам утопических социалистов.

Усматривать в двух цитированных статьях «неуклонную последовательность в развитии и углублении социалистических взглядов Белинского» можно только при полной беззаботности по части сколько-нибудь точного определения самого понятия социализма.

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. VII, с. 64.
[2] См. Сакулин П. Н., Социализм Белинского, комментарии ко II отделу.
[3] См., напр., статьи Белинского: «Взгляд на русскую литературу в 1846 г.» и «Взгляд на русскую литературу в 1847 г.».

Именно эта беззаботность приводит авторов к противоречию с самими собой. Полюбуйтесь, с какой развязностью оперируют они терминами «социализм», «социалист». Устанавливая тождество взглядов Белинского и В. Н. Майкова, основываясь на рецензии последнего на вторую часть «Руководства ко всеобщей истории» Лоренца, П. Н. Сакулин пишет:

«Концепция мировой истории (человечество и отдельные народы), — та же, что у Белинского, и вывод относительно социализма в сущности тот же. В. Майков, сочувствующий социализму, выразился на этот счет так» и т. д. [1]. Несколькими строками спустя он не довольствуется «сочувствием социализму» В. Майкова, а прямо производит его в «социалисты» без всяких оговорок. Он пишет: «Так критики-социалисты 40-х гг. нашли себе опору в «Руководстве» Фр. Лоренца» и т. д.

На с. 76 он снова трактует В. Майкова как социалиста: «Толковали о ней (об идее народности. — *С. Щ.)* не только представители официальной идеологии... но и социалисты, как например В. Майков».

Итак ставится знак равенства между сочувствием социализму и социализмом. Белинский и Майков — в равной мере социалисты. Это еще куда бы ни шло. Но вот в своей книге «Русская литература и социализм» проф. Сакулин придерживается другой оценки Майкова. Он пишет: «Майкова не обольщали идеи утопического социализма». И в самом деле, какое уж тут обольщение идеями социализма, когда Майков рассуждает следующим образом: «Итак ни безусловное равенство имуществ, ни распределение богатств по способностям к труду ни мало не подвигают общества на путь к благосостоянию, а еще напротив того, представляют перспективу таких бедствий, которые превосходят сумму зол, рожденную неравенством... Следовательно неравенство имуществ должно быть допущено в обществе. Но этого мало. Можно доказать, что оно не только не составляет такого зла, как о нем думают, но даже не может не быть признано за необходимый рычаг экономической деятельности... Неравенство имуществ вызывает производительность. Такова важность его вообще... Уничтожьте наследственную собственность — вы тем самым уничтожите ту энергию, которая свойственна человеку, трудящемуся не для одного себя, но и для тех лиц, которым он желает передать нажитое... Соединение капитала и труда, о котором мечтают утописты, в одних руках было бы пагубно для общества. Такое соединение предполагает замену частной собственности, частного труда и част-

[1] Секулин П. Н., Белинский и социализм, с. 42.

ного дохода собственностью, трудом и доходом общим, ассоциации, иными словами — уничтожение частной собственности, уничтожение частного труда, уничтожение частного дохода... Из-за чего же ты столько тысяч лет жило, развивалось, трудилось и страдало, человечество? Не из-за того ли, чтобы от древнего рабства перейти... к чистой, неприкосновенно-уважаемой личности, к тому разумному, неизнасилованному состоянию неделимых, при котором каждый человек может трудиться сам по себе и сам для себя...» и т. д. [1].

Вся статья представляет собой сплошной гимн собственности. Сам П. Н. Сакулин принужден признать, что Майков «ретиво защищает имущественное неравенство, как «необходимый рычаг экономической деятельности». Но как же тогда быть с заявлением, что Майков «сочувствовал социализму» и что он даже совсем социалист? На чем же оно основывается? Последние оценки Сакулиным Майкова относятся к 1925 г., первые — к 1924 г. Повидимому взгляды автора на протяжении года развились до своей собственной противоположности. На странице 226 своей книги П. Сакулин опять делает попытки произвести Майкова в социалисты. «Перед Майковым-петрашевцем предносился один идеал «истинной цивилизации», который вдохновлял европейских социалистов, а за ними — и русских». Одно из двух. Либо и Майков, и западноевропейские социалисты — а за ними и русские — были социалистами, раз у них один и тот же идеал; но как же тогда понимать защиту, да еще «ретивую», Майковым частной собственности как необходимого условия общественного бытия? Либо ни Майков, ни западные социалисты, ни русские не были социалистами; тогда незачем производить их в сочувствующие социализму и в социалисты. Нельзя же без конца путаться в трех соснах и путать непосвященных. П. Н. Сакулин пишет, что Майков термин «социалист»... употребляет часто, но не всегда в значении «социолог» [2]. Мы спрашиваем П. Н. Сакулина, в каком же значении употребляет термин «социалист» он сам? На протяжении немногих страниц дает он этому термину самые различные толкования. Социализм его, выражаясь вульгарно, подобен чеховскому налиму, которого никак невозможно ухватить за жабры.

Отношение Белинского к коренному вопросу о борьбе труда с капиталом, вокруг которого (вопроса) вращалось все общественное движение тогдашней Франции, изложено в статье о романе Эжена Сю «Парижские тайны». Рецензия эта относится к 1844 г. и служит

---

[1] Майков, Собр. соч., «Критические опыты», т. 1, с. 57—58, статья «Об отношениях производительности и распределения богатства».
[2] Сакулин П. Н., Социализм Белинского, с. 221.

одним из важнейших козырей в руках сторонников безоговорочного «социализма» Белинского. По мнению проф. Когана, эта статья свидетельствует не только о социализме Белинского, но даже о его марксизме.

Статья эта действительно представляет выдающийся интерес и крайне характерна для тогдашних воззрений Белинского, да и не одного его. Поэтому она заслуживает того, чтобы привести из нее длинную выдержку.

«Основная мысль этого романа, — пишет здесь Белинский, — истинна и благородна. Автор хотел представить развратному, эгоистическому, обоготворившему златого тельца обществу зрелище страданий несчастных, осужденных на невежество и нищету, а невежеством и нищетою — на порок и преступления. Не знаем, заставила ли эта картина, которую автор нарисовал, как умел, заставила ли она содрогнуться это общество среди его торговых и промышленных оргий... Посмотрите, например, на этого господина, который с таким достоинством носит свое толстое чрево, поглотившее в себя столько слез и крови беззащитной невинности... вы не можете не убедиться с первого взгляда в полноте его глубоких сундуков, схоронивших в себе и безвозмездный труд бедняка, и законное наследство сироты. Он, этот господин, с головою осла на туловище быка, чаще всего и с особенным удовольствием говорит о нравственности... Королевскими повелениями в 1830 г. была изменена французская хартия, рабочий класс в Париже был искусно приведен в волнение партиею среднего сословия. Между народом и королевскими войсками завязалась борьба. В слепом и безумном самоотвержении народ не щадил себя, сражаясь за нарушение прав, которые нисколько не делали его счастливее и следовательно также мало касались его, как и вопрос о здоровьи китайского богдыхана. Сражаясь отдельными массами из-за баррикад, без общего плана, без знамени, без предводителей, едва зная, против кого, и совсем не зная, за кого и за что, народ тщетно посылал к представителям нации, недавно заседавшим в абонированной камере. Этим представителям было не до того... Когда дело было кончено ревностью слепого народа, представители повылазили из своих нор и по трупам ловко дошли до власти, оттерли от нее всех честных людей и, загребая жар чужими руками, преблагополучно стали греться около него, рассуждая о нравственности. А народ, который в безумной ревности лил свою кровь за слово, за пустой звук, которого значения сам не понимал, что же выиграл себе этот народ? — Увы! Тотчас же после июльских происшествий этот бедный народ с ужасом увидел, что его положение нисколько не улучшилось, но значительно ухудшилось против прежнего, а между тем вся эта

историческая комедия была разыграна во имя народа и для блага народа!... Французский пролетарий перед законом равен с самым богатым собственником и капиталистом; тот и другой судится одинаковым судом и, по вине, наказывается одинаковым наказанием; но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот дает ему работу и произвольно назначает за нее плату. Этой платы бедному рабочему не всегда станет на дневную пищу и на лохмотья на его самого и для его семейства; а богатый собственник с этой платы берет 99% на 100... Хорошо равенство! И будто легче умирать зимой в холодном подвале или на холодном чердаке, с женою, с детьми, дрожащими от стужи, неевшими уже три дня, будто легче так умирать с хартией, за которую пролито столько крови, нежели без хартии, но и без жертв, которых она требует? Собственник, как всякий выскочка, смотрит на работника в блузе и деревянных башмаках, как плантатор на негра. Правда он не может его насильно заставить на себя работать; но он может не давать ему работы и заставить его умереть с голода. Мещане-собственники — люди прозаически положительные. Их любимое правило: всякий у себя и для себя... Они честно платят работнику ими же назначенную плату, и если этой платы недостаточно для спасения его с семейством от голодной смерти и он с отчаянья сделается вором или убийцей, — их совесть спокойна, ведь они по закону правы!.. По французской хартии избирателем и кандидатом может быть только собственник, который со своей недвижимости платит подати не менее 400 франков в год. Следовательно, вся власть, все влияние на государство сосредоточено в руках владельцев, которые ни единою каплей крови не пожертвовали за хартию, а народ остался совершенно отчужден от прав хартии, за которую страдал... Но искры добра еще не погасли во Франции, — они только под пеплом и ждут благоприятного ветра, который превратил бы их в яркое и чистое пламя... Народ уже не верит говорунам и фабрикантам законов и не станет больше проливать своей крови за слова... и за людей, которые любят его только тогда, когда им нужно загрести жар чужими руками... И теперь у него есть истинные друзья: это люди, которые слили с его судьбою свои обеты и надежды и которые добровольно отреклись от всякого участия на рынке власти и денег... Их добросовестный и энергичный голос страшен продавцам, покупщикам и акционерам администрации, — и этот голос, возвышаясь за бедный, обманутый народ, раздается в ушах административных антрепренеров, как звук трубы судной. Стоны народа, передаваемые этим голосом во всеуслышание, будят общественное мнение и потому тревожат

спекулянтов власти... Эжен Сю показывает в своем романе, как иногда сами законы французские бессознательно покровительствуют разврату и преступлению. И надо сказать он показывает это очень ловко и убедительно; но он не подозревает того, что зло скрывается не в каких-нибудь отдельных законах, а в целой системе французского законодательства, во всем устройстве общества».

Здесь, как видим, выражена в резкой форме вражда к капиталистам; верно понята и изображена роль французской буржуазии в июльской революции, дана меткая характеристика социальных черт буржуазии; изображено безвыходно тяжелое положение рабочего класса в стране, где властвует капитал; разоблачен фетиш формального равенства собственников и неимущих, голодного и богача. Вся статья проникнута благородным состраданием к бедствиям народа. Все это так. Все это бесспорно. Все это разумеется свидетельствует о силе ума Белинского и его пламенном желании помочь народу избыть страдания. Но сама по себе взятая вражда к капитализму не есть абсолютный признак социализма. Враждебные капитализму настроения могут быть свойственны различным общественным классам. Как правило, антикапиталистические настроения и теории возникают у всякого общественного класса, которому развивающийся капитализм наносит ущерб, теснит, разоряет, выбивает из определенного положения в процессе общественного производства и распределения, грозит гибелью. Феодалы-помещики были враждебны развитию капитализма, и целый период истории наполнен борьбой этих двух классов.

Мелкий самостоятельный производитель, мелкий буржуа также враждебен капиталистическому способу производства, так как крупное машинное предприятие, побивая его в конкурентной борьбе на рынке, лишает его куска хлеба.

Наконец, пролетарий, из которого капитализм непосредственно выжимает прибавочный неоплаченный труд, — является прямым антиподом капиталиста, его противоположностью, наиболее непримиримым и последовательным врагом.

Капитализм, революционизируя способы производства, становится во враждебные отношения и ведет войну со всеми классами общества, которым он несет разорение и истребление. Характерным, определяющим для социализма признаком является не ненависть к капитализму, не борьба против него: ненависть и борьба общи нескольким классам, интересы которых в свою очередь могут быть враждебны и даже противоположны. Характерным, решающим для социализма являются те способы, те средства, которые предлагает класс для преодоления капитализма. Этот способ, путь целиком опре-

деляется положением в производстве того общественного класса, который его вырабатывает и является носителем. Общественные идеалы класса коренятся в условиях материального его существования в обществе.

В нашей истории помещичьей реакцией на развитие промышленного капитализма было славянофильство. Помещики, как и всякие иные феодалы, выдвигали против капитализма одно спасительное средство — застой в росте производительных сил; они стремились удержать их развитие на уровне, выгодном для поместного крепостного хозяйства. Как ветхозаветный Навин, они желали сказать историческому процессу: «стой солнце, не движись луна!». Иван Аксаков считал большим преимуществом России «спасительную неподвижность». Щитом против надвигающегося капитализма славянофилы выдвинули русскую общину. Воспевая дифирамбы общинному владению землей (что не мешало им владеть своей землей индивидуально) и общинным порядкам, они считали русскую общину надежным оплотом против напастей капитализма. Но кому же в голову придет считать славянофилов социалистами?

Разоряемая конкуренцией крупной машинной индустрии, мелкая буржуазия видит избавление от него также в возврате к докапиталистическим порядкам. Она стремится отстоять основное условие его самостоятельного существования — орудия производства. Отсюда всякий мелкобуржуазный идеал общества построен непременно на ките частной собственности на средства производства. Но частная собственность означает конкуренцию, а конкуренция крупных капиталистических предприятий — это и есть то зло, которое стремится побороть мелкий хозяйчик. Отсюда проекты ограничения крупного капитала, стеснения конкуренции разными способами, в том числе и путем создания ассоциаций мелких производителей с сохранением частной собственности на средства производства внутри ассоциации. Мелкая буржуазия стремится не низвергнуть капиталистическое общество, а лишь его реформировать, устранить его неудобные для нее стороны. Мелкая буржуазия не может посягнуть на святое святых капитализма — на орудия труда, так как частное владение этими орудиями составляет основу ее собственного существования, источник ее жизни. Социалистический идеал общества не вмещается в голове мелкого собственника потому, что он несовместим с реальными основами существования этого класса.

Можно ли считать мелкобуржуазные проекты реформировать капиталистическое общество, в том числе и проекты ассоциаций, — социалистическими проектами, а мелких буржуа социалистами? Нет, ни в каком случае. Кооперация мелких производителей и ограничение

крупного капитала еще не есть социализм. К этому вопросу мы еще должны будем вернуться.

Народолюбие, сострадание к бедствующим и эксплоатируемым слоям народа также отнюдь не представляет собой специфической черты социализма. Оно также свойственно различным классам общества в разные периоды их истории. Феодалы-помещики в борьбе с капитализмом непрочь опереться на рабочий класс и мелкую буржуазию. В такие моменты у них, у феодалов, является своеобразное, хоть и насквозь лицемерное, «народолюбие», попытки помочь его нужде созданием благотворительных учреждений. В такой именно социальной обстановке возникает так называемый феодально-христианский социализм (принявший одно время довольно широкий размах в Германии).

Известны и у нас в России попытки самодержавно-феодального правительства играть на противоречиях между буржуазией и рабочими. К ранним и ярким представителям такого «рабочелюбия» относится, например, московский генерал-губернатор князь Голицын.

В свою очередь буржуазия в борьбе с феодалами и абсолютизмом все время опиралась на ею же эксплоатируемых рабочих и разоряемые мелкобуржуазные массы населения. Но для того, чтобы вести их за собой, она должна была считаться с их нуждами и настроениями. Народолюбие для буржуазии в этот период является обязательным условием успеха ее борьбы с отживающими способами производства. В свои общественные теории и идеалы она должна была включать элементы, стоявшие в противоречии с условиями ее собственного существования и господства, как класса. Именно так обстояло дело с французской буржуазией во время реставрации. И цену такого рабочелюбия понял и показал Белинский. Но более того, проповедь гуманности, призыв к состраданию, могут входить в арсенал борьбы одной группы буржуазии против другой. Классический пример этого дает опять-таки Франция в период между июльской революцией и 1848 г. Власть тогда принадлежала не всей буржуазии, а лишь ее верхушкам — финансовой олигархии и крупнейшим предпринимателям. Они держали в своих руках всю экономику страны и получали все выгоды. Масса средней буржуазии, не говоря уже о мелкой, была оттерта от жирного пирога, стеснена и экномически и политически. Эти слои буржуазии были разумеется недовольны своим положением, стремились сами дорваться до власти. Но это можно было сделать только борьбой, а в борьбе надо было на кого-то опираться. Опорой и армией могли служить только те же рабочие и мелкобуржуазные низы. Их привлечь на свою сторону можно было не иначе, как включив в свою программу целый ряд мер и требований, могущих при-

вязать «народ» к ее колеснице. В этом ключ к рабочим симпатиям французской буржуазии и буржуазной интеллигенции эпохи реставрации и июльской монархии.

Именно в эту эпоху и в этой обстановке возник так называемый «буржуазный социализм». Его зарождение следующим образом описывает Меринг: «Мыслящие головы буржуазии скоро поняли, что экономическое развитие, покупавшее всякое увеличение общественного богатства ценою возрастающей нищеты масс, должно привести к гибели всякой человеческой культуры. Чем яснее, однако, выступали перед ними последствия капиталистического способа производства, тем больше удалялась от них так же мысль, что этот исторический процесс может когда-либо изнутри себя самого изменить направление. Спасение, поворот был необходим, но он никогда не мог, по их мнению, притти из самих страждущих масс, численный рост которых сопровождался только ослаблением их сил. Сами имущие классы должны были понять, что так дело дальше итти не может; нужно было убедить их в невыносимости социальных зол. Нужно было только обратиться с призывом к их уму и сердцу; буржуазное общество надо было поставить на новое основание, или по крайней мере только удержать его светлые стороны, уничтожив, напротив, теневые; нужно было опытами в малом масштабе доказать возможность нового общества в большом; в особенности же нужно было устранить причину всяческого зла: резкую, и с каждым днем обостряющуюся противоположность классов; с этой точки зрения, становящейся над классами, классовая борьба пролетариата казалась делом безразличным или даже вредным. Она... озлобляла имущие классы и еще обостряла классовый антагонизм, устранить который и нужно было. Так возникло противоречие между классовой борьбой и социализмом, которое не удалось примирить ни в Англии, ни во Франции» [1].

Припадки народолюбия и рабочелюбия охватывают каждый раз буржуазию, когда она вступает в решительную борьбу с феодализмом. Так было во всех странах. Так было например и в Германии, о которой Энгельс писал: «Буржуазия знала, что она стоит накануне революции и подготовлялась к революции. Всевозможными средствами она старалась обеспечить себе поддержку рабочего класса в городах и крестьянства в деревнях. К концу 1847 г., как известно, среди буржуазии едва ли можно было бы отыскать хоть одну выдающуюся политическую фигуру, которая, чтобы приобрести симпатии пролетариата, не выдавала бы себя за социалиста» [2].

---

[1] Меринг, История германской социал-демократии, т. I, с. 8.
[2] Энгельс, Революция и контрреволюция в Германии, 1906, с. 232.

Разумеется, нелепо заподазривать Белинского в том, что он был идеологом средней французской буржуазии. Представителем какой социальной группы был Белинский, — этот вопрос мы подробно рассмотрим позднее. Здесь пока важно установить, что само по себе народолюбие и критика капиталистической системы, во-первых, могли возникать и в лагере самого суб'екта капиталистического хозяйства, буржуазии; во-вторых, они — народолюбие и антикапитализм — необязательно ведут к социалистическим заключениям, а сплошь и рядом заканчиваются требованиями реформ, частичных улучшений и поправок в капиталистическом строе, сохраняя его основу. Сочувствуя безысходным страданиям рабочего класса в капиталистическом обществе, Белинский не делает тем не менее вывода об упразднении частной собственности на средства производства как основной причины общественных зол.

Вопросами о судьбах капитализма занималась в ту пору вся журналистика и публицистика, поскольку они были возможны в тех условиях. Этот вопрос был центральным вопросом, стержнем, вокруг которого вращались все теории и споры о законах развития общества и ближайших судьбах России. Это доминирующее положение вопроса о капитализме в умственной жизни об'ясняется и обусловливается тем, что капитализм, как хозяйственная система, настойчиво стучался во все двери николаевской крепостной монархии. Судя о Франции, судили собственно о России. Во Франции уже было то, что готовилось стать в России. Отсюда такая актуальность вопроса и страстность, с которою он обсуждался.

Отрицательное отношение к капиталистическим порядкам мы находим не у одного Белинского. У других публицистов, его современников, мы тоже встречаем более или менее развитую систему взглядов, направленных против капитализма. На антикапиталистических учениях славянофилов нет резона останавливаться в данной связи, так как их до сих пор никто, даже П. Н. Сакулин, в социализме не заподозрил. Но вот у таких критиков и публицистов, как Майков и Милютин, мы находим взгляды, не только общие с Белинским, но даже более развитые и подробнее аргументированные. С В. Н. Майковым мы уже знакомились. Послушаем теперь В. А. Милютина.

Как и Майков, В. А. Милютин относится с осуждением к европейской жизни, построенной на безудержной конкуренции, и старательно вскрывает «экономические противоречия» капитализма. Милютин также проникнут весь сочувствием к судьбе нищенствующих рабочих классов. В странах капитализма, «славящихся своим богат-

ством и благосостоянием, тысячи, миллионы людей родятся только для того, чтобы претерпевать всевозможные страдания» [1].

Как видим, это тот же самый взгляд, который развивает и Белинский. В чем причина бедствий трудящихся классов? Милютин отвечает: «Полная, неограниченная свобода промышленности... которая... поставляет труд в самые невыгодные отношения к капиталу; она имеет самое вредное влияние на распределение производимых богатств между этими двумя главными производительными силами».

В чем же заключаются, по мнению Милютина, средства к исправлению зла? «Современной эпохе, — отвечает он, — нужна... благотворительность... которая бы предупреждала нищету, которая облегчила бы судьбу работника, дала бы ему прямое и непосредственное участие в выгодах производительности, противопоставила бы роковым причинам развития нищеты более деятельные причины богатства и благоденствия и, наконец, соединила бы разрозненные теперь капитал и труд твердыми и неразрывными узами в гармонической и живой солидарности!»

П. Н. Сакулин комментирует эти строки: «Т. е. нужна организация труда, а это — то, к чему стремятся социалисты». Но не всякая организация труда является такой, к которой стремятся социалисты. Наем рабочей силы есть тоже организация труда, и именно она единственно возможна в капиталистическом обществе. П. Н. Сакулин продолжает: «Нельзя сомневаться в его (Милютина.—*С. Щ.*) полном сочувствии идеалам социализма» [2]. И это, несмотря на то, что, по мнению самого же П. Н. Сакулина, «Милютин не сочувствует тем течениям... которые требуют... например уничтожения частной собственности и наследства (по мнению Милютина, право собственности на предметы, «добытые тяжким трудом и неутомимыми усилиями» — самое священное право человека)».

П. Н. Сакулин резюмирует свои суждения по этому поводу: «Не об уничтожении частной собственности, не об упразднении класса капиталистов думает пока Милютин, а лишь о планомерном урегулировании взаимоотношений труда и капитала». Но раз он об этом не думает, а это является определяющим признаком социализма, — то какой же Милютин социалист? Обычная для Сакулиных и безнадежная путаница.

Пример Милютина — одно из многих доказательств того, что из критики капитализма, при всем искреннем народолюбии, могут быть сделаны выводы не только несоциалистические, но даже прямо вра-

[1] Все цитаты по книге Сакулина П. Н., Русская литература и социализм.
[2] Там же, с. 238.

ждебные социализму. При анализе идеологии нельзя ограничиваться внешним сходством отдельных учений, а необходимо прощупывать их глубокие, в последнем счете, классовые корни.

По отношению к Белинскому вывод тот, что разбираемая статья не может служить обоснованием того взгляда, что он был социалист. Белинский в ней не ставит вопроса об обобществлении средств производства, об упразднении частной собственности, как единственной базе нового общества, о котором он мечтает. Допустим, что он не делает этого здесь по цензурным соображениям. Но он этого вопроса не ставит и в письмах, даже в тех, которые отправлялись с надежной оказией.

Он совсем не затрагивает вопроса о собственности в течение периода увлечения французскими утопическими системами. В статьях его и письмах этого времени мы не находим признаков понимания Белинским всей решающей важности вопроса о форме собственности для формы общества, будь то социалистического или иного. Впервые указания на это мы находим у него в 1848 г. Тогда Белинский писал: «Он (наш век. — *С. Щ.*)... лучше своих предшественников смекнул, на чем стоит и чем держится общество, и ухватился за принцип собственности, впился в него и душою и телом и развивает его до последних следствий, каковы бы они ни были» [1].

Рассуждение это служит скорее свидетельством того, что Белинский считал частную собственность неизменной базой общества. Но в 1847 г. уже вполне определился отход Белинского от французских социальных утопий и разочарование в них. Начался новый период в развитии его общественных взглядов. Со свойственной ему резкостью и прямотой он ставил все точки над i. Спор о судьбах капитализма и роли буржуазии все более обострялся, приобретал все больше практический и злободневный интерес. Обстоятельства, условия экономического развития России требовали от каждого, кто брался судить и рядить о них, — точно определить свою позицию: за капитализм или против? Так неумолимо настойчиво ставился вопрос историей. А выбирать приходилось только одно из двух: либо крепостная Россия со всеми ее ужасами, либо капитализм. Третьего не было дано. Пусть капитализм несовершенен, пусть он сам обнажил на Западе свои язвы и пороки. Но то было, во-первых, за морем, во-вторых, даже он с его язвами был огромным шагом вперед по сравнению с чудовищной отсталостью рабовладельческого уклада России.

---

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. X, с. 479.

Вот какими штрихами характеризует Белинский ту действительность, с которой ему приходилось сравнивать западноевропейские капиталистические порядки: «А это насильственное примирение с гнусной рассейской действительностью, этим китайским царством материальной животной жизни, чинолюбия, крестолюбия, деньголюбия, взяточничества, безрелигиозности, разврата, отсутствия всяких духовных интересов, торжества бесстыдной и наглой глупости, посредственности, бездарности, где все человеческое, сколько-нибудь умное, благородное, талантливое осуждено на угнетение, страдание, где цензура превратилась в военный устав о беглых рекрутах, где свобода мысли истреблена до того, что... Нет, да отсохнет язык, который заикнется оправдать все это, и если мой отсохнет — жаловаться не буду. Нет, отныне для меня либерал и человек — одно и то же» [1].

В этом сопоставлении кроется причина того явления, что практические требования Белинского всегда были умеренны. У Н. Г. Чернышевского мы находим указания на причины этой умеренности. В «Очерках гоголевского периода русской литературы» он писал: «Белинский был человек сильный и решительный. Он говорил очень энергически, с чрезвычайным одушевлением, но нелепою ошибкою было бы называть его, как то делали бывало иные, человеком неумеренным в требованиях или надеждах. Те и другие имели у него основания в потребностях и обстоятельствах нашей деятельности, потому они при всей своей силе были очень умеренны» [2]. И далее: «Те, которые понимали смысл читаемого, очень хорошо всегда понимали, что желание и надежды Белинского были очень скромны. Вообще он не требовал ничего такого, что не казалось бы совершенно необходимостью человеку с развитым умом. Этим и об'ясняется сильное сочувствие ему в публике, которая у нас вообще очень скромна в своих желаниях» [3].

И Белинский после недолгих колебаний сделал свой выбор. В споре о буржуазии, возникшем и в кружке Белинского (непосредственным поводом к спору послужили «Письма из Avenue Marigny». Герцена), Белинский стал в защиту буржуазии, как благотворного для России явления. Со всегдашней прямотой он писал Анненкову: «Когда я, в спорах с вами о буржуазии, называл вас консерватором, я был осел в квадрате, а вы были умный человек. Вся будущность Франции в руках буржуазии, всякий прогресс зависит от нее одной,

---

[1] Письмо к Боткину от 10—11 XII 1840.
[2] Чернышевский Н. Г., Собр. соч., т. IV, с. 289.
[3] Там же, с. 292.

и народ тут может по временам играть пассивно-исполнительную роль».

Это воззрение стало центральным для новых взглядов Белинского. Тот же взгляд усвоил он себе и по отношению к отечественным делам. В феврале 1848 г. Белинский писал между прочим Анненкову: «Мой верующий друг (Бакунин. — *С. Щ.)* доказывал мне еще, что избави-де бог Россию от буржуазии. А теперь ясно видно, что внутренний процесс гражданского развития в России начнется не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуазию».

Несколько ранее, в декабре 1847 г., он признавался Боткину более или менее прямо, что в тот период он не мыслил себе существование общества без частной собственности: «Я не принадлежу к числу тех людей, которые утверждают за аксиому, что буржуазия — зло, что ее надо уничтожить, что только без нее все пойдет хорошо. Так думает наш немец — Мишель, так, или почти так, думает Луи Блан. Я с этим соглашусь только тогда, когда на опыте увижу государство, благоденствующее без среднего класса, а как пока я видел только, что государства без среднего класса осуждены на вечное ничтожество, то и не хочу заниматься решением априори такого вопроса, который может быть решен только опытом. Пока буржуазия есть, и пока она сильна, я знаю, что она должна быть и не может не быть».

Распростился ли Белинский к этому времени окончательно со своим отрицательным отношением к капитализму, перешел ли он к идеализации буржуазии, перестал ли он видеть ее отрицательные стороны? Ни в малой мере. «Я знаю, — писал он в том же письме,— что промышленность — источник великих зол, но знаю, что она же — источник и великих благ для общества. Собственно, она только последнее зло в владычестве капитала, в его тирании над трудом. Я согласен, что даже отверженная порода капиталистов должна иметь свою долю влияния на общественные дела. Но горе государству, когда она одна стоит во главе его. Лучше заменить ее ленивою, развратною и покрытою лохмотьями сволочью: в ней скорее можно найти патриотизм, чувства национального достоинства и желания общего блага».

Отголоски суждений предыдущего периода ясно чувствуются тут. Вся критика больных сторон капитализма заострялась авторами, из которых Белинский заимствовал свои воззрения против крупной буржуазии, против господства финансовых магнатов. И Белинский продолжает повторять вслед за ними: «Итак, не на буржуазию вообще, а на больших капиталистов надо нападать, как на чуму

и холеру современной Франции, а этому-то и не следовало быть. Средний класс всегда является великим в борьбе, в преследовании и достижении своих целей... Я сказал, что не годится государству быть в руках капиталистов, а теперь прибавлю: горе государству, которое в руках капиталистов, это люди без патриотизма... Для них война или мир значит только возвышение или упадок фондов — далее этого они ничего не видят. Торгаш есть существо по натуре своей пошлое, дрянное, низкое и презренное, ибо он служит Плутусу, а этот бог ревнивее всех других богов и больше их имеет право сказать: кто не за меня, тот против меня» [1].

Во всем написанном самим Белинским нет никаких указаний на то, что его общественный идеал основывался на обобществлении собственности.

Но у Достоевского мы находим следующие свидетельские показания по этому делу:

«Я застал его (Белинского. — *С. Щ.)* страстным социалистом... В новые нравственные основы социализма он верил до безумия и без всякой рефлексии. Семейство, собственность, нравственную ответственность личности он отрицал радикально» [2].

В другой статье Достоевский распространяется несколько подробнее об этом предмете:

«Я уже в 1846 г. был посвящен во всю п р а в д у этого грядущего «обновленного мира» и во всю «с в я т о с т ь» будущего коммунистического общества — еще Белинским. Все эти убеждения о безнравственности самых оснований (христианских) современного общества, о безнравственности религии, семейства, о безнравственности права собственности, все эти идеи об уничтожении национальностей во имя всеобщего братства людей, о презрении к отечеству как к тормозу во всеобщем развитии и проч., и проч. — все это были такие влияния, которых мы преодолеть не могли и которые, напротив, захватывали наши сердца и умы во имя какого-то великодушия» [3].

На основании этого свидетельства Достоевского, Иванов-Разумник зачисляет Белинского того периода, без дальних околичностей, в «типичные коммунисты». Мы однако же имеем все основания отнестись к словам Достоевского с крайней осторожностью. Они писаны им в то время, когда он стал крайним реакционером, мрако-

---

[1] Письмо к Боткину, декабрь 1847 г.

[2] Д о с т о е в с к и й Ф. М., Собр. соч., т. IX, 1895, гл. «Старые люди», с. 172.

[3] Там же, гл. «Одна из современных фальшей», с. 338. (Разрядка Достоевского).

бесом, когда он старательно оплевывал все прошлые свои идеалы и проклинал заблуждения молодости. Послушайте например его собственные мнения о социализме.

Белинский уверовал в нравственные основы социализма, «который, однако, не указал до сих пор ни единой, кроме гнусных извращений природы и здравого смысла»[1].

При таком отношении к социализму трудно ждать спокойных суждений. У страха глаза велики.

Сущность социализма, по уверению Достоевского, «состоит лишь в желании повсеместного грабежа всех собственников классами неимущими, а затем «будь, что будет»[2].

Речь идет у Достоевского в данном случае о позднейшем социализме 80-х годов, связанном с рабочим движением. Достоевский называет этот социализм «политическим» и сообщает, что произошел он, этот политический социализм, намеревавшийся ограбить собственников, из учений Луи Блана, Прудона, Консидерана, которые на собственность не посягали, а всего лишь «стремились распространить между этими голодными и ничего за душой не имевшими работниками, между прочим, и глубокое омерзение к праву наследственной собственности».

Но Белинский проповедывал, по свидетельству Достоевского, именно этот безобидный социализм Прудона, Жорж Занд, Леру[3]. «Политического социализма», отрицающего не наследственную собственность только, а собственность на средства производства, Белинский не знал. Как же увязать с этим фактом уверения, что Белинский отрицал собственность, да еще «радикально». Противоречит фактам, излагаемым самим Достоевским, также указание, что Белинский посвятил его во все тайны к о м м у н и с т и ч е с к о г о общества. Коммунизм, это, в конечном счете, тоже «грабеж собственников», «радикальное» отрицание собственности. Но ни Леру, ни Жорж Занд, ни Прудон, ни Консидеран, ни Луи Блан собственности не отрицали, наоборот: они отрицали ее отрицание. Они воевали с коммунистами. Мы можем сослаться здесь еще на свидетельство Плеханова. Обсуждая вопрос о возможности увлечения Белинского коммунистическими идеалами, Плеханов пишет: «Это просто-напросто смешно. Утопический социализм XIX в., — а именно этим социализмом и увлекался Белинский, — в лице огромнейшего большинства самых видных своих представителей не только не увлекался

---

[1] Д о с т о е в с к и й Ф. М., Собр. соч., т. IX, 1895, гл. «Одна из современных фальшей».

[2] Там же, с. 337.

[3] Там же, с. 174.

коммунистическими идеалами, но был прямо враждебен им. Поэтому совершенно естественно, что человек, увлекавшийся утопическим социализмом XIX в., мог при этом совершенно не увлекаться коммунистическими идеалами» [1].

К вопросу о содержании учения французских утопистов XIX в. мы еще должны будем вернуться позднее. Пока же займемся Достоевским. Он, стало быть, или не отдает себе отчета в значении слова «коммунизм», не видит разницы между коммунизмом, социализмом и просто реформизмом или же, в пылу раскаяния за грехи молодости, в азарте ниспровержения обманувших и разочаровавших его идеалов он злоупотребляет этим термином. Надо думать, имеет место и то и другое. Далее Достоевский показывает, что Белинский посвятил его в тайну «уничтожения национальностей во имя всеобщего братства людей, презрения к отечеству» и т. д. Эти воззрения Белинского мы уже разобрали и видели, что все это не так. Ни о каком уничтожении национальностей и тем более о презрении к отечеству у Белинского речь не идет. Тут Достоевский в воинственном азарте просто хватает через край. Мы имеем здесь дело опять с преувеличением и неразборчивым отношением к терминологии. Свидетельство Достоевского совершенно одиноко. Ни у кого из современников Белинского мы не находим ни малейшего ему подтверждения. В целом оно не может служить базой для утверждения, что Белинский был социалист. Проф. Сакулин правда использовал и его как аргумент для защиты своей концепции. В хорошем хозяйстве и веревочка пригодится. Но крайне характерно для П. Н. Сакулина и его понимания социализма именно то обстоятельство, что он цитирует из Достоевского только то, что относится к правде и святости коммунистического общества. Этого с него достаточно. Все это проф. Сакулин принимает без критики и очевидно согласен зачислить Белинского на этом основании не только в социалисты, но и в коммунисты, как это и делает Иванов-Разумник. А вот основные пункты этих показаний об отношении Белинского к собственности он обходит молчанием, совсем не затрагивает; он о них ни гу-гу.

III

Мировоззрение тогдашней русской интеллигенции, в том числе и Белинского, вырабатывалось под влиянием двух факторов. В основе лежало, само собой понятно, положение ее, интеллигенции, в обществе. Из этого положения возникал напряженный интерес к обще-

---

[1] Плеханов Г. В., Собр. соч., т. XIV, с. 292 «Идеолог. мещ. нашего времени». (Разрядка Плеханова).

ственным учениям Западной Европы. Не менее понятно и то, что влияние западных учений усваивалось в меру зрелости русских общественных отношений, этими отношениями обусловливалось, к ним приспосабливалось.

Вернемся теперь еще раз к источникам, из которых Белинский заимствовал свои воззрения. Его главными кумирами, как свидетельствуют об этом многочисленные указания, были: Жорж Занд, Луи Блан, Пьер Леру. Были ли они социалистами? Мог ли Белинский оттуда заимствовать социалистическую доктрину? Все они подвизались в эпоху, предшествовавшую революции 1848 г., эпоху, наполненную все нараставшей враждой всего общества к финансовой и промышленной аристократии под главенством Луи Филиппа.

В борьбе против этой аристократии об'единились самые различные классы общества, интересы которых были в свою очередь непримиримо противоречивы.

Идеологию демократической части этого блока социальных сил в художественной литературе выражала Жорж Занд. Эта писательница оказала сильнейшее влияние на Белинского в период его увлечения идеями утопического социализма. Эти идеи в значительной мере, именно через художественное творчество Жорж Занд, вошли в сознание Белинского. Он не перестает в этот период твердить о своем восторженном преклонении перед гением Жорж Занд.

«Эта женщина, — пишет он, — решительно Иоанна д'Арк нашего времени, звезда спасения и пророчица великого будущего» [1]. Прочитав роман Жорж Занд «Мельхиор», Белинский в записке Панаеву так излагал свое впечатление: «Мы счастливцы. Очи наши узрели спасение наше, и мы отпущены с миром владыкою, мы дождались знамений и поняли и уразумели их».

Каковы же были общественные воззрения самой Жорж Занд, воззрения, к которым с таким восторгом относился наш великий критик?

В сжатом, сокращенном виде мы находим изложение ее общественных взглядов в ее публицистических статьях, собранных в отдельном томе («Questions politiques») ее полного собрания сочинений [2].

Жорж Занд относится с резкой враждой к аристократии богатства, к финансовым воротилам, к хищникам капиталистического мира.

«Буржуазия, с остервенением стяжающая (accaparant avec fureur) богатства, разрушающая нацию монополией капиталов и

---

[1] Письмо к Н. Бакунину от 7/XI 1842 г.
[2] Oëuvres complètes de Georges Sand, Paris, 1879.

крупной промышленности»[1]. Она ополчается против конкуренции, ведущей к гибели мелкие хозяйства: «Мелкая собственность, сама себя пожирающая распылением, конкуренцией и индивидуализмом». Сердце ее полно сострадания к рабочему люду, живущему под двойным гнетом непомерного труда и нищеты.

«Пролетариат, изнемогающий от чрезмерного труда, дороговизны с'естных припасов и недостаточности заработной платы, нищенство, ставшее общественной язвой, заглушенной, но не исцеляемой»[2].

«Да не будет отныне, — восклицает она с негодованием, — средств составлять скандалезные состояния, которые, пожирая друг друга, пожирали, в последнем счете, существование народа... Довольно спекуляций на усталости, покорности и нищете человека, довольно жертв человеческих! Давайте преследовать этот дикий торг вплоть до его самых затаенных убежищ!»[3].

Рассуждая о взаимной обусловленности прав и обязанностей, Жорж Занд такими чертами рисует себе будущее общество:

«Допустив, что человек солидарен человеку, невозможно иметь иной мысли, кроме той, чтоб разрушить ужасающее неравенство социальной действительности; и с тех пор права и обязанности — едино суть (soit identiques). Провозглашение одних не должно ни следовать, ни предшествовать провозглашению других. Давать и получать, наслаждаться и работать, производить и потреблять, прислуживать и распоряжаться, требовать и удовлетворять (demander et accorder), любить и быть любимым, уважать и внушать уважение — суть одновременные акты жизни, индивидуальной и общей, не допускающие ни деления, ни различения — в метафизической формуле»[4].

В этих замечательных строках указано верно совпадение прав и обязанностей в обществе, лишенном противоречий. Чем, казалось бы, несоциалистичны эти и предшествующие рассуждения? А между тем посмотрите, как определяет их автор понятие социализма:

«Условимся называть политикой совершенно материальное действие, производимое над обществом, чтобы изменить и улучшить его учреждения; социализмом — совершенно научное действие, осуществляемое над людьми, чтобы расположить их, реформировать общественные установления. Кажется, что цель одна и та же»[5].

---

[1] Oëuvres complètes de Georges Sand, Paris, 1879, p. 79.
[2] Там же, с. 69 — 70.
[3] Там же, с. 279.
[4] Oëuvres complètes de Georges Sand, Paris, 1879, p. 30—31.
[5] Статья «La politique et socialisme», p. 67.

Как видим, определение это совершенно совпадает с тем, которое дает социализму П. Н. Сакулин и многие другие и которое разумеется ничего общего с социализмом не имеет.

Жорж Занд занимает важный вопрос о слиянии политики с социализмом. Два эти начала действуют раздельно, независимо друг от друга. Но «социализм», о котором она хлопочет, никак невозможно отличить от либерализма.

«Социалисты, — продолжает она, — цепляются специально за абстрактную идею справедливости и истины, не занимаясь может быть достаточно текущей борьбой, которую без сомнения не следовало бы оставлять втуне. Им кажется, что достигнуть завоевания прав для масс — дело не более неотложное, но что прежде всего дело идет о том, чтоб просветить эти массы относительно их обязанностей».

Под социалистами тут фигурируют люди, получившие в русских условиях кличку «культурников».

Для Жорж Занд понятия социализма и буржуазного радикализма не отпочковались, не отделились одно от другого.

По ее мнению, весь исторический процесс наполнен несогласиями между политикой и социализмом.

«Ссора социалистов и политиков не нова. Всегда под новыми названиями, двадцать раз изменяемыми, эти два типа мышления и деятельности делили между собой историческое действие прогресса. Оба были необходимы, но великое зло состоит в том, что они не могли быть полезными в одно и то же время и для одной и той же цели. К концу монархии прошлого столетия их видели действующими в лоне Учредительного собрания (Assamlée constituante). Их споры вначале не были омрачаемы горечью иронии, но мы сейчас покажем, как они не смогли договориться об основах идей» [1].

Итак еще в архибуржуазной по своему составу Конституанте социалисты вступили в бой с политиками. Правда социалисты были побиты. Сражение было проиграно и вот с какими результатами:

«В предыдущей главе мы попытались об'яснить, как и почему политики и социалисты этого Учредительного собрания, которое передало нам дух и почти что букву своих установлений, кончили не чем иным, как некиим лживым компромиссом, где все права на деле были закреплены за одним классом граждан, все обязанности взвалены на массы, составляющие нацию» [2].

---

[1] Oëuvres complètes de Georges Sand, Paris, 1879, p. 72—73.
[2] Там же, с. 81.

Почему же социалисты были побиты политиками? Жорж Занд дает такой ответ:

«Дух синтеза, который воодушевлял социалистов и не давал им покоя, не просвещая их достаточно, был угашен духом анализа, коим блистали политики» [1].

Жорж Занд констатирует с грустью:

«Появление было окутано слишком большим количеством тумана, осуществился же софизм; софизм этот и доныне правит нами» [2].

Об'яснение исхода классовых битв от «духа» синтеза и «духа» анализа, конечно, несостоятельно и наивно, даже в ту пору; буржуазные современники Жорж Занд — Гизо, Минье, Тьерри — иначе и более верно об'ясняли своему классу смысл событий Великой революции.

Жорж Занд прибегала к такому об'яснению не только минувшей истории «социализма». Его судьбу в современных ей событиях она также ставила в зависимость от «духа».

Социалисты, в изложении Ж. Занд, на приглашение политиков к действию отвечают так:

«Вы хотите разрушить ужасающую действительность, и вы правы; но разве вы не видите, что факты покоятся на античеловеческих идеях, на противоестественных чувствах, на чудовищных страстях? Старайтесь же изменить умы, победить сердца, сформировать верования и тогда надейтесь, что дела будут добрыми» [3].

«К несчастию, социалисты были правы», — заключает Жорж Занд.

Здесь, разумеется, нужно ставить в укоризну автору не то, что она идеалистически об'ясняет процесс истории, и не то, что она обусловливала возможность изменений общественного устройства предварительным изменением умов и нравов; эта черта была свойственна всем без исключения представителям тогдашнего утопического социализма и утопического реформизма.

Жорж Занд, наоборот, как показывает вся статья «La politique et le socialisme», стояла выше многих из этих мечтателей. Она пыталась перейти от бесплодных витаний в химерах грядущего царства божия к живому практическому делу, пыталась проложить мост между миром мечтаний и действительной жизнью.

«Всегда ли будут, — спрашивает она, — немощные открыватели нового (révélateurs), которые будут приглашать нас подождать и

---

[1] Oëuvres complètes de Georges Sand, Paris, 1879, p. 70.

[2] Там же, та же страница.

[3] Там же, р. 70.

бестолковые реализаторы, которые будут крикливо звать нас двигаться вперед, куда глаза глядят (au hasard), без того, что мы, посреди этих противоречивых указаний, будем сами людьми и без того, что мы будем уметь думать и действовать одновременно?»

«Нет, — отвечает Жорж Занд, — это расхождение между делом и мыслью относится к детству и давно уже пора войти в зрелый возраст. Давно пора считать человека, который не действует, и человека, который не размышляет, людьми, один из которых болен параличом, другой — белой горячкой. Давно пора нам краснеть, слыша, как нас квалифицируют политиками и социалистами, если эти слова означают, что мы фатально опьянены иллюзиями и слепы» [1].

Стремления эти примирить политику с социализмом, дело с мечтаниями — не случайны; причина их кроется не в доброй воле автора. За ними скрывается в конечном счете нарастание социальных противоречий, накаливание почвы под ногами, приближение революции.

Нас интересует гораздо более другая сторона дела в этих цитатах. «Социалисты» вновь выступают в роли простых культуртрегеров. Они настаивают на необходимости просвещать массы, но в каком направлении, какие идеи нести им, с чем обратиться к ним — вопрос этот совершенно обходится молчанием.

Во время февральской революции 1848 г. Жорж Занд давала несколько иную трактовку вопроса о социализме. В одной из статей, относящихся к этому времени, она писала так:

«Будущее разрушит до конца частное богатство, оно создаст богатство общественное. В будущем не станет более бедных, в нем будут только равные в полном смысле слова» [2].

Это уже несколько более определенно, хотя и остается еще благим пожеланием. Совершенно аналогичную формулировку мы встречаем уже у Белинского.

В противоречии с этим добрым мечтанием, Жорж Занд относилась к коммунистическим учениям своего времени, в том числе и периода революции, в неопределенном тоне снисхождения и иронии. Не надо забывать, что коммунизм этот был тоже утопическим, тоже отрицавшим классовую борьбу и революционные методы действия.

В статье «К богатым» Жорж Занд пишет: «Большой боязнью или большим предлогом аристократии в данный момент является идея к о м м у н и з м а. Если бы имелась хоть какая-нибудь возмож-

---

[1] Oëuvres complètes de Georges Sand, Paris, 1879, p. 87—88.
[2] Там же, с. 278.

ность смеяться в столь серьезное время, эти страхи могли бы не мало нас потешить. Под словом коммунизм разумеют народ, его нужды... Не будем отнюдь смешивать: народ это — народ; коммунизм это — оклеветанное будущее народа» [1]. Обращаясь к аристократии и богачам, Жорж Занд продолжает: «Этот фантом (речь идет о народе. — *С. Щ.*, которому вы даже не смеете взглянуть в лицо, вам нравится называть коммунизмом.

Вы напуганы идеей, ибо существуют секты, которые верят в эту идею, потому что это — верование, которое должно в один прекрасный день распространиться и изменить мало-по-малу социальное здание.

Полагая, что ее торжество близко, знаете ли вы, что, обнаруживая столько трусости перед ней... вы придаете ей такую важность, такой вид, освещение, которыми она еще не льстит себя обладающей» [2].

В тираде этой гораздо больше боязни коммунизма, чем сочувствия ему. Жорж Занд старается успокоить богатых, напуганных призраком коммунизма. Она увещевает лишь их не дразнить своим поведением, не разжигать этой стихии.

«Коммунизм в народе — это бесконечно малое меньшинство. Вы же знаете, что большинство располагает истиной настоящего, меньшинство истиной будущего. Вот почему нужно оказывать уважение меньшинству и давать ему свободу. Если ему в этом отказывают, оно становится враждебным, оно может стать опасным; тогда их доводят до того, что приходится их удерживать силой, они подвергаются мучениям... Оставьте коммунизм в покое, потому что он будет жить еще интенсивнее в гражданской войне...» [3].

Стало быть по отношению к становящемуся опасным коммунизму можно применять и силу. Фраза эта не случайна. Относя блага социализма в туманную даль, Жорж Занд занимала в развертывающейся перед ней классовой борьбе умеренные позиции. Спекуляцию, хищничество, эксплоатацию надлежит прекратить в будущем, причем не указывается, как именно это будет достигнуто.

«Что же касается состояний, уже сделанных, — рассуждает Жорж Занд, — предоставим им исчерпать самих себя, наложим на них жертвы, к которым нас обязывают обстоятельства. Обстоятельства не требуют, чтобы богатые были сведены к нищете... Когда республика сможет обойтись без требования от них сумм, необходимых

---

[1] Oëuvres complètes de Georges Sand, Paris, 1879, p. 225. (Разрядка Жорж Занд).

[2] Там же, с. 226 — 227.

[3] Там же, с. 279 — 280.

для своих первых потребностей, пренебрежем их излишками, не будем завистливы, мы слишком горды для этого. Работы, свободы, воздуха, поэзии, образования, чести — вот все, чего мы требуем» [1].

Далее Жорж Занд призывает иметь жалость к держателям биржевых ценностей, спекулянтам и богачам, потому что, лишенные богатства, они превратятся в париев и обузу общества.

Все это сдобрено возвышенной и беспредметной декламацией, в роде следующей: «Ты грядешь царствовать, о народ! Царствуй же братски, вместе с твоими равными всех классов!» [2].

Если брать Жорж Занд как политического деятеля и судить по ее делам, то надо признать, что она входила в состав демократического блока, возглавлявшегося Ледрю-Ролленом и Луи Бланом.

Она выступила как агитатор и пропагандист этого направления, убеждая своих читателей примкнуть к демократической партии и рекомендуя им ее газету «Реформа».

«Мы хотим говорить, — пишет Ж. Занд, — об организации демократической партии, газета которой «Реформа» и большинство независимых газет в провинции являются нынешними органами. Здесь — признанные, более того — провозглашенные устремления к общему и нераз'единенному действию синтеза и анализа науки социальной и науки политической. Это люди, уже показавшие себя своей социалистической политикой, которые предпринимают вместе с нами, ради образования народа, открытую войну с грубой исключительностью политики. Да благословит Бог их усилия!» [3].

Таким образом искомый синтез социализма был обретен Жорж Занд в лоне мелкобуржуазной демократической партии, вождем которой состоял Ледрю-Роллен.

К этому же вопросу Жорж Занд возвращается в воззвании «Pètition pour l'organisation du travail».

«Друзья мои, — пишет она здесь, — так как вы хотите и можете делать политику, не упускайте прекрасной возможности, которая вам представляется, употребить ваши силы и вашу активность, попробовать действительно доброе дело. Вот вам партия, смело именующая себя демократической и зовущая вас к новым дерзаниям. Вы не станете колебаться, я в этом уверена.

Выразителем этой партии — я предпочитаю сказать этого мнения, потому что слово «партия» отнюдь не нравится мне (оно напоминает гражданскую войну и личные раздоры) — является газета «Реформа».

---

[1] Oëuvres complètes de Georges Sand, Paris, 1879, p. 279.
[2] Там же, с. 205.
[3] Там же, с. 91—92.

Ее мужественные и открытые устремления проложили бы мост, по которому я отважилась бы перейти, чтобы шествовать на стороне политики, если бы я не была убеждена, что не буду там ни на что годна. Право, эта газета — благородный и сильный орган правдивых идей, которым политика должна стараться дать восторжествовать, вдохновляясь добрыми социалистическими устремлениями» [1].

Далее следует восхваление Ледрю-Роллена и Луи Блана. Для партий же и организаций пролетариата, руководимых Бланки, для рабочих союзов «коммунистов-равенственников» и «материалистов-коммунистов» у ней находится лишь язык неопределенных обещаний в будущем, осуждения и гроз насильственными мерами — в настоящем.

Что же мы имеем в итоге?

Демократические настроения и идеи, прикрытые туманно-социалистической фразеологией, лишенной всякого стержня, какой бы то ни было определенности.

Не вправе ли мы применить к Жорж Занд характеристику, ей же самой данную различным направлениям тогдашнего «социализма»? Вот она, эта характеристика: «Всякий человек, который прочитал кое-какие системы или ласкал в уме своем кое-какие утопии, мнит себя глубоким социалистом. Можно ли видеть что-нибудь более легкомысленное? Но во все времена французы имели манию записываться в полки, не зная, с кем и в какие, и писать на своих знаменах слово, которого они не понимали».

Золотые слова. Судьбу этих французов фатально разделила сама Жорж Занд. На знамени ее тоже было написано слово «социализм», которого она не понимала.

К данной ей формуле, однако же, необходима поправка: «французы», страдающие такой странной манией, встречались и встречаются во всех нациях. Дело в том, чтоб установить причины этого своеобразного явления.

Меринг об'ясняет возникновение того «социализма», проповедницей которого в художественной литературе выступила Жорж Занд, из особенностей взаимоотношений классов той поры во Франции.

«Богатая социалистическая литература, выросшая в душной атмосфере 40-х годов, скорее мешала, чем способствовала самопросвещению рабочего класса. Корень ее лежал в чувстве возмущения, которое возбуждало господство финансовой аристократии и в котором сошлись все другие классы, начиная от феодальной аристократии и кончая промышленным пролетариатом. Чем сильнее нарастало

---

[1] Oëuvres complètes de Georges Sand, Paris, 1879, p. 59—60

это возмущение, тем больше затушевывалась противоположность между различными слоями общей оппозиции. Имущие классы воодушевлял в их борьбе против финансовой аристократии туманный социализм. Расплываясь в сотнях оттенков, он задерживал энергичное развитие классового сознания, которое начало пробуждаться у передовых рабочих. Более или менее сильный отзвук его мы находим почти у всех поэтов того времени... Его гениальнейшей представительницей была Жорж Занд» [1].

Стало быть, если отвлечься от оболочки несомненного народолюбия, в которую закутан этот социализм, то надо признать, что социальной базой, на которой он возник, его носителями были имущие классы. Из специфических условий их бытия, к рассмотрению которых мы еще должны будем вернуться, возникает эта туманная идеология с демократическим стержнем и социалистическими этикетками.

Непосредственным вдохновителем Жорж Занд, ее учителем и другом был Пьер Леру (фигурирующий в переписке Белинского под именем Петра Рыжего).

Писательница сама признавалась: «Жорж Занд — лишь слабый отблеск Пьера Леру, фанатический последователь той же самой идеи... всегда готовый... писать, говорить, думать по его внушению. Я — лишь популяризатор с усердным пером и впечатлительным сердцем, старающийся пересказать в своих романах философию учителя» [2].

В Пьере Леру Жорж Занд видела человека, о котором говорила: «Существо, которое я почитаю как нового Платона, как нового Христа».

Жорж Занд находила, что философия Леру — «единственная философии, которая ясна, как день, и говорит душе, как евангелие... Я в нее погрузилась и возродилась. Я в ней обрела покой, силу веры» и т. д. [3].

Биограф Жорж Занд В. Каренин (автор цитир. книги, псевдоним М. Комаровой) пишет по поводу взаимоотношения идей Леру и Жорж Занд: «Его (Леру. — *С. Щ.)* мысли стали ее собственными мыслями, слились с ее личными верованиями, чувствованиями и стремлениями и вылились в целом ряде романов».

---

[1] Меринг, История германской социал-демократии, т. I. (Разрядка моя. — *С. Щ.).*

[2] Письмо к Гильону. Цит. по книге Каренина В., Жорж Занд, т. II, с. 234.

[3] Письмо к Шарлю Понси. Цит. по книге Каренина В., Жорж Занд, т. II, с. 232.

Каково же это новое евангелие, новая философия, ясная, как день, перед которой так преклонялась Жорж Занд?

Мы уже видели это по ее писаниям, приведенным выше. Мы имеем все основания считать их верной интерпретацией идей Леру.

Здесь остается добавить немногое.

Излагая учение Леру, В. Каренин, между прочим, пишет:

«Человек не может жить без общества, семьи, собственности. Но общество, когда оно давит его кастовыми стеснениями, семья, когда она узурпирует всю его деятельность в свою пользу, собственность, когда она мешает ему выполнять свое человеческое призвание, — является злом, и с этим злом надо бороться. Все зло на земле — именно от ложно понятых обязанностей, налагаемых этими тремя институциями. Бороться надо с злоупотреблениями этими тремя институциями, а не с ними самими» [1].

Стало быть нужно устранить лишь извращения, злоупотребления собственностью, а не ее самое: без нее невозможно существование человека. Но это и есть, во-первых, утопия; оставляя собственность нетронутой, нет способов устранить последствия, которые она неотвратимо, с обязательностью естественного закона, влечет за собой. Во-вторых, эта утопия реформистская, а не социалистическая, мечтающая приспособить, подправить капиталистическое общество, а не заменить его новым обществом, построенным на новом принципе.

Как политический деятель Пьер Леру примыкал к направлению, представляемому «Реформой».

Об этом мы имеем свидетельство Жорж Занд. «Независимое обозрение» («Revue Indépendante» — журнал, издававшийся Пьером Леру) заявляет о своем тесном единении с «Реформой».

Идеи Пьера Леру оказали сильнейшее влияние на Белинского. Он знал его не только в истолковании романов Жорж Занд, но и непосредственно. Имя «Петра Рыжего» пестрит в переписке Белинского с друзьями.

К представителям «туманого социализма», вдохновляющего имущие классы», принадлежал также Ламменэ. О нем Шатобриан сказал: «Этот поп хочет устроить на колокольне якобинский клуб».

Программа Ламменэ, по его собственной оценке, не шла далее требования более справедливой заработной платы для рабочих.

Социалистические системы, утверждал Ламменэ, если бы они осуществились, «привели бы к такому порабощению, которого мир дотоле еще не знал. Социализм низвел бы человека ниже негра, животного, превратив его в простую машину».

---

[1] Письмо к Шарлю Понси. Цит. по книге Каренина В., Жорж Занд. т. II, с. 9.

Такие филиппики против социализма исходили и исходят поныне из среды имущих классов; именно — в этом укоряют они социализм, в страхе пред ним. И вот этого-то откровенного идеолога имущих классов многие провозглашают социалистом!

Интересно, что в статьях Жорж Занд, относящихся к 1844 г., мы встречаем суждения, близкие к взглядам этого попа. «Социалисты дали нам теории, применение которых было бы вредоносно или невозможно» [1].

Историк Лукин дает такую оценку учения Бюшеза, Ламмена и Леру: «Поскольку ни у одного из них мы не находим отрицания права собственности и идеи обобществления средств производства, их социальные идеи не могут быть отнесены к социалистическим» [2].

Классический документ международного социализма «Коммунистический манифест» ставит христианский социализм на одну доску с феодальным и дает ему такую характеристику: «Как поп шел всегда рядом с феодалами, так и поповский социализм не отстает от феодального.

Нет ничего легче, как придать христианскому аскетизму социалистический оттенок. Разве христианство не ратовало также против частной собственности, против семьи и государства. Разве не проповедывало оно благотворительности и нищенства, безбрачия и умерщвления плоти, затворничества и церкви. Христианский социализм есть святая вода, которою поп кропит озлобление аристократа» [3].

Еще более резко выступил Маркс против попыток подменить принципы коммунизма принципами христианства в полемике против Вагенера, одного из проповедников так называемого христианского социализма в Германии.

«Социальные принципы христианства, — писал Маркс, — оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепостничество, и умеют также, в случае нужды, защитить, хотя и с жалкой гримасой, современное угнетение пролетариата. Социальные принципы христианства проповедуют необходимость существования класса, господствующего и порабощаемого, и для последнего у них находится лишь благочестивое пожелание, чтобы первый ему благодетельствовал. Социальные принципы христианства переносят на небо вознаграждение за все мерзости и тем самым оправдывают

---

[1] Статья Répons à diverses objections. «Oëuvres complètes de Georges Sand», Paris, 1879, v. Questions politiques, p. 96.

[2] Лукин, Новейшая история Западной Европы, с. 439.

[3] «Коммунистический манифест», 1928, с. 85.

продолжение этих мерзостей на земле. Социальные принципы христианства провозглашают все гнусности угнетателей против угнетаемых либо справедливым наказанием за первородный и другие грехи, либо испытанием, которое Господь в своей премудрости ниспосылает искупленным им людям. Социальные принципы христианства превозносят трусость, презрение к самому себе, самоунижение, подчинение, смирение, словом — все качества черни, а для пролетариата, который не желает, чтобы с ним обращались, как с отребьем человечества, — для пролетариата смелость, самосознание, чувство гордости, независимости — важнее хлеба. На социальных принципах христианства лежит печать пронырливости и ханжества, пролетариат же революционен. Таковы социальные принципы христианства».

Пусть имеют в виду эту блестящую и справедливую характеристику, пусть с ней считаются, когда хотят обосновать социализм Белинского близостью его воззрений к взглядам Пьера Леру и других христианских социалистов.

В числе людей, под влиянием которых слагалось общественное мировоззрение Белинского, не последнее место занимал Луи Блан.

Белинский так отзывается о нем: «Луи Блан — святой человек. Личность его возбудила во мне благоговейную любовь» [1] (Позднее, когда миновало увлечение идеями утопистов, Белинский награждал его иными, менее любезными эпитетами).

Титул социалиста сросся с именем Луи Блана гораздо прочнее. Этому не мало способствовало то обстоятельство, что деятельность Луи Блана сопряжена с рабочим движением периода до революции 1848 г. и во время самой революции. Он был избран во Временное правительство в качестве представителя рабочих.

Своей популярностью среди рабочих он обязан главным образом пропаганде идеи «организации труда», о которой им написана специальная работа, носящая то же название.

Под организацией труда Луи Блан разумел создание при помощи государства производственных кооперативов рабочих, кооперативных мастерских. Создание таких мастерских он считал осуществлением права на труд, тогда как для социалистов речь может итти не иначе, как о превращении частных предприятий в национализированные.

В проекте Лассаля программы немецкой рабочей партии тоже был включен следующий пункт:

«Чтобы подготовить путь для разрешения социального вопроса, немецкая рабочая партия требует учре-

[1] Письмо к Боткину от 31 мая 1843 г.

ждения социалистических производственных товариществ при содействии государства и под демократическим контролем трудящегося народа».

Маркс сурово осудил эту формулировку, как затемняющую сущность социалистического переворота.

«Вместо революционного переустройства общества, — пишет он, — «социалистическая организация» коллективного труда возникает из «содействия государства» производительным товариществам, «созданным» государством, а не рабочими. Вполне достойно Лассаля вообразить себе, что при государственной субсидии также легко построить новое общество, как новую железную дорогу» [1].

Социалистическая организация труда означает устранение буржуазных условий производства, т. е. прежде всего частной собственности.

«Устройство кооперативных товариществ при помощи государства не имеет с этим равнехонько ничего общего» [2].

До тех пор, пока решающие средства производства находятся в руках эксплоататоров, всяческие кооперативные об'единения рабочих могут добиться лишь очень незначительного улучшения быта своих членов.

По поводу надежд, возлагаемых лассальянцами на государство (буржуазное) в деле социалистического переустройства общества, Маркс резюмирует свои замечания:

«Итак, несмотря на свою демократическую трескотню, программа вся насквозь заражена верноподданнической верой лассальянской секты в государство, или, что ничуть не лучше, демократической верой в чудеса. Вернее всего, что она составляет компромисс между этими двумя видами веры в чудеса, одинаково далекими от социализма» [3].

Луи Блан не понимал классового характера современного ему государства. С таким отношением к политическим учреждениям от радикализма и даже «социализма» до оппортунизма, реформизма — один только шаг.

Луи Блан не умел понять и выделить роль и значение каждого класса буржуазного общества, в том числе и пролетариата, роль и значение, определявшиеся их положением по отношению к средствам производства.

---

[1] Маркс К. Критика Готской программы, 1919, с. 29. (разрядка моя.—*С. Щ.*).
[2] Там же, с. 29. (Разрядка моя.—*С. Щ.*).
[3] Там же, с. 36. (Разрядка моя.— *С. Щ.*).

Луи Блан и партия социалистов-демократов требовали демократических преобразований, не выходящих за рамки буржуазного общества, но прикрывали их якобы социалистическими фразами о справедливости, братстве, равенстве и проч.

Расстрел рабочих республиканцами в июле 1848 г. в Париже положил конец этому надклассовому «социализму», обнаружил его классовую природу.

Имя Луи Блана — «луиблановщина» стала нарицательным для обозначения мелкобуржуазной политики, разукрашенной социалистической фразеологией.

Ленин окрестил именем «луиблановщины» весь период русской революции 1917 г., когда расцвела социалистическая фраза и мелкобуржуазная политика гг. Церетелли, Чхеидзе, Чернова и т. п.

Энгельс называл Луи Блана вместе с Ледрю-Ролленом, Мадзини, Кошутом и т. д. «мелкобуржуазными кропателями революции» [1].

С учением Сен-Симона и сен-симонистов Белинский познакомился, надо думать, главным образом, через кружок Герцена, где им увлекались и где оно обсуждалось и разрабатывалось.

Слово «сен-симонисты» постоянно встречается в работах Белинского. В частности свой взгляд на положение женщины он считал сходным с воззрениями сен-симонистов и отсюда заключал о необходимости познакомиться с ними основательнее.

М. Филиппов считает, что из всех учений, под воздействием которых вырабатывалось миросозерцание Белинского, наиболее сильной струей пробиваются именно взгляды Сен-Симона [2].

Основанием к такому выводу М. Филиппов считает энергическую защиту крупной промышленности, железных дорог, их преобразующей роли. Эта черта действительно чрезвычайно характерна для мировоззрения Белинского и проходит через все его развитие.

В Сен-Симоне он мог найти опору и подкрепление для своих собственных мыслей, возникавших из окружающей его русской действительности, где все более заметной становилась роль растущей промышленности и все ненавистней делались феодальные преграды на путях к ее развитию.

Положение Сен-Симона, в качестве основателя одного из направлений утопического социализма, как будто бы установлено непререкаемо.

---

[1] Энгельс Ф., К истории союза коммунистов.

[2] Филиппов М., Философские взгляды Белинского, «Научное обозрение», 1897, №№ 5, 6, 8, 9.

За ним традиция, поддерживаемая и культивируемая целым сонмом эклектиков и мелкобуржуазных путаников. Но не одни эклектики поддерживают этот взгляд.

Плеханов тоже считает Сен-Симона утопическим социалистом.

Наконец, авторитет самих основателей научного социализма, Маркса и Энгельса, образует массивную опору, пьедестал, на котором держится его мнение.

В «Коммунистическом манифесте» мы читаем: «Собственно коммунистические и социалистические системы Сен-Симона, Фурье, Оуэна и т. д. возникают в первый, неразвитой период борьбы между пролетариатом и буржуазией» [1].

Энгельс в «Анти-Дюринге» пишет следующее: «Мы находим у Сен-Симона гениальную широту взгляда, благодаря которой у него в зародыше содержится почти все, хотя и не строго экономические, идеи позднейших социалистов» [2].

На придирчивое и мелочное копание Дюринга Энгельс отвечал так: «Мы предпочитаем наслаждаться гениальными проблесками мысли и идеями первых социалистов, которые, скрытые под фантастической оболочкой, обильно рассеяны в их сочинениях, но не замечены филистерами» [3].

Всякая попытка иной оценки учений Сен-Симона и Фурье может навлечь обвинение в филистерстве и заслужить титул «мелкого лавочника, которым Энгельс награждает Дюринга за его манеру «проявлять превосходство своего собственного трезвого мышления над подобным «безумием» (первых социалистов-утопистов. — *С. Щ.)* [4].

Рассматривать отношения Сен-Симона и Фурье к социализму иначе, чем это сделано Марксом и Энгельсом, можно, только опираясь на самих отцов научного социализма, на их принципы. Если возникает коллизия между взглядами этих великих людей на отдельный факт или отдельную личность и их принципами, основами их учения, то, естественно, победить должны принципы, а оценка конкретного исторического лица — отступить. Поступать наоборот, хвататься за мнение об отдельном лице и на нем строить принципы, на основании которых мнение создалось — значило бы игнорировать основы учения Маркса и Энгельса, ими же сформированные и провозглашенные. Это значило бы хвататься за второстепенное, отрицая основное, решающее.

---

[1] «Коммунистический манифест», 1928, с. 91.
[2] Энгельс Ф., Анти-Дюринг, 1918, с. 231.
[3] Там же, с. 230.
[4] Там же, та же страница.

Чтобы поступать так, надо быть или начетчиком, оперировать буквами учения, а не его содержанием, или иметь специальные резоны и побуждения, отрицая принципы научного социализма, прикрывать это отрицание отдельными суждениями его основателей, сделанными по отдельным, частным поводам.

Так именно и поступают многие идеологи мелкой буржуазии, ведущие борьбу против пролетарского социализма. Например Пажитнов, автор цитированной уже книги «Развитие социалистических идей в России».

Начинает он с правильного положения о том, что зачислять тех или иных мыслителей и деятелей в социалисты можно не иначе, как определив предварительно, что такое социализм, указав его основные признаки. Но вслед за тем он считает неприемлемым некоторые определения социализма на том основании, что под них не подходят Сен-Симон и Фурье, в качестве заведомых социалистов, занявших прочное место в истории социализма.

Это и значит отказаться от принципов в угоду традиции.

Что в доктринах Сен-Симона и Фурье содержатся черты и мысли, прочно вошедшие потом в учение научного социализма, — это бесспорно. Таковы например идеи Сен-Симона об обязательном труде, об общественном плане работ, о превращении государственной машины в простой аппарат для управления производством, а не людьми. Мысли эти имеются у Сен-Симона лишь в зародыше; тем не менее они обеспечивают за ним почетное место предшественника новейшего социализма. Но они все же не дают права считать его самого социалистом.

Возвратимся к принципам, на которых основывается научный социализм.

Пажитнов утверждает, что Маркс не дал определения этих принципов. «Маркс, — пишет он, — не оставил нам определения социализма как родового понятия, сосредоточив свое внимание исключительно на той разновидности его, которая называется коммунизмом» [1].

В понимании Маркса, между социализмом и коммунизмом нет принципиального отличия. Социализм есть более ранняя ступень развития коммунистического общества. Именно та его стадия, когда оно еще только вылупилось из капиталистического общества и не успело развить, уже на своей собственной основе, производительных сил настолько, чтобы стало возможным осуществление коммунистического принципа: «с каждого по способностям, каждому по потребностям».

[1] Пажитнов, Развитие социалистических идей в России, с. 13.

Коммунистическое общество есть высшая стадия того же принципа, на котором базируется уже социалистическое общество, в корне отличающееся от капиталистического. Именно так трактует Маркс вопрос, например в «Критике Готской программы».

Но каков этот принцип, фундамент, общий для социалистического и коммунистического общества и резко отличающий их оба от капиталистического?

В виду важности вопроса, здесь удобнее говорить подлинными словами. Уже в «Коммунистическом манифесте» принцип этот определен так:

«Современная буржуазная частная собственность есть последнее и самое полное выражение способа производства и присвоения продуктов, основанного на антагонизме классов, на эксплоатации одних другими.

В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»[1].

Отступили ли Маркс и Энгельс где-либо и когда-либо от этой основной, решающей формулы, изменили ли ее? Нет, нигде, никогда не отступали и не изменяли. Во всем их учении это положение занимает центральное место, ось, вокруг которой все вращается.

В том же «Коммунистическом манифесте» они повторяют, обращаясь к буржуа:

«Вы возмущаетесь тем, что мы хотим уничтожить частную собственность... Вы упрекаете нас... в том, что мы хотим уничтожить такую собственность, необходимой предпосылкой которой является отсутствие ее у огромного большинства членов общества.

Словом, вы упрекаете нас в том, что мы хотим уничтожить вашу собственность. И действительно мы хотим этого»[2].

Коммунисты поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующих общественных отношений.

«Но и во всех этих движениях они выдвигают на первый план, как основной вопрос всего движения, вопрос о собственности»[3].

В «Принципах коммунизма», более раннем наброске «Коммунистического манифеста», Энгельс с такой же четкостью и решительностью определяет отношение к собственности.

---

[1] «Коммунистический манифест», 1928, с. 79. (Разрядка моя.— *С. Щ.).*

[2] «Коммунистический манифест», 1928, с. 76.

[3] Там же, с. 96. (Разрядка моя.— *С. Щ.).*

На вопрос: «каков должен быть этот новый общественный строй?», Энгельс отвечает:

«Так как управление промышленностью отдельными лицами имеет необходимым своим последствием частную собственность и так как конкуренция есть не что иное, как способ управления промышленностью посредством отдельных частных собственников, то частная собственность неразрывно связана с независимыми друг от друга промышленными предприятиями и с конкуренцией. *Следовательно надо будет отменить также и частную собственность и заменить ее общим пользованием всеми средствами производства* и распределения продуктов по общему соглашению, т. е. надо будет ввести так называемую общность имущества. *Отмена частной собственности является даже самым кратким и характерным признаком того преобразования всего общественного строя*, которое стало необходимым вследствие развития промышленности. *Поэтому коммунисты вполне правильно считают главным своим требованием отмену частной собственности*» [1].

Первый пункт устава «Союза коммунистов», написанного также Марксом и Энгельсом, гласит:

«Целью союза является: свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов, буржуазного общества и основание нового общества без классов и без частной собственности» [2].

В первом номере «Коммунистического журнала», обсуждая условия освобождения пролетариата, редакция пишет:

«Мы называем наш орган коммунистическим журналом потому, что мы убеждены и знаем, что это освобождение может быть достигнуто только путем полного преобразования ныне существующих отношений собственности, словом, что оно может осуществиться только в обществе, основанном на коммунизме» [3].

Частная собственность трактуется здесь как основное средство эксплоатации рабочих.

«Не подлежит сомнению, что буржуазия — наш враг. *Именно ее могущество целиком основано на частной собственности*, на капитале и на всем том, что с ним связано. *Мы же, пролетариат, можем освободиться, только уни-*

---

[1] «Коммунистический манифест», 1928, с. 299—300. (Разрядка моя.— *С. Щ.*).
[2] Там же, с. 311.
[3] Там же, с. 262.

уничтожив частную собственность, а тем самым и буржуазный класс, и вместе с ним положив конец навеки всяким классовым различиям. Между нею и нами должна быть поэтому борьба не на жизнь, а на смерть, борьба не только словом, но и кулаком и мушкетом» [1].

Можем сослаться еще на одно классическое определение сущности коммунизма (и социализма), данное опять же Марксом. В письме Энгельсу от 23 октября 1846 г. он рассказывает о борьбе, которую вел с Грюном, Эйзерманом и их сторонниками. На одном из собраний они потребовали от Маркса, чтобы он об'яснил им, что такое, по его мнению, коммунизм.

«Я не заставил их упрашивать себя, об'яснить им вкратце, что такое коммунизм, — пишет Маркс, — я определил намерения коммунистов следующим образом:

1. Отстаивать интересы пролетариев в противоположность интересам буржуа.

2. Осуществить это посредством уничтожения частной собственности и замены ее общностью имущества.

3. Не признавать никакого другого средства для осуществления этих целей, кроме насильственной демократической революции» [2].

Таково «главное требование» коммунизма, неизменно и настойчиво повторяемое, выдвигаемое и формулируемое отцами научного социализма.

Есть ли оно, это главное требование социализма, в системе Сен-Симона? Ссылка на то, что у Маркса с Энгельсом социализм научный, а Сен-Симон представитель утопического социализма — не помогает делу и ничего не об'ясняет.

Существует целый ряд утопических учений, отвергающих частную собственность, хотя реализация этого принципа и трактуется совершенно утопически.

Сен-Симон ставил себе задачей создание такой научной системы, которая способствовала бы улучшению участи наиболее многочисленного класса общества.

По его мнению, философия вообще оправдывает свое существование только тогда, когда она преследует эту цель. «Основная задача философии, — пишет он, — заключается в том, чтобы построить наилучшую для данной эпохи систему общественного устройства, чтобы побудить управляемых и правящих принять ее, чтобы усовершенство-

---

[1] «Коммунистический манифест», 1928, с. 278.

[2] Маркс К. и Энгельс Ф., Письма, 1923, с. 4. (Разрядка моя.— *С. Щ*).

вать эту систему, поскольку она способна к совершенствованию, чтобы низвергнуть ее, когда она достигнет высшей степени своего совершенства, низвергнуть и построить вместо нее новую» [1].

Забота о благе большинства населения, о наиболее бедной части его — важнейший мотив всех трудов Сен-Симона; струя эта особенно сильно чувствуется в последних его работах. Так, он находил, что «организация политического общества, предоставляющая всем образующим его индивидуумам возможно большую сумму счастья, была самой важной и в то же время наиболее трудно разрешимой задачей, когда-либо стоящей перед людьми... Мы все еще находимся только у исходной точки, откуда идет прямой путь к созданию учреждений, целью которых будет увеличение благосостояния самого многочисленно общественного класса» [2].

В «Новом христианстве», работе, вышедшей в 1825 г., Сен-Симон говорит уже о необходимости приспособления общественной организации для самых бедных слоев населения:

«Господь... заповедал... так устроить... общество, чтобы обеспечить беднейшему классу наискорейшее и наиполнейшее улучшение его морального и физического благосостояния» [3].

Задача современного общества и его деятельность и сводится к тому, чтоб выполнить это завещание.

«Новая христианская организация построит как советские, так и духовные учреждения на том принципе, что все люди должны относиться друг к другу, как братья. Она поставит всем этим учреждениям, какого бы рода они ни были, задачу повышать благосостояние наибеднейшего класса» [4].

Религия, в противоположность тому, что она делает теперь, «должна направлять общество» все к той же «великой цели наискорейшего улучшения участия наибеднейшего класса» [5].

Самая задача основания нового христианства будет по силам опять же только людям, которые «наиболее способны своей деятельностью содействовать увеличению благосостояния наибеднейшего класса» [6].

Современные религии, хотя они и называют себя христианскими, в сущности представляют собой ереси, так как они не выполняют основного назначения христианской религии, — т. е. «не стремятся

---

[1] Сен-Симон, Избранные сочинения, М.—Л., 1923, с. 151.
[2] Там же, с. 175.
[3] Там же, с. 178.
[4] Там же, с. 179.
[5] Там же, с. 181.
[6] Там же, та же страница.

непосредственно к наискорейшему улучшению благосостояния наибеднейшего класса» [1].

Аналогичные выдержки можно цитировать и дальше, почти наугад открыв любую страницу трудов Сен-Симона. Полагаю, что в этом нет необходимости. Глубокое сочувствие его к страданиям масс, вызванным развитием капитализма, и желание помочь им, употребить на это все свои силы — не подлежат сомнению и никем не оспариваются.

Каким же путем полагает Сен-Симон возможным устранить страдания и улучшить участь «наиболее многочисленного класса».

Путем дальнейшего развития капитализма, устранения с его дороги всех остатков феодального уклада, надломленного Великой революцией, но не устраненного окончательно и гальванизированного монархической реставрацией.

Надо доставить господство в общественной жизни промышленникам, обеспечить за ними решающую роль в политике и хозяйстве. Но для этого надо отстранить ныне господствующие социальные силы — духовенство и дворянство.

В своей теории Сен-Симон обосновывает необходимость и неизбежность такой замены.

В этом — стержень всей его системы. Он полон вражды к попам и дворянству. Все его симпатии на стороне промышленников.

Устойчивым и прочным государственным порядком Сен-Симон считает только тот, который опирается на социальные слои, имеющие преобладающее значение в жизни общества и которые, в силу естественного хода вещей, будут все более и более обнаруживать это влияние.

Такой социальной силой своего времени Сен-Симон считал промышленников (потом мы увидим, какое содержание вкладывает он в это название). Они «создают своими трудами огромную массу новых ценностей, дворяне непрерывно продают им все большие и большие доли своей движимой и недвижимой собственности» [2].

По мере перемещения центра тяжести хозяйственной жизни к промышленникам война, как средство увеличения богатства, теряет свое прежнее значение. Таким средством становится производительная деятельность промышленников. Отсюда необходим вывод: «военная профессия может теперь играть в обществе лишь весьма подчиненную роль».

---

[1] Сен-Симон, Избранные сочинения, М.—Л., 1923, с. 181.
[2] Там же, с. 25.

Самый успех войны, вследствие изобретения пороха и связанного с этим изменения военных сил и действий, поставлен в сильнейшую зависимость от промышленности.

Духовенство и дворянство Сен-Симон клеймит именем «настоящих кровопийц народа».

Под их игом общество находится только вследствие давней привычки. Но «опыт доказывает, что общество всегда освобождалось от усвоенных им привычек, когда они становились в противоречие с его интересами, и находило новые пути для удовлетворения своих потребностей».

Поэтому обеспечен переход руководящей роли в обществе «в руки тех, кто уже теперь распоряжается почти всей совокупностью общественных сил, кто в повседневном труде направляет физические силы общества, кто творит его денежные ценности, наконец тех, кто беспрерывно умножает его умственную мощь».

Изменение в руководстве обществом должно наступить неотвратимо, «ибо положительные умственные и материальные силы находятся теперь в руках тех, кто занимается опытными науками, и тех, кто организует и направляет промышленную деятельность» [1].

Так как промышленный класс важнее всех в обществе, то ему должно принадлежать и первое место. Дополнительный резон к этому Сен-Симон усматривает в том, что класс промышленников «может обходиться без всех других классов, но ни один другой класс не может обходиться без него, потому что он существует за счет своих собственных сил и своим личным трудом».

В каких же отношениях должны находиться все другие классы к промышленникам? Они, — отвечает Сен-Симон, — «должны трудиться для него, потому что они являются его креатурами, и он поддерживает их существование; одним словом, так как все делается благодаря промышленности, то все должно делаться для нее» [2].

Даже ученые, представители наук и искусства, сколь ни почетна и ни серьезна роль, отводимая им философом в его промышленной системе (им должна быть поручена «духовная» власть), должны занять второстепенное положение по отношению к промышленникам. «Ученые, — пишет он, — оказывают очень крупные услуги промышленному классу, но получают от него еще более крупные; они получают от него свое с у щ е с т в о в а н и е; промышленный класс удовлетворяет их насущные потребности и их физические влечения

[1] Сен-Симон, Избранные сочинения, М.—Л., 1923, с. 45.
[2] Там же, с. 59.

всякого рода; он доставляет им все орудия, необходимые для выполнения их работ» [1].

Кто же от имени многочисленного класса промышленников должен управлять всеми делами общества? Самые крупные, самые выдающиеся промышленники. За их государственные способности ручается успех их собственных, частных предприятий, успех, лежащий в интересах всего общества.

Сен-Симон прямо заявляет: «Общественное спокойствие не может быть устойчивым до тех пор, пока самым выдающимся промышленникам не будет доверено управление государственным достоянием» [2].

Осуществление этого условия Сен-Симон считает единственной гарантией не только спокойствия общества, но и его процветания. «Самые выдающиеся промышленники возьмут на себя бесплатно управление государственными финансами; они будут издавать законы, они будут определять положение, которое должны занимать другие классы по отношению друг к другу, они уделяют каждому из них долю внимания, соответственно услугам, оказанным ими промышленности. Таков будет неизбежный конечный результат настоящей революции; когда этот результат будет достигнут, общественное спокойствие будет вполне обеспечено, благосостояние государства начнет развиваться с той быстротой, какая только возможна, и общество будет обладать всем тем индивидуальным и общественным благополучием, на которое только может притязать человеческая природа» [3].

К мысли, что с осуществлением промышленной системы будет достигнут возможный идеал общественного устройства, Сен-Симон возвращается не раз. Она не является для него чем-либо случайным. Наоборот идеализация «промышленной системы» — один из важнейших мотивов в системе Сен-Симона.

Так в «Катехизисе промышленников» (написан в 1824 г.) он следующим образом формулирует ту же идею:

«Когда промышленники сначала добьются того, чтобы король поручил наиболее влиятельным из них составление проекта бюджета, когда они затем добьются, чтобы он издал приказ об учреждении трех научных коллегий... тогда общество будет организовано так, как это соответствует современному состоянию просвещения и цивилизации; оно будет организовано наилучшим, какой только возможен

1 Сен-Симон, Избранные сочинения, М.—Л., 1923, с. 122.
2 Там же, с. 60.
3 Там же, с. 75.

для человечества, способом для удовлетворения всех своих моральных и физических потребностей» [1].

Позвольте, спросит читатель, промышленникам будет предоставлено господство, а как же быть например с рабочим классом? Будут ли его положение определять промышленники и «уделять ему внимание, соответственно услугам, оказываемым им промышленности»? И будет ли этого достаточно, чтобы удовлетворить его «моральные и физические потребности»?

Для Сен-Симона рабочие, как самостоятельный класс общества, не существуют. Он их растворяет в классе «промышленников». Это последнее понятие он расшифровывает так:

«Промышленник — это человек, который трудится над производством или над доставкой разным членам общества одного или нескольких материальных продуктов, удовлетворяющих их потребности или физические склонности; таким образом, земледелец, сеющий рожь или разводящий домашних птиц и животных, является промышленником; каретник, кузнец, слесарь, столяр — промышленники; фабрикант башмаков, шляп, полотна, драпа, кашемировой материи — также промышленник; купец, извозчик, матрос торгового судна — промышленники» [2].

За пределами класса промышленников остается лишь привилегированная знать — дворянство и духовенство, против которых и должна вестись борьба. «Мы должны бороться только с военными, со знатными и с богословами» [3].

Промышленникам принадлежит в обществе не только решающая, хозяйственная роль, но и подавляющий численный перевес. «Промышленники составляют больше двадцати четырех двадцать пятых нации, они таким образом преобладают как физическая сила. Они производят все богатства и владеют денежными средствами» [4].

Сен-Симон совершенно не замечает противоположности интересов пролетариев и владельцев средств производства, у которых они работают как наемные рабочие. Он не видит факта эксплоатации одних категорий «промышленников» другими, эксплоатации, которой именно и обусловливается нищета «самого многочисленного класса общества», та самая нищета, которая тревожит сердце философа и которую он стремится устранить с помощью реализации своей «промышленной системы».

---

[1] Сен-Симон, Избранные сочинения, М.—Л., 1923, с. 125.
[2] Там же, с. 59.
[3] Там же, с. 50.
[4] Там же, с. 62.

Сен-Симон находит даже, что «улучшить моральное и физическое существование бедного класса явно невозможно другими средствами, кроме тех, которые приводят к увеличению наслаждений богатого класса» [1].

Но средством увеличения наслаждений богатого класса и является как-раз эксплоатация, присвоение чужого труда в форме предметов потребления. Это средство совершенно не годится одновременно для улучшения благосостояния бедных. Противоречия этого Сен-Симон не видел. Ему представлялось дело так, что развитие и торжество «промышленной системы», т. е. капитализма, повлечет за собой рост богатства, равно благодетельный для богатых и бедных. Выхода для бедных вне капитализма, именуемого Сен-Симоном «промышленной системой», он не видел. Дальше капитализма не шел.

Эта сторона учения Сен-Симона нашла беспощадного критика в лице самого Карла Маркса. Обрушиваясь на представителей буржуазного социализма, к которым он причислял и Прудона, за их стремление идеализировать капиталистические отношения производства, Маркс писал: «Они хотят иметь современное общество без революционизирующих и разлагающих его элементов. Они хотят буржуазию без пролетариата. Буржуазии естественно кажется лучшим из миров тот мир, в котором она господствует. Буржуазный социализм возводит это радужное представление в более или менее полную систему. Предлагая пролетариату осуществить его системы и вступить таким образом в новый Иерусалим, этот социализм, в сущности, требует только того, чтобы рабочий продолжал жить в буржуазном обществе, но перестал его ненавидеть» [2].

Выход для пролетариев Сен-Симон видел в приобретении своих средств производства и умелом ими распоряжении. Свою зрелость для такого распоряжения пролетариат, по мнению Сен-Симона, доказал во время Великой революции.

«После продажи национальных имуществ, — пишет он, — несколько тысяч пролетариев перешли вдруг в разряд земельных собственников... И вот способ управления своим имуществом этой массы пролетариев, превратившихся вдруг в собственников, доказал и подтвердил тот крупный политический факт, что последний класс нации состоит теперь из людей, достаточно развитых в умственном отношении... С этого момента нацию надо рассматривать как состоящую всецело из людей, способных управлять имуществами» [3].

---

[1] Сен-Симон, Избранные сочинения, М.—Л., 1923, с. 206.
[2] «Коммунистический манифест», 1928, с. 90.
[3] Сен-Симон, Избранные сочинения, М.—Л., 1923, с. 157.

За юридическим равенством людей, завоеванным революцией, Сен-Симон не видел их фактического, материального неравенства.

«Мы живем, — пишет он, — в такую эпоху, когда рабство совершенно уничтожено; теперь существуют только люди одной и той же политической породы; классы отличаются один от другого не более чем оттенками» [1].

Рабство наемного труда Сен-Симон не считал рабством; в его глазах это был не более чем оттенок. Богатые и бедные должны остаться в «промышленной системе», составляющей предельную ступень в развитии человеческого общества.

Образование и воспитание детей будут производиться «в зависимости от того времени, какое смогут проводить в школах дети разных имущественных классов» [2].

Доходы имущих классов попрежнему будут получаться от эксплоатации труда. Надо даже «вдохновлять приманкой частных выгод всякие предприятия... Не надо придираться к барышам, которые получатся от трудов, приносящих пользу государству, следует, не смущаясь, уступать эти барыши целиком частным лицам, предпринимающим эти работы» [3].

Улучшение же участи бедняков — дело богатых. Король должен побуждать богатых к этому. «Королевская власть законна только в том случае, если короли употребляют ее на то, чтобы заставить богачей стремиться к улучшению морального и физического существования бедняков...» [4].

Такова в основных чертах система Сен-Симона. Он был пламенным сторонником капитализма, его пропагандистом, но он хотел капитализма иного, чем тот, что вырастал на его глазах. Его капитализм должен вести хозяйство по планам, созданным учеными и под их руководством; этим путем могла быть устранена разорительная конкуренция отдельных «промышленников». Проповедуемый им капитализм должен был заботиться об участи бедных, иначе ему грозили постоянные потрясения.

Но это был все же капитализм со всеми его важнейшими атрибутами: частной собственностью, делением на классы, капиталами, прибылью, эксплоатацией.

Как ни важны выдвинутые им идеи планомерной организации хозяйства, обязательности труда, превращения государства в аппа-

---

[1] Сен-Симон, Избранные сочинения, М.—Л., 1923, с. 204.
[2] Там же, с. 44.
[3] Там же, с. 56.
[4] Там же, с. 205.

рат управления производством, приспособления структуры общества для нужд наиболее многочисленного класса, — они все же не могут ни устранить, ни затушевать того факта, что он оставляет в неприкосновенности все основные устои капитализма. Он хотел достигнуть организации производства на базе капитализма. Сен-Симон был ранним пророком «организованного капитализма».

В сущности говоря, повторяю, к учению Сен-Симона вполне приложима критика, которую направлял Маркс против «буржуазного социализма». «Под преобразованием материальных условий жизни этот социализм понимает вовсе не уничтожение буржуазных условий производства, возможное только путем революции, а административные улучшения, совершающиеся на почве этой же самой организации производства, следовательно ничего не изменяющие в отношениях капитала к наемному труду и в лучшем случае только уменьшающие для буржуазии издержки ее господства и упрощающие государственное хозяйство» [1].

Энгельс ранее, до опубликования «Коммунистического манифеста», — в «Принципах коммунизма», определил свое отношение к таким социалистам, тождественное с позицией Маркса.

«Они стремятся сохранить современное общество, но устранить связанные с ним бедствия. Для этого одни предлагают простые меры благотворительности, другие — грандиозные планы реформ, которые под предлогом реорганизации общества, намерены сохранить основания современного общества. Против этих буржуазных социалистов коммунисты тоже должны будут вести борьбу потому, что их деятельность идет на пользу врагам коммунистов и они защищают общество, которое коммунисты желают разрушить» [2].

Ученик Сен-Симона, знаменитый историк Огюстен Тьерри, продолжал отстаивать и развивать в своих работах положение о том, что класс промышленников включает в себя людей различнейших профессий, состояний, разных положений в производстве и противостоит, как единый класс, без противоречий внутри его, аристократии и духовенству.

У Тьерри однако это об'единение носит название третьего сословия.

Маркс критикует эту концепцию. По поводу книги Огюстена Тьерри «История образования и развития третьего сословия» он писал Энгельсу (27 июня 1854 г.):

[1] Коммунистический манифест, 1928, с. 90
[2] Там же, с. 309.

«Удивительно, как этот господин, «отец» «классовой борьбы» во французской исторической науке, негодует в предисловии на «новых», которые видят противоречия между буржуазией и пролетариатом и находят следы его в истории третьего сословия еще до 1789 г. Он изо всех сил старается доказать, что третье сословие охватывает всех, за исключением дворянства и духовенства, и что буржуазия играет роль представительницы всех остальных элементов... Если бы господин Тьерри прочел наши книги, то он бы знал, что острое противоречие между буржуазией и народом начинается конечно лишь с того момента, как только она перестает противостоять в виде третьего сословия дворянству и духовенству» [1].

Эта критика может быть с полным основанием отнесена к Сен-Симону. Разбивая положение Тьерри, Маркс тем самым обнаруживает несостоятельность основной посылки, станового хребта всей системы Сен-Симона.

Смешение в одну кучу всех классов общества, кроме духовенства и феодальной аристократии, продолжалось идеологами буржуазии и после Сен-Симона и Тьерри.

Маркс не раз возвращался к этой концепции и разоблачал ее, как попытку провозгласить рай для буржуазии раем для эксплоатируемого ею пролетариата.

«Вульгарная демократия, — пишет он, — ...видит в демократической республике осуществление царства божия на земле и не подозревает, что в этой последней из государственных форм буржуазного общества должна разыграться последняя решительная борьба классов» [2].

Энгельс в письме к Марксу от 21 августа 1851 г. писал по поводу книги Прудона:

«Его призыв к буржуазии, его возвращение к Сен-Симону... подтверждают, что он, собственно говоря, отождествляет промышленный класс — буржуазию с пролетариатом. Мне представляется это все последней попыткой теоретически отстоять буржуазию» [3].

Стало быть Энгельс считает смешение буржуазии с пролетариатом концепцией буржуазной.

В другом месте он прямо заявляет, что системы не только Сен-Симона, но и Фурье и Оуэна имеют непролетарское происхождение. «Характерно, — пишет он, — что все они одинаково еще не являются

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф., Письма, 1923, с. 70.

[2] Маркс К., Критика Готской программы, 1919, с. 33—34. (Разрядка Маркса).

[3] Маркс К. и Энгельс Ф., Письма, 1923, с. 42.

представителями интересов исторически развившегося к тому времени пролетариата» [1].

Тут же узнаем мы, что интересы пролетариата на ранних ступенях его развития находили самостоятельное выражение в создании утопий, позднее прямо коммунистических систем Морелли и Мабли.

«По мере развития буржуазии развивался и пролетариат. В каждом крупном историческом движении буржуазии пролетариат сопутствовал ей, но в то же время обнаруживались его отличия от буржуазии в самостоятельных движениях. Так Фома Мюнцер, Левеллеры, Бабеф, были последовательно вождями раннего пролетарского движения, самостоятельного и отличного от буржуазного» [2].

Таким образом слабые стороны учения Сен-Симона лучше всего критикуются самими Марксом и Энгельсом при сопоставлении их принципов с основами учения Сен-Симона.

Все новейшие исследования — достаточно будет назвать здесь работы о Сен-Симоне Кунова, Экштейна, Мукле, Волгина — приходят к единодушному заключению, что социалистом Сен-Симон не был.

В сущности говоря, оценка эта не расходится с отзывом, который сам Маркс дал о Сен-Симоне позднее, в 1863 г. Он писал:

«Не следует вообще забывать, что лишь в последней своей работе «Новое христианство» Сен-Симон прямо выступил от лица рабочего класса и об'явил его эмансипацию конечной целью своих стремлений. Все его более ранние произведения фактически представляют лишь прославление современного буржуазного общества в противоположность феодальному, или прославление промышленников и банкиров в противоположность маршалам и юристам, фабриковавшим законы в наполеоновскую эпоху. Какая разница по сравнению с одновременными сочинениями Оуэна!».

С этой, более поздней, более зрелой оценкой Сен-Симона стоит в резком противоречии следующее суждение Маркса:

«Они (Сен-Симон, Фурье, Ѳуэн.— *С. Щ.*) понимают, правда, что со своими планами они являются выразителями интересов главным образом рабочего класса, как более других страдающего класса» [3].

По отношению к Сен-Симону это положение неверно.

В «Новом христианстве» Сен-Симон обосновывает свое желание помочь «наиболее многочисленному и бедному классу» на принципах древней христианской морали. В той мере, в какой он становится здесь на точку зрения христианского социализма, в той мере, в какой

---

[1] Энгельс Ф., Анти-Дюринг, 1918, с. 18.
[2] Там же, с. 17.
[3] «Коммунистический манифест», 1928, с. 92.

он сближается с ним — к нему применима приведенная выше, данная Марксом негодующая и пламенная характеристика «социальных принципов христианства».

Сен-Симон также считает необходимым существование классов господствующего и порабощаемого. Причем «для последнего у него находится лишь благочестивое пожелание, чтобы первый ему благодетельствовал».

Попытки выработать-таки наконец систему «организованного капитализма» возобновлялись после Сен-Симона не раз. Наше время как-раз является свидетелем усиленных потуг в этом направлении, хоть и неотмеченных ни печатью гения, ни широтой воззрений, исключительной для своего времени, как это имеет место у Сен-Симона.

Вот например Вальтер Ратенау хлопочет о том же в книге «Новое хозяйство».

Он тоже провозглашает принцип, что «переживаемое нами есть мировая революция, вулканическое возмущение мощнейших раскаленных нижних слоев человеческой тверди» [1].

Стиль, как видим, более решительный и грозный, чем у Сен-Симона. Но слушайте дальше:

«Сгорает старый хозяйственный строй, и приближается время, когда загорится так же старый фундамент общественного порядка» [2].

«Все еще будут раздаваться голоса отдельных индивидуумов, а иногда и масс, которые, как прежде, будут бороться за старые ценности, привилегии, прежние стремления и идеалы, но бессознательно и незаметно пробивается признание: то, что случилось (автор имеет в виду войну 1914—18 гг., во время которой книга и написана. — *С. Щ.)*, не может быть оправдано и искуплено преходящими выгодами и жертвами. Человечество чересчур глубоко страдало и много пережило для того, чтобы новые границы и конституции, денежные и материальные компенсации могли искупить души, почтить мертвых, примирить живых» [3].

Можно подумать, что все это говорит свирепый и решительный коммунист, готовый ниспровергнуть современное общество. Ратенау также печется о малых сих, о наиболее многочисленном и бедном классе — о рабочих; он считает необходимым «обеспечить им лучшую заработную плату и лучший уровень жизни».

---

[1] Ратенау Вальтер, Новое хозяйство, 1923, с. 76.
[2] Там же, с. 77.
[3] Там же, с. 79.

Так же он ждет от осуществления принципов нового хозяйства упрочения общественной системы, колеблемой конкуренцией, войной, возмущениями рабочих.

«И еще одно становится ясным, — читаем мы в той же книге, — если нам удастся создать новое хозяйство, нам обеспечено содействие низших классов» [1].

Так же автор видит единый, нераздельный народ. «Мы представляем единый народ, хотя еще не в достаточной степени... Будущее принадлежит только нации, которая сумеет примирить и об'единить все свои силы и направить их на творческую работу в интересах государства и народного хозяйства» [2].

С таким же негодованием ополчается автор против прав и привилегий аристократии и ратует за их отмену.

Задача возвещаемой автором страшной революции состоит прежде всего в попрании этих ненавистных препятствий. Тут автор возвышается до пафоса и образов: «На месте пожара будут торчать два столба старого режима: монополия крупного землевладения и монополия на земные недра» [3].

Кастовые привилегии управления и господства должны быть убраны с дороги, уступив ее лучшим людям из народа.

«Везде господствуют личности, и вопрос заключается только в том, должны ли они принадлежать к маленькой наследственной, не слишком деловитой касте... или должны быть выбраны всем народом... Вопрос гласит: кастовое или народное государство» [4].

Автор, само собой понятно, является сторонником последнего.

Каким же мыслит он себе столь прославляемое им «новое хозяйство», каковы его принципы?

«Строй, к которому мы идем, — отвечает В. Ратенау, — будет, как и ныне, основан на частном хозяйстве, но ограничен в своей свободе».

Автор считает предрассудком укоренившееся мнение, что наша цивилизация и сила могут существовать только на основе ничем не ограниченной «конкуренции и борьбы каждого против всех».

Задача «нового хозяйства» как-раз в том и состоит, чтобы ограничить, если не совсем устранить, эту гибельную войну.

---

[1] Ратенау Вальтер, Новое хозяйство, 1923, с. 32.
[2] Там же, та же страница. (Разрядка Ратенау).
[3] Там же, 1923, с. 77.
[4] Там же, с. 73.

«Рассмотрение нового хозяйственного порядка докажет, что народное хозяйство может так же вестись планомерно, на основе научной организации» [1].

Построенное на принципе частной собственности, но планомерно организованное, новое хозяйство ослабит «невыносимое напряжение классовой борьбы».

Правда, оно не будет в состоянии устранить в полной мере социальную несправедливость, но «оно смягчит некоторые существующие ныне жестокости».

Каков тот путь, встав на который, новое хозяйство увеличит материальное благосостояние рабочих? Ответ гласит: «Нужно исходить из увеличения производительности труда, удвоить производство» [2].

Вот и все. К этим положениям и сводится грандиозная революция, возвещенная автором, относящим себя к числу «пионеров на пути к новому бытию».

Социализм, по его представлению, неспособен разрешить проблемы создания нового хозяйства. «Социализм склонен был ждать преобразования хозяйственного и общественного строя от уничтожения прибыли и от обобществления средств производства. Эта надежда соответствовала ранней эпохе фабричного производства: возрастающая предпринимательская прибыль, представлялась долей продукта, отнятой у четвертого сословия, частное предприятие представлялось как бы укрепленным замком, противостоящим рабочей массе» [3].

Но так как ныне собственниками предприятия являются не отдельные лица, а «постоянно меняющаяся в своем составе группа акционеров, получающих сверх процента на капитал очень небольшое вознаграждение за риск», то и социализму стало быть приходит конец. Частное предприятие уже не представляется более «четвертому сословию» укрепленным замком, который надо взять.

Новое об'единенное хозяйство, идея которого развивается в книге, — как спешит нас заверить автор, — «ничем не будет похоже ...на коммунистическую казарму, ибо оно сохранит полностью индивидуальное мышление и индивидуальную ответственность» [4].

Исчезнет лишь романтика свободной борьбы за добычу», под воздействием «регулирующих начал». «Романтика же свободной инициативы» сохранится полностью.

Выдвинув бульварно-буржуазное обвинение коммунизма в казарменном характере, В. Ратенау сообщает также, что его «новое бы-

---

[1] Ратенау Вальтер, Новое хозяйство, 1923, с. 28.
[2] Там же, с. 27.
[3] Там же, с. 30.
[4] Там же, с. 74.

тие» будет иметь еще существенное отличие от коммунистической казармы: там сохранится пролетариат. Эта социальная категория, этот класс, оказывается, «к хозяйственным формам имеет только косвенное отношение».

Действительными причинами «пролетарской обособленности» автор считает «наследственность богатства и наследственность невежества». Он ссылается на свою книгу «О грядущем», где он показал, как «все явственнее выступает сущность пролетариата, как общественного образования, независимого от формы предприятия» [1].

И снова декламации о том, что «всякое материальное творчество неизбежно механизируется от причудливой инициативы отдельного лица к солидарности человечества».

Вот оно, новое бытие: с частной собственностью, с прибылью, с пролетариатом, с социальной несправедливостью. Хорошенькая «солидарность человечества»! Солидарность рабов с рабовладельцами, эксплоататоров с эксплоатируемыми, с увековечением пролетариата как продукта «наследственности невежества»!

Социальная база этой идеологии очевидна. Она вырастает в среде крупных передовых промышленников, дельцов новейшего капитализма и услужающих им слоев технической и «ученой» интеллигенции, сросшейся с верхушкой капиталистического мира, целиком втянутой в его интересы.

Ясны также движущие пружины, толкающие на изобретение проектов «нового хозяйства»; это — бешеная конкуренция и столкновения капиталистических групп, организованных в государства, и опасение рабочих, боязнь социального взрыва, «невыносимое напряжение классовой борьбы», по верному выражению автора.

Отсюда желание ограничить конкуренцию, ввести «регулирующие начала», подчинить хозяйство «плану», сделать его «общественным», а государство «народным».

Социальные бедствия нужно устранить или по крайней мере уменьшить их. Именно затем, чтобы сохранить и упрочить самое существование капиталистического общества. Социальные реформы нужны для того, чтобы избежать социальной революции. Заплаты на гибнущем режиме — вместо его низвержения. Стремление отколоть известные слои рабочего класса («смягчить социальную несправедливость»!) — приковать их к колеснице капитализма — таков стержень этой «революции».

Отсюда стремление повысить заработную плату рабочих, улучшить их участь.

---

[1] Ратенау Вальтер, Новое хозяйство, 1923, с. 31.

Автор согласен на все, но основу современного общества — частную собственность — он считает незыблемой, неустранимой.

Участь рабочих улучшается за счет увеличения производительности труда, путем усиления эксплоатации, механизации производственных процессов, замены людей машинами, рационализации.

Но это и есть та самая программа, которую осуществляет германская буржуазия — целиком и без малейших из'ятий. Она следует учению пророка «нового хозяйства», создает «новое бытие». Это значит, что именно ее желания, планы, надежды выражал в своей книге В. Ратенау.

«Об'единение» хозяйства, его «регулирование», превращение его в «общественное»—на деле обозначает усиленную трестификацию, централизацию капитала: «солидарность человечества» — в переводе на язык капиталистов означает выход союзов капиталистов за рамки отдельных государств, создание международных капиталистических об'единений, интернациональных трестов.

Смысл, сущность системы Ратенау — классовые интересы предпринимателей; но сущность эта завуалирована, прикрыта пышными одеждами фраз об «общем», «народном», «солидарном».

И «социализм», по слову Ратенау, испаряется от лица «нового хозяйства», яко дым от лица огня. Это «социализм» Гильфердингов, Каутских и Нафтали. А сами социалисты занялись также конструированием нового бытия» à la Ратенау: ультраимпериализма, хозяйственной демократии и проч.

Задача и обязанность социализма неисчезнувшего и неистребимого состоит в этом случае в том, чтоб срывать покров фраз, обнажать скрытое за ними существо — противоречивые материальные интересы классов; тем самым будет побеждаться «наследственное невежество» пролетариата, «конечная» причина его существования. Случайно и ненароком автор сказал тут правду, хоть и не всю, хоть и в искаженной форме: с исчезновением этого невежества исчезает последний барьер к превращению капиталистического общества в социалистическое; пролетариат низвергает капитализм и следовательно перестает быть пролетариатом.

Рассмотрим еще одну сторону дела. Белинский входил одно время в кружок петрашевцев, во всяком случае он посещал знаменитые «пятницы» Петрашевского — Буташевича. Кружок этот был одним из центров нараставшего тогда революционного брожения среди интеллигенции. Мог ли Белинский здесь заимствовать и выработать в себе социалистический идеал? Ответа надо искать в идеологии самого кружка. В нем доминирующими являлись идеи Фурье, разумеется видоизмененные применительно к условиям, в которых

находилась среди русского общества интеллигенция, составлявшая кружок. Движение Петрашевского теперь изучено достаточно для того, чтобы дать отчетливое представление об его идеалах. К кружку Петрашевского примыкал также и В. Майков. С его «социализмом» мы уже знакомились.

Ко всяким уравнительным, коммунистическим теориям петрашевцы относились резко враждебно. Теоретик фурьеризма в его «петрашевской» интерпретации, Данилевский, прямо об'являет: «Неравенство есть абсолютный закон общественной и естественной жизни». Распределение в фаланстере, по мнению Данилевского, пропагандировавшего идеи Фурье, производится в соответствии с капиталом, внесенным каждым из участников ассоциации. Доля, достающаяся капиталу, распределяется в свою очередь между капиталистами в зависимости от количества акций каждого. Петрашевцы были врагами коммунизма и горой стояли за частную собственность. Беклемишев, например, отвергал коммунизм, почитая его злом, язвою: «Я отвергал и отвергаю его во всех видах»,— писал он. А Якубовский — против коммунизма и за систему Фурье, потому что она «не уничтожает совершенно собственности и дает ей новый покрой, устанавливает правило, что всякий соразмерно вкладу будет получать выгоды». Кашкин считал социализм и коммунизм «вредным и безнравственным». Им он противополагал фурьеризм. Тимковский находил систему не только коммунистов, но и системы Сен-Симона, Луи Блана и даже Прудона «неполными, мечтательными, неудобоприменимыми и даже гибельными, потому что они уничтожают собственность и даже личность человека, требуют невозможного равенства между всеми членами общества». В противовес им он восхваляет Фурье, который является «единственным настоящим социалистом». Его система «свято сохраняет собственность каждого, не только не допускает всеобщего равенства между людьми, но напротив, основывает свою гармонию на неравенстве состояний, на иерархии способностей, заслуг» [1].

Сам Петрашевский дал такое широкое толкование социализма, что в социалисты неминуемо попадают все находящиеся в оппозиции к существующему строю. Все, кто стремится исправить недостатки этого строя, по смыслу определения Петрашевского, должны быть отнесены к социалистам. «По нашему понятию, — говорит Петрашевский, — под социализмом следует разуметь учение или учения, имеющие целью устройство быта общественного, сделать согласными действия с потребностями природы человеческой». Невольно опять же

---

[1] Цитировано по книге Райского Л., Социальное мировоззрение петрашевцев.

бросается в глаза сходство пониманий социализма Петрашевским, с одной стороны, и проф. Сакулиным, Пажитновым и иже с ними — с другой. А между тем их разделяет промежуток в 80 лет.

«Словарь иностранных слов» Кириллова, рекомендованный Белинским на страницах «Отечественных записок» и выражавший идеи петрашевцев, считает систему Фурье самой совершенной, так как «она не исключает и не приносит ни одного ...из агентов производства в жертву другим и через это делает безусловно возможным установление солидарности интересов, нимало не оскорбляя уже установившихся общественных отношений»[1].

Среди петрашевцев был один, Спешнев, который по неясным дошедшим до нас сведениям о нем, отрицал частную собственность и был коммунистом. Но остальные члены кружка с прискорбием смотрели на его увлечение коммунизмом и предпринимали неодократные попытки совратить его с гибельного пути, склонить его от коммунизма к фурьеризму.

Но может быть петрашевцы исказили основы учения Фурье, придав ему реформистский характер применительно к условиям бытия той социальной группы, интересы которой они отражали?

Нет, от принципов Фурье они не отступили, они верно истолковывали его воззрения. В системе самого Фурье частная собственность сохраняется. Его фаланга — это ассоциация кооперированных, но самостоятельных владельцев своих средств производства, хотя и в замаскированной форме обладания капиталом и доходом с него.

Распределение произведенного совершается между капиталом, трудом и талантом.

Шарль Фурье был непримиримо враждебен коммунистическим теориям. Воюя неутомимо против учения Роберта Оуэна, он называет его стремление к общности имуществ «чудачеством» (bizarréreis»).

Фурье утверждал, что именно стремление к равенству служило главнейшей причиной крушения всех попыток создания ассоциации.

«Равенство для ассоциации — это яд. Режим ассоциации столь же несовместим с равенством денежных средств, сколь и с однородностью характеров; он требует возможно большей градации, возможно большего разнообразия, а особенно — возможно больших контрастов, вроде контраста между богатым и бедным человеком».

Ассоциация Фурье строится на принципе, прямо противоположном имущественному равенству.

---

[1] Разрядка моя. — *С. Щ.*

«Сочетание крайних противоположностей» — непременное условие процветания фаланги. «Очень важно, чтобы фаланга составлялась из людей, весьма неравных как по состоянию, так и по другим способностям. Фаланга, в которой неравенства будут наиболее отчетливо выражены, достигнет наилучших результатов в совершенстве гармонии, в распределении и в других отношениях. Из этого явствует, что уравнение состояний, столь превозносимое софистами,— мера, наиболее противная природе человека. Крайнее неравенство, колоссальное богатство у одних и нуль у других — вот одна из могущественных пружин гармонии, при условии гарантии минимума, основы всяческого согласия в режиме ассоциации». На обеспечении минимума Фурье очень настаивал. «Если неимущие, трудящиеся классы не будут счастливы при общественном устройстве, они будут нарушать его своею злонамеренностью, воровством, восстаниями» [1].

Уравнение имуществ означает начало гибели фаланги.

«Достаточно было бы допустить хотя бы тень равенства, уравнения имуществ, чтобы уничтожить плоды доброжелательности».

Интересно сопоставить с этим заявлением следующие замечания Маркса по поводу еще одной попытки построить «гармонию» и всеобщее благополучие на неравенстве и частной собственности: «Неприятный» вопрос о собственности, являющийся как-раз в самой неприятной форме, сломал бы ногу всякой гармонии» [2].

Фурье стремится доказать, что неравенство служит прежде всего интересам бедных.

«Если бы никто из участников ассоциации не обладал большим состоянием, никто не захотел бы уступить своих излишков над минимумом детям и бедным членам ассоциации. Начались бы проявления скупости, которые задушили бы зачатки великодушия».

Фурье поносит Оуэна и его «секту» сикофантами за стремление упразднить собственность. Проповедывать такие идеи — значит, по мнению Фурье, ровно ничего не смыслить в деле ассоциации. Оуэна и его сторонников Фурье об'являет «людьми очень опасными».

В его, Фурье, фаланге «в противоположность духу общности, будет возбуждаться дух собственности» [3].

Пролетариям также не закрыт путь для приобретения собственности. При «настойчивой экономии они скопят капитал, дающий доступ в ареопаг [4].

---

[1] Oëuvres complétes de Ch. Fourier. Théorie de l'Unité universelle, Paris, MCCCXLIII, p. 511.

[2] Маркс К. и Энгельс Ф., Письма, 1923, с. 189.

[3] Fourier Ch., Le nouveau monde industriel et sociétaire, p. 473.

[4] Правление фаланги. — *С. Щ.*

Фурье подробно излагает, как накопление капитала для бедных будет тем более доступно, что при целесообразной организации труда в фаланге он не будет изнурителен для работающих, наоборот, приятен; стало быть в дни отдыха пролетарии, вместо того, чтоб заниматься пустяками, будут работать и копить капитал, необходимый для покупки акций. К делу накопления могут быть также с пользой привлечены дети пролетариев. В неорганизованном обществе, в состоянии цивилизации «дух собственности — наиболее сильный из известных рычагов воздействия. Можно без всякого преувеличения работу собственника считать вдвое более продуктивной по сравнению с работой невольника или наемника. Все ежедневно видят фактические тому доказательства: рабочие, работающие со скандальной медленностью и неловкостью, когда они на жалованьи, становятся феноменами проворства, как только они начинают орудовать за свой собственный счет.

Первейшей задачей политической экономии является поэтому изучить вопрос о превращении всех лиц наемного труда в собственников с общим интересом, или ассоциированных» [1].

Этот принцип собственности в ассоциации окажется еще более благодетельным. Все участники фаланги будут оберегать имущество ассоциации как свое собственное и будут ревностно трудиться для его увеличения, все, даже бедные.

«Бедный в Гармонии, пусть он обладает всего лишь частицей акции, одной двадцатой, — есть собственник всего капитала, в совладении. Он может сказать: «наши земли, наш дворец, наши замки, наши леса, наши фабрики, наши заводы». Все — его собственность. Он заинтересован во всей совокупности движимого и недвижимого имущества» [2].

Свой тип ассоциации Фурье противопоставляет так же акционерной форме предприятий, возникавшей в ту эпоху и защищавшейся некоторыми из современных ему писателей.

По его словам, «претендовать на название ассоциаций для акционерных об'единений — значит принимать форму за суть дела. Они [3] умеют об'единить только верхушечные звенья, только главарей. Они схватили в ассоциации только тень, а не реальность. Ведь это злоупотребление словами — так называемые теории ассоциации, применяемые только к главарям и верхним звеньям, а не к массе» [4].

---

[1] Fourier Ch., Theorie de l'Unité universelle, III, p. 171.
[2] Там же, с. 517—518.
[3] Современные писатели. — *С. Щ.*
[4] Fourier Ch., Theorie de l'Unité universelle, I, avantpropos, p. 96—97.

Фурье понимает, что акционерные общества не устраняют монополии, а укрепляют ее.

Тут он прав, как прав во всей своей уничтожающей критике капитализма. Но система, которую он выработал, предлагал и пропагандировал, не была все же социализмом.

Оставалась еще дистанция значительного размера. Частная собственность — вот тот Рубикон, через который не перешагнул и Фурье и который отделяет его от социалистических систем.

Фаланги его представляют собой, по сути дела, кооперативные об'единения. Ну, а кооперация — это еще не социализм.

Разницу между социализмом и фурьеризмом, в смысле расстояния, отделяющего одно учение от другого, лучше всего характеризовать словами самого Фурье. Сравнивая свою доктрину с другими теориями, претендующими на «ассоциацию», он писал:

«Давно уже установлен весьма неясный принцип, что люди созданы для общественности, но при этом забыли добавить, что общество существует двух родов: раздробленное и комбинированное, социальное и антисоциальное. Разница между ними аналогична разнице между истиной и ложью, между богатством и бедностью, между мраком и светом, кометой и планетой, бабочкой и гусеницей».

Можно сюда еще добавить: разница между социализмом и фурьеризмом аналогична разнице между мечтой и действительностью. Фурье искренно хотел создать общество комбинированное, а не раздробленное, социальное, а не антисоциальное. Но сохраняя капитал, прибыль, имущественное неравенство, классы,— он делал невозможным создание такого общества, а свою систему — неосуществимой утопией. Но утопичны были и ранние, домарксовские системы коммунизма, однако же для всех их характерен принцип уничтожения частной собственности.

Фурье не случайно яростно отстаивал принцип собственности, который он намеревался укреплять и развивать в фаланстерах. Этим его требованием вскрываются классовые корни его учения. Оно выросло в значительной мере из мироощущения мелких, самостоятельных хозяев, разоряемых конкуренцией между собой и особенно конкуренцией крупных предприятий.

Маркс считает Фурье, наряду с Сен-Симоном и Оуэном, основателем одной из систем «собственно-социалистических и коммунистических».

Оправданием такой их квалификации он считает то обстоятельство, что в критической части их «затронуты все основания существующего общества» и что идеал будущего общества у них строится на принципе отрицания частной собственности.

Он пишет: «положительная сторона их учений о будущем обществе, например уничтожение противоположности между городом и деревней, уничтожение семьи, частной собственности... все эти положения выражают лишь необходимость устранения... антагонизма классов» [1].

Но, как мы видели, ни Фурье, ни тем более Сен-Симон не затрагивают основы основ современного общества—частной собственности.

Фурье даже настаивает на необходимости развития и укрепления ее в будущем обществе кооперированных собственников.

Фурье обвиняет оуэнистов в стремлении уничтожить собственность; догмат об общности имущества он считал, по его крайнему убожеству, не заслуживающим даже опровержения.

Если бы Оуэн и его последователи могли читать «Коммунистический манифест», они могли бы ответить Фурье словами Маркса:

«Но не спорьте же с нами, оценивая уничтожение буржуазной собственности, с точки зрения ваших буржуазных понятий... Ваши идеи сами порождены буржуазными условиями производства и собственности... Когда заходит речь о буржуазной собственности, вы не хотите понять то, что кажется вам понятным, когда говорят о собственности античной или феодальной» [2].

Оуэнисты могли бы так же ответить Фурье следующими словами Энгельса о Карлейле:

«Карлейль понимает недостаточность конкуренции, спроса и предложения, служения «Маммоне» и т. д. и всего менее склонен признавать абсолютную справедливость земельной собственности. Но почему он не сделал из всех этих предпосылок простого заключения и не отверг частной собственности вообще? Каким образом думает он уничтожить «конкуренцию», «спрос и предложение», «служение Маммоне» и т. д., раз существует корень всего этого — частная собственность? «Организация труда» тут не поможет; без известного тождества интересов она даже не может быть осуществлена» [3].

«Простого» вывода об отмене частной собственности не сделал и Фурье.

Указание «Коммунистического манифеста» на то, что Сен-Симон и Фурье являются выразителями интересов главным образом рабочего класса — неверное, как мы уже видели, по отношению к Сен-Симону, — применимо к Фурье только с очень большими оговорками.

---

[1] «Коммунистический манифест», 1923, с. 93.
[2] Там же, с. 77—78.
[3] Разрядка моя. — *С. Щ.*

Он конструировал свои фаланги, базируясь по преимуществу на сельскохозяйственном производстве.

«Фабрики, — по его мнению, — нужны только для трех видов ассоциации... Они должны только приходить на смену сельскохозяйственным работам, которые являются главным источником соревнований и интриг».

Это положение не вяжется с преобладанием интересов рабочего класса в системе Фурье, не говоря уже о том, что требование сохранения собственности в руках отдельных членов ассоциации есть классически мелкобуржуазное требование.

В этом смысле ближе к истине Энгельс, полагающий, что фурьеризм лишь «косвенно обязан своим происхождением» современному движению рабочих.

Отношение пролетариата к собственности и ее святости Энгельс в одной из своих работ формулирует так:

«Очень красиво звучит и очень приятно для слуха буржуазии, когда говорят о «святости собственности». Но для того, кто ее не имеет, само собой не существует и святости собственности» [1].

Кооперацию и взаимопомощь проповедывал например также и Прудон. Однако же в «Коммунистическом манифесте» он зачислен в разряд буржуазных социалистов, простых благотворителей, гуманных людей, «крохотных рефоматоров», именно за то, что он сохранял основы буржуазных отношений производства.

Разумеется в критике капиталистического общества Фурье шел значительно дальше Прудона, брал глубже его. Многие из его положений вошли составной частью в теорию научного социализма. Но в отношении к собственности Прудон и Фурье имели во многом общие взгляды.

Дело было в XIX столетии. А по словам самого Маркса, «в XIX столетии, когда речь идет об уничтожении буржуазных имущественных отношений, вопрос о собственности стал вопросом жизни для пролетариата».

Фурье же, и тем паче Сен-Симон, решают этот вопрос, в основном, в духе XVII и XVIII столетий, «когда речь шла об уничтожении феодальных имущественных отношений» (Маркс).

Многие из требований Фурье, если не все, совместимы с режимом капитализма в развитой его стадии и не предполагают обязательного социалистического переворота. Таково например его положение о привлечении рабочих в качестве совладельцев предприятий, обладателей его акций и участников в прибылях. Эту меру в наше

[1] Энгельс Ф., Положение рабочего класса в Англии в 1844 г., 1928, с. 158.

время практически осуществляют передовые капиталистические предприятия в Европе и Америке.

Производительность труда рабочих, действительно, повышается, возрастает степень их заинтересованности в успехе дела, поднимается их инициативность, изобретательность, энергия. Но вся эта масса вновь пробуждаемых и мобилизуемых творческих сил и трудового напряжения трансформируется в элементы капитализма, не только не низвергая его, а наоборот, укрепляя его мощь, придавая ему небывалый размах.

И с экономией рабочих дело обстоит как-раз по Фурье. Пролетарии, действительно, экономят, работают в дни отдыха, втягивают в труд детей, копят капитал. И даже попадают в «ареопаги». Удается это одному из сотен тысяч, но ведь неравенство есть основное условие процветания Гармонии.

Те, кому удалось пролезть в ареопаги капитализма, опять-таки усиленно служат укреплению режима капитализма не хуже, а подчас и лучше самих капиталистов.

Не даром проф. Шарль Жид пишет о Фурье: «Среди всех проведенных в жизнь реформ, предложенных тем или иным экономистом или социалистом, наибольшее число принадлежит именно Фурье» [1].

Не лишена интереса оценка «социализма» Фурье, даваемая тем же Ш. Жидом:

«Если читатели найдут, что он социалист (а я вовсе не хочу отнимать у него этот титул, — это значило бы умалить его значение), то все же они убедятся, что не было социалиста либеральнее и что его доктрины в корне отличаются от школы коммунистической» [2].

Либеральный профессор прав.

Проф. Исаев также находит, что требования Фурье совместимы с основами современного капиталистического хозяйства [3].

Но скажут: к тому времени, когда Белинский воспринимал идеи Сен-Симона и Фурье, они уже пропагандировались не ими самими, а их учениками. Тем хуже. Почему хуже — ответ дает нам опять-таки «Коммунистический манифест». Если основатели этих систем могли выступать для своего времени как революционеры, то «их ученики образуют всегда реакционные секты».

В чем состоит их реакционность и почему учение из революционного становится реакционным? В том и потому, что ученики

---

[1] Избранные сочинения Ш. Фурье, предисловие.

[2] Там же.

[3] Исаев А. А., проф. Место Фурье в хозяйственной науке, «Юрид. вестник», 1888 г., № 5—6.

«неизменно держатся образа мыслей своих учителей, игнорируя весь дальнейший ход развития пролетариата».

Развивающаяся борьба классов, обнажающая их непримиримо-противоречивые интересы, лишает эти утопические системы того значения, которое они имели в пору, когда буржуазия и пролетариат еще не выступили как непримиримые враги.

«Значение критически-утопического социализма и коммунизма,— пишет Маркс, — стоит в обратном отношении к историческому развитию. В той же самой мере, в какой развивается и принимает более определенный характер борьба классов, лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания это фантастическое стремление возвыситься над нею, это фанатически отрицательное к ней отношение» [1].

Маркс разумеется хочет сказать, что эти учения теряют всякий теоретический и практический смысл для пролетариата и его идеологов. Другие же классы и их идеологи, например мелкобуржуазные интеллигенты, усиленно цепляются за этот социализм именно потому, что в нем затушевана классовая борьба. Мелкобуржуазной интеллигенции кажется, что ее класс стоит выше классовой борьбы, тогда как на деле в нем, как в промежуточном, лишь притупляются противоречия полярно противоположных классов.

Учения, которые выражают лишь вчерашний день, лишь пройденную ступень для пролетариата, еще полны живого, злободневного интереса для мелкой буржуазии. Причем теории эти служат уже орудием борьбы против пролетариата. Постепенно, в ходе борьбы, ученики «переходят в категорию... реакционных социалистов, отличаясь от них только более систематическим педантизмом и фанатическою верою в чудесные свойства своей социальной науки» [2].

А Белинский быстро разуверился в этих чудесных свойствах. Педантом он никогда не был, а был, наоборот, величайшим врагом педантизма и преследовал, травил, осмеивал его где и как мог.

У него мы даже находим замечательную характеристику этого сорта людей, чрезвычайно близкую к марксовой. Вот она:

«Многим из них (исключения редки) стоит сочинить свою, а всего чаще вычитать готовую теорию или фантазию о чем бы то ни было, — и они уже твердо решаются видеть оправдание этой теории, или этой фантазии, в самой действительности, — и чем более действительность противоречит их любимой мечте, тем упрямее убеждены они в ее безусловном тождестве с действительностью. Отсюда

---

[1] «Коммунистический манифест», 1928.
[2] Там же.

игра словами, которые принимаются за дела, игра в понятия, которые считаются фактами» [1].

Белинский же хотел дела, практического вмешательства в общественную жизнь, чтобы ее изменить, переделать. Для этого надо было знать ее и опираться в борьбе с ней на нее самое.

«Важность теоретических вопросов,—провозглашает он,—зависит от их отношения к действительности» [2].

По поводу аналогичных реформаторских проектов во Франции В. Засулич писала:

«Сильно поредевшие во второй половине 30-х гг. остатки революционной интеллигенции сгруппировались в различные оттенки демократического направления, пытавшиеся лечить расшатанный республиканский идеал различными паллиативными средствами: придумыванием таких мер против богачей, которые привели бы к имущественному равенству при сохранении частной собственности» [3].

Проекты буржуазной интеллигенции были попросту демократическими и реформистскими, а вовсе не социалистическими.

Нет никаких оснований полагать, что в кружке петрашевцев Белинский мог проникнуться социалистическим мировоззрением.

П. Н. Сакулин, оспаривая утверждения Пыпина, что Белинский никогда не был близок к социализму, заключает: «факты уполномачивают нас на более решительный вывод». Сколь решительны выводы П. Н. Сакулина, мы уже видели. Их решительность прямо пропорциональна путанице понятий у него. Но на факты П. Н. Сакулин ссылается напрасно: они «уполномачивают» на совершенно противоположный вывод.

Сам Белинский учитывал возможность такого обращения с фактами, какое обнаруживает проф. Сакулин. Вот что пишет Белинский в статье о книге Маркевича: «Историк... должен прежде всего возвыситься до созерцания... идеи в фактах. Здесь ему предлежит... трудная задача — с честью пройти между двумя крайностями, не увлекшись ни одною из них: между опасностью затеряться, запутаться в многосложности событий и за их частностью потерять из виду диалектическую связь между собою... и между опасностью произвольно натянуть события на какую-нибудь любимую идею, заставив их лжесвидетельствовать в пользу или односторонней, или вовсе ложной доктрины. Избежать этих крайностей самый дарови-

---

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. XII, с. 222.

[2] Там же, т. XI, с. 42.

[3] «Социал-демократ», № 1, 1890 г. Цит. по кн. Засулич В., Революционеры из буржуазной среды, с. 27—28.

тый историк может только при помощи... современного философского образования» [1].

П. Н. Сакулин впал в обе беды: он затерялся, запутался «в многосложности событий», которые он взялся разбирать; эти запутанные события он «натянул» совершенно произвольно «на любимую им идею, заставив их лжесвидетельствовать» в пользу своей и односторонней и ложной «доктрины». Не трудно видеть, что обе ошибки тесно связаны одна с другой. Но первородным грехом его является первая ошибка: смешение событий, путаница понятий. Из нее вытекает второй, производный, грех: видеть «идею» независимо от фактов и вопреки им. Она же, все та же путаница понятий, позволяет факты натягивать на идею. Отчего проф. Сакулин не избежал «этих крайностей»? Ответ ясен. Он дан Белинским: оттого, что у П. Н. Сакулина совсем нет «современного философского образования».

IV

Понять зарождение и развитие определенной общественной идеи можно только из анализа конкретных исторических условий. Идеология есть отражение в сознании людей реального положения общественных классов в их взаимоотношениях. Точно так же развитие общественного сознания отдельной личности может быть об'яснено только из процесса общественного развития. В наше время это стало уже трюизмом, надоевшей истиной.

Возможно ли установить такую зависимость индивидуального сознания от общественных условий по отношению к Белинскому? Конечно да. Как бы ни был велик ум человека, пусть он будет гений, он — сын своего времени и продукт общественной среды, его породившей; своими свойствами и направлением своего развития среда определяет характер сознания индивидуума и направление его развития. П. Н. Сакулин и на этот счет придерживается другого мнения: «когда речь идет о такой тонкой материи как идеология, наш социологический детерминизм нередко ударяется о творческое своеволие индивидуальности, о тот своего рода хаос, который иногда характеризует «общественную психологию» [2].

Что значит «творческое своеволие индивидуальности»? Это может значить только одно: что «индивидуальность» нередко плюет с высокого дерева на этот самый «социологический детерминизм». Но ведь таким образом детерминизм этот сводится на-нет, в лучшем случае обрекается на роль молчаливого свидетеля своевольных под-

---

[1] Сборник «Венок Белинскому», с. 36.

[2] Сакулин П. Н., Русская литература и социализм, с. 10.

вигов «творческой индивидуальности». Опять-таки одно из двух: либо поступки индивидуальности причинно обусловлены развитием общества — и тогда нет места личному произволу, либо «индивидуальность» диктует свою волю окружающим условиям — но тогда нет никакого «социологического детерминизма». Соединять же два эти непримиримо противоречивые начала в кроткую гармонию, это — эклектизм самой наивной, примитивной формации. Эклектизм тут, как и везде, свидетельствует о бессилии мысли найти разрешение противоречий. Причем даже эта бледная немочь мысли отнюдь не есть проявление «своеволия творческой индивидуальности», а есть форма сознания определенных общественных классов в определенных условиях их существования.

Вот Белинский, о котором П. Н. Сакулин берется писать, понимал, что на «своеволии» личности в истории далеко не уедешь. «Читая иную историю, — писал он, — чуждую всяких вымыслов и наполненную самыми верными фактами, думаешь, что читаешь плохую сказку, где все делается не по законам разумной необходимости, а по щучьему велению, по моему прошению» [1]. Не в бровь, а прямо в глаз всем «творческим индивидуальностям». Именно это «думаешь», когда читаешь «историю» Сакулиных.

Против таких концепций Белинский выступал не раз, а много раз — и очень решительно. Вот, например, в знаменитой статье о Бородинской годовщине Белинский, восставая против об'яснения происхождения царской власти по рецепту тогдашних Сакулиных, писал: «Для поверхностного взгляда абстрактных голов, в глазах которых идеи и явления не заключают в самих себе своей причины и необходимости, но вырастают, как грибы после дождя, не только без почвы и корней, а на воздухе, — для таких голов нет ничего проще и удовлетворительнее такого об'яснения; но для людей, духовному ясновидению которых открыта глубина и внутренняя сущность вещей, не может быть ничего нелепее, смешнее и бессмысленнее... Коренные постановления не бывают законом, изреченным от человека, но являются так сказать довременно и только выговариваются и сознаются человеком» [2].

Белинский, воюя с беспардонными эклектиками своего времени, прямо заявлял: «Дело сознающего разума — сознавать действительность, а не творить ее» [3]. Так старательно вдалбливает Белинский мысль, что «не своеволием» управляется мир, а строгой, в нем самом заложенной, закономерностью развития. Любителям эклектической

[1] Сборник «Венок Белинскому», с. 36.
[2] Белинский В. Г., Собр. соч., т. III, с. 216—217.
[3] Там же, с. 209.

похлебки эти уроки не пошли впрок, несмотря на то, что критика Белинского была очень «толковитою».

«Творческие личности» — не более как новое издание «критически мыслящих личностей», которые имели важную историческую миссию — перевернуть мир, вопреки ему, наперекор стихиям. Оные личности опирались в своей уверенности на казавшееся им незыблемым положение, что «мнение правит миром». Но они, по крайней мере, не козыряли «социологическим детерминизмом» так настойчиво, как это делают иные люди ныне. Они были непоколебимо убеждены во всемогуществе «мнения». А по эклектическому «мнению» проф. Сакулина — творческие индивидуальности, — критические личности то-ж, — лишь «нередко» действуют в обход и вопреки законам, управляющим жизнью.

Микель Анджело сказал однажды: «Моя наука породит много невежд». К Белинскому с полным правом можно отнести этот афоризм. Эклектизм он считал смертельным грехом мысли и о нем судил строго и беспощадно. Он находил, «что теперь уже не нужно об'яснять, что эклектизм есть не философия, а чистое прямое отрицание философии и что эклектический философ есть то же самое, что холодный огонь или огненный холод, и что основание эклектизма, как учения мертвого и неорганического, составляет мыслекрадство и шарлатанство» [1].

Вот этими страшными пороками страдает «философия» иных современных ученых, взявшихся писать о Белинском. Они искажают, уродуют его взгляды. Он же считал таких людей «романтиками, хотя бы они и выдавали себя за людей с высшими взглядами» [2].

Совсем иначе рассуждал великий критик Белинский. Послушаем его.

«Ни один поэт не может быть велик от самого себя и через самого себя, ни через свои собственные страдания, ни через свое собственное блаженство: всякий великий поэт потому велик, что корни его страдания и блаженства глубоко вросли в почву общественности и истории, что он следовательно есть орган и представитель общества, времени, человечества. Только маленькие поэты [3] и счастливы и несчастливы от себя и через себя; но зато только они сами и слушают свои птичьи песни, которых не хочет знать ни об-

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. IX, с. 213—214. (Разрядка моя. — *С. Щ.*).
[2] Там же, т. VII, с. 24.
[3] И не одни поэты, добавим от себя, а и критики и историки. — *С. Щ.*

щество, ни человечество» [1]. Слышите, творческие личности? Вам следует хорошенько намотать это себе на ус.

Белинский продолжает: «Чтоб разгадать загадку мрачной поэзии такого необ'ятно колоссального поэта, как Байрон, должно сперва разгадать тайну эпохи, им выраженной, а для этого должно факелом истории осветить исторический лабиринт событий, по которому шло человечество... И должно определить философски градус широты и долготы того места пути, на котором застал поэт человечество в его историческом движении. Без того все ссылки на события, весь анализ нравов и отношений общества к поэту и поэта к обществу и к самому себе — ровно ничего не об'яснят».

Это куда поглубже и поумнее философии иных своевольных личностей. Нам остается теперь определить «философски» то место пути, на котором застал человечество в его историческом движении сам Белинский. Следуя его совету, будем искать здесь ключ к об'яснению возникновения и развития миросозерцания Белинского.

Он старательно вдалбливает эту мысль в сознание своих читателей, постоянно возвращается к ней, она стала одной из основных в его концепции. По поводу утверждения Кукольника, что Ришелье гонением на аристократию подорвал французскую монархию и подготовил новейшие перевороты во Франции, Белинский пишет:

«Всякий великий исторический действователь выполняет требования духа времени, которых он есть только представитель, а не производитель, хоть он и думает осуществлять лишь свои собственные понятия о потребностях общества; потому ни о каком историческом герое, как бы велик он ни был, нельзя сказать, что он сделал не то, что должно... Историческое лицо делает только то, что необходимо, по крайней мере только необходимые из его действий производят результаты; все же принадлежащее его личному произволу, и доброе и худое, существует временно, не оставляя никаких следствий и исчезая вместе с лицом. Что за гигант такой Ришелье, что мог сделаться владыкою судеб целого народа и произвести не то, чего высшие силы хотели, а что его кардинальской эминенции было угодно. Подобное историческое созерцание и мелко, и ограниченно, и старо» [2].

Вот еще когда учение о произволе личности было и мелко, и старо, и ограниченно. Нет, положительно наука Белинского пошла не впрок господам запоздалым народникам!

Какова та общественная среда, в которой коренится мировоззрение Белинского и свойствами которой об'ясняются в последнем счете типические черты его общественных взглядов и их эволюции? Такой

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. VII, с. 61.
[2] Там же, т. VI, с. 335—336.

социальной средой была тогдашняя русская интеллигенция. В ее общественном бытии надлежит искать ответов на вопросы, откуда родились тогдашние социальные учения в России и почему эти учения были такими, а не иными. Теперь нужно сделать две оговорки. Во-первых, бытие самой интеллигенции определялось положением русского хозяйства и обусловленным им положением общественных классов; стало быть последние причины надо открывать здесь, в положении хозяйства. Во-вторых, сама интеллигенция не была единой и представляла собой конгломерат идеологов различных классов.

Проф. Сакулин и тут прекословит. Он не согласен с тем, что общественные идеи можно приурочить к быту определенных общественных слоев, к их положению среди других классов. «Социально-экономические условия эпохи об'ективно многое об'ясняют в истории идеологии, но не предопределяют всецело суб'ективного сознания каждой личности. Много значит тут совокупность психических и идейных переживаний» [1].

Стало быть, по мнению П. Н. Сакулина, «совокупность психологических и идейных переживаний» ускользает от действия «социально-экономических условий». Но ведь именно из психических и идейных переживаний складывается идеология; даже больше: «совокупность идейных переживаний» это и есть идеология. Но раз эта совокупность независима от социально-экономических условий, то это ничего другого не может означать, как то, что и идеология независима от них. Что же тогда об'ясняют общественные условия и истории идеологии, если они не об'ясняют ни психических, ни идейных переживаний? Вот до чего доводит иных исследователей их «суб'ективное сознание». «Совокупность их психических и идейных переживаний» освобождает их от всяких обязательств считаться с логикой.

При особом мнении остается проф. Сакулин и по вопросу о распадении интеллигенции на различные течения, в зависимости от того, интересы какого класса она представляет, отражает, формулирует в законченную идеологию. Это особое мнение проф. Сакулина по обыкновению эклектично. Построено оно по печально знаменитому рецепту: с одной стороны, нельзя не сознаться, а с другой — не признаться. Вот какой вид принимает эта сакраментальная формула под рукой проф. Сакулина, применительно к данному случаю: «Строго говоря, каждый класс может иметь и имеет свою интеллигенцию, и интеллигенция эта, единая по своему классовому происхождению, может распадаться на ряд подгрупп. В живом процессе культурной жизни между отдельными группами и подгруппами

---

[1] Сакулин П. Н., Русская литература и социализм, с. 85.

интеллигенции происходит непрерывное общение и следовательно взаимодействие». Конечно, справедливо, что каждый класс имеет свою интеллигенцию. Но, если интеллигенция едина по своему классовому происхождению, то отчего же бы ей ни с того, ни с сего распадаться на «ряд подгрупп»? Это понятно, если класс, ее породивший, сам распадается на подгруппы. Но тогда, «строго говоря», и интеллигенция не будет «единой по своему классовому происхождению». Если же класс един и монолитен, нет причин его интеллигенции, его идеологам распадаться. Если же она, несмотря на единство класса, распадается, а именно это утверждает проф. Сакулин, то выходит, что вовсе не обязательно, чтобы каждый класс имел свою собственную интеллигенцию, т. е. опрокидывается то самое положение, которое выставляет П. Н. Сакулин вначале. Автору как будто именно это и требовалось доказать. Он продолжает свои рассуждения: «Есть и так называемая свободная интеллигенция, которая отдает свой труд... господствующему классу. Наконец, позволительно говорить о высшей интеллигенции, которая держится независимо по отношению к господствующему классу и является создательницей высших форм духовного творчества в разных областях жизни» [1].

Что бывает интеллигенция, которая держится независимо по отношению к господствующему классу, — это бесспорно. Но автор осторожно обходит молчанием вопрос, держится ли эта высшая интеллигенция зависимо по отношению к какому-либо негосподствующему классу или она свободна от всякой классовой зависимости и сама по себе плавает в жизненном море без руля и без ветрил? Вот Иванов-Разумник, тот — храбрее. Он прямо заявляет в своей «Истории русской общественной мысли», что интеллигенция — группа внеклассовая и внесословная.

И почему позволительно присвоить этой независимой интеллигенции титул высшей? На этот последний вопрос П. Н. Сакулин дает такой ответ: «Можно говорить об идеологиях, обнимающих ближайшие интересы того или другого класса. Сверх того существовали идеологии высшего порядка, стремившиеся дать широкое, культурно-философское решение основных проблем русской жизни» [2].

Стало быть позволительно думать, что высшая интеллигенция это та, которая создает идеологию высшего порядка. Нет, это было бы чересчур просто. Наш автор подходит к делу гораздо глубже и серьезнее. Как мы видели, «высшая» интеллигенция независима от

---

[1] Сакулин П. Н., Русская литература и социализм, с. 84. (Разрядка везде П. Н. Сакулина).

[2] Там же, с. 84.

господствующего класса. А вот идеология «высшего порядка» — та эту привилегию имеет не всегда. Вот что думает об этом П. Н. Сакулин: «К сороковым годам в этой высшей сфере русской умственной жизни четко обозначились три главных течения: идеология официальной народности, славянофильство и западничество. Первая идеология... имела своих высокообразованных представителей и разделялась, с разной степенью сознательности, дворянством, чиновничеством и обывателями. Ее адепты были особенно многочисленны» [1].

Идеология официальной народности была идеологией господствующего класса, теоретическим выражением его материальных интересов. Что вместе с дворянством она разделялась также и обывателями, — это ровно ничего не меняет в существе дела. Давно известно, что господствующий класс навязывает свою идеологию «обывателям», а чиновников подбирает себе таких, которые бы годились для этой операции. Об этом мы знаем от Щедрина, большого знатока чиновничьего мира. Исправники «пресекали и не допускали». Министры «выслушивали доклады о недопущении и пресечении».

Последуем снова за автором. «Распределяя высшую русскую интеллигенцию, — пишет он, — по указанным трем... рубрикам...» Позвольте! Но вед высшая интеллигенция — это та самая, которая держится независимо по отношению к господствующим классам, в чем нас уверял сам автор. А теперь оказывается, что и идеологи официальной народности относятся тоже к этой группе. Или П. Н. Сакулин полагает, что ни официальная народность, ни славянофильство, ни западничество не были идеологией господствующего класса? Но других идеологий тогда не существовало. Стало быть господствующий класс обходился без своей идеологии? О, мудрый Эдип, разреши! «Отдельные лица,—продолжает свои исследования автор,— могут проявлять резкое индивидуальное своеобразие». Об этом мы уже слышали. Можно понять горькую жалобу Пушкина: «И тяжки словеса пустые!...»

Нет, ничего нельзя уяснить себе из своевольных писаний этих личностей. Попробуем разобраться в деле без их помощи.

Мы уже говорили, что положение самой интеллигенции обусловливалось положением общественного хозяйства и взаимоотношением классов. Остановимся на этом несколько подробнее. Какой факт, какой процесс являлся решающим для хозяйства России в первой половине XIX столетия? Таким процессом, определяющим собой взаимоотношения классов и их идеологию, был рост капитализма в Рос-

[1] Сакулин П. Н., Русская литература и социализм, с. 84.

сии. Ограничимся немногими данными для иллюстрации этого положения. Рост капитализма прежде всего выражался в росте денежного хозяйства. Натуральное хозяйство помещиков все более и более втягивалось в товарно-денежный оборот, выходило из рамок национального государства на арену мирового рынка. И не одно только помещичье хозяйство: большая часть населения подпадает под власть рыночных отношений, для рынка производит, через него удовлетворяет свои потребности. На мировой рынок Россия прорвалась прежде всего как поставщик хлеба и земледельческих продуктов вообще, в которых нуждалась Западная Европа с ее быстро росшей промышленностью.

В начале XIX в. было вывезено хлеба на сумму 75 млн. руб., а к середине века ценность вывоза уже равнялась 230 млн. Превращение натурального помещичьего хозяйства в денежное и усиленный вывоз хлеба побуждали помещиков к усиленному его производству, к интенсификации хозяйства. Интенсификация эта при наличии крепостного права была возможна только за счет нажима на крепостного крестьянина, принуждения его к усиленному труду, увеличения его эксплоатации. Но подневольный барщинный труд не мог дать больше того, что в состоянии дать рабски скованный труд вообще; он был малопроизводителен. Между тем рост потребностей с ростом денежных отношений, все увеличивавшаяся власть рынка, подстегивали в направлении развития производительности труда. В этой хозяйственной обстановке возникли мысли дворянства «освободить» крестьян. Освобождение крестьян становилось хозяйственной необходимостью для самих помещиков.

На крепостное право напирал капитализм с другого своего фланга — со стороны потребностей бурно развивавшейся промышленности. Приведем несколько наиболее характерных цифр. В 1925 г. в России было 170 металлургических фабрик и заводов. Число рабочих на них равнялось 22,5 тыс. Продукция — 49 тыс. тонн (3 миллиона пудов). В 1850 г. число металлургических фабрик и заводов достигло цифры 299 с 88,5 тыс. рабочих и с производством в 15 млн. пуд. За 25 лет число рабочих увеличилось вчетверо, а продукция — впятеро. Тот же, примерно, темп роста наблюдался в текстильной промышленности. В 1843 г. в России считалось 40 прядильных фабрик с 350 000 веретен, а через 10 лет, в 1853 г., число веретен равнялось уже 1 000 000.

М. Н. Покровский, из книги которого — «Очерки по истории революционного движения в России» — мы заимствуем эти данные, следующим образом оценивает темп развития промышленности при Николае I: «В течение николаевского царствования наша крупная

8*

промышленность развивалась так бурно, как она второй раз двинулась вперед только в так называемую «эпоху Витте», в 90-х гг. XIX в. [1].

Но свободное, беспрепятственное развитие промышленности упиралось в «рабочий вопрос». Для промышленности нужны были свободно продающиеся на рынке рабочие руки. Но на тогдашнем русском рынке много было всякого товара, не было только одного: свободно продающейся рабочей силы; она была привязана к помещичьей усадьбе. Правда помещики сами заводили фабрики и обслуживали их крепостным трудом своих крестьян, но тут они наталкивались на ту же проблему, что и в области сельского хозяйства: подневольный труд был непроизводителен; он не давал столько продукта, сколько его мог поглотить возраставший рынок и стало быть не приносил хозяину всей прибыли, на которую он зарился. Мужика надо было обязательно освободить. Иначе обогащение становилось невозможным. Таким образом, развитие и деревенского сельского хозяйства, и промышленности — весь хозяйственный процесс в целом — уперся в плотину крепостного права. Мужик и его раскрепощение стали центральной проблемой, вокруг которой вращалось все. Именно эта экономическая сила вытолкнула мужика на первый план и «наводнила» им литературу, на что так горько жаловались идеологи отживавшей дворянской аристократии. Ей, этой экономической силе, обязана своим возникновением и вся так называемая натуральная школа вместе со своим главой — Гоголем, у которого выведены не мужики, а совершенно разложившиеся и непригодные к условиям нового хозяйства типичные представители поместного дворянства. Их смехотворная никчемность стала очевидной только при свете, который на них бросил развивавшийся капитализм. Все народолюбие литературы 40-х гг. имело именно эту экономическую подоплеку. Весь переплет идейных течений обусловливается и об'ясняется борьбой экономических сил и представлявших их классов.

«Западники», главой и пророком которых стал Белинский, отстаивали развитие капитализма, движение вперед, они стояли за разрушение крепостнического строя. Славянофилы проповедывали «спасительную неподвижность», спасительную для определенного слоя помещиков, которым развитие капиталистического хозяйства грозило разорением. Сторонники официальной народности теоретически обосновывали необходимость «пресечения и недопущения».

Но крот истории, крот капитализма, рыл хорошо пока еще только в глубине, под почвой общественных отношений. На поверх-

---

[1] Покровский М. Н., Очерки по истории революционного движения в России, с. 36.

ности все оставалось спокойным, незыблемым, как прежде. Не видно было силы, способной осуществить надежды, смутно пробуждавшиеся подземными процессами в недрах хозяйства. Поэтому мысль всех слоев, заинтересованных в разрушении старого мира, жадно обращалась туда, где подземные силы, разорвав сжимавшую их оболочку, бушевали, низвергая и разрушая старое. Этой обетованной землей была Западная Европа, прежде всего Франция.

По свидетельству Салтыкова-Щедрина, «оттуда лилась на нас вера в человечество, оттуда воссияла нам уверенность, что «золотой век» находится не позади, а впереди нас... Словом сказать, все доброе, все желанное и любвеобильное шло оттуда... Франция, Париж... Не только для меня лично, но и для всех нас, сверстников, в этих двух словах заключалось нечто лучезарное, светоносное, что согревало нашу жизнь и в известном смысле даже определяло ее содержание» [1].

Генрих Гейне писал о Германии эпохи Французской революции: «Вся Германия спала тогда свинцовым сном, и только в ее литературном мире замечалось самое усиленное кипение... Когда в Париже волновалось море революции, ему вторила буря в сердцах немецких писателей» [2].

Эта характеристика с полным правом может быть отнесена и к России времен Николая I. Так же, как и Германия, Россия спала свинцовым сном. То же усиленное кипение было в русской литературе и так же волнению революционного моря во Франции вторила буря в сердцах русских писателей. Сильнее всего буря бушевала конечно в сердце «неистового Виссариона». В Германии бури в сердцах писателей ко времени Николая I несколько поутихли, но зато появилось на свет величественное здание гегелевской системы. Говоря словами того же Гейне о Спинозе, — философия Гегеля — это «лес мыслей, высоких, как небеса, цветущие вершины которых колышутся, словно волны, между тем как непоколебимые стволы их внедряют корни в вечную землю [3].

Если мы припомним темп развития капитализма у нас при Николае I, то мы поймем причину увлечения Гегелем в Германии и у нас, увлечения, которое Энгельс изображал следующими словами: «Это было триумфальное шествие, тянувшееся целые десятилетия и отнюдь не прекратившееся со смертью Гегеля. Наоборот, как раз в период от 1830 г. до 1848 «гегельянство» господствовало безраздельно... Именно в это время гегелевские воззрения сознательно или

[1] Салтыков-Щедрин М. Е., Собр. соч., т. VIII, изд. А. Ф. Маркса, с. 122.
[2] Heine Heinrich, Uebe, Deutschland.
[3] Его же, К истории религии и философии Германии.

бессознательно в изобилии проникли в самые разнородные науки и пропитали собой как популярную литературу, так и ежедневную прессу, из которой обыкновенный «образованный человек» заимствует свои мысли». В России Гегель был, по удачному выражению Плеханова, таким же самодержавным императором в области мысли, как Николай I в политике.

Герцен писал об этом времени: «Все ничтожнейшие брошюры, выходившие в Берлине и в других губернских и уездных городах немецкой философии, где только упоминалось о Гегеле, выписывались, зачитывались до дыр, до выпадения листов, в несколько дней. Повальной болезнью гегельянства обеспокоены были наконец правящие сферы. Митрополит Филарет поручил знаменитому проф. Голубинскому писать опровержение Гегеля».

В чем причина увлечения Гегелем и в России и в Германии? Причина эта в том, что «вечная земля», в которую, по выражению Гейне, внедряла свои корни философия, представляла и в России и в Германии землю рождавшегося капитализма. А философия Гегеля сама была обобщением опыта Французской революции, о которой Гегель говорил: «это был величественный восход солнца». По известному положению Гегеля, философия есть умственное выражение своего времени. А его время было временем рождения буржуазного общества в одних странах, как Россия и Германия, и торжества его в других, как было, например, во Франции. В целом философия Гегеля есть философия развившегося буржуазного общества.

«Подобно тому, — пишет об этом Энгельс, — как все устойчивые, старинные учреждения были разрушены буржуазией, благодаря созданной ей крупной промышленности, конкуренции, и мировому рынку, так и диалектическая философия разрушает все представления о конечной, абсолютной истине и соответствующей ей окончательной форме человеческого общества. Для нее нет ничего абсолютного, конечного, святого; она указывает на всеобщее непостоянство и признает только непрерывный процесс созидания и разрушения, бесконечный переход от низшего к высшему; и сама она является только отражением этого процесса в человеческом разуме» [1].

В концепции исторического процесса Гегеля разуму, т. е. самой мыслящей интеллигенции, была отведена главная, руководящая роль. Она была провозглашена демиургом действительности. Именно это обстоятельство очень сильно облегчало тогдашней интеллигенции усвоение философии Гегеля.

---

[1] Энгельс Ф., Людвиг Фейербах.

Увлечение Гегелем было всеобщим у нас. Как удостоверяет уже цитированный нами Салтыков-Щедрин, большинство западников «занималось популяризацией положений немецкой философии». Это-то большинство и было «единственно авторитетно тогда в литературе». Его вождем и признанным главой был Белинский. Он был сам яростным гегельянцем. Он бесстрашно додумывал до конца все выводы, которые вытекали из философии Гегеля. Он принял даже реакционный вывод из этой революционной философии, — вывод, сделанный самим Гегелем, — знаменитое положение о примирении с действительностью. Чернышевский потом писал об этом: «На некоторое время гениальная диалектика Гегеля ослепила всех, так что выводы, противоречившие принципам, принимались ради этих принципов, будто необходимое их следствие» [1]. В России философия Гегеля играла ту же роль, что и в Германии. «Философия Гегеля, — писал Гервинус, — собрала вокруг него всю ревностную молодежь, которой требовалось спасительное убежище от безотрадной общественной жизни» [2].

Но западники были не едины по своему классовому составу. Под сенью общего имени в этом лагере об'единились идеологи различных классов и групп. Соединяла их общая заинтересованность в развитии капиталистических отношений, в низвержении ставшего им ненавистным крепостного права и самодержавного произвола. Противоречия в стане самих западников сковывались наличием общего врага — крепостнической реакции. Тут были идеологи буржуазии — каким показал себя впоследствии Боткин. Были тут и представители обуржуазившегося дворянства, как Кавелин, Тургенев, позднее Чичерин. С известными оговорками сюда же могут быть отнесены Герцен и Огарев. Расхождение определилось только после реформ Александра II, открывших отдушину для обогащения буржуазии. Блок западников рассыпался, как только удовлетворены были интересы части входивших в него классов, именно буржуазия и буржуазного дворянства.

Но для раннего периода, для 30-х и 40-х гг., характерны именно недиференцированность в составе западников, наличие общих и потому неизбежно туманных идеалов, имевших лишь один свойственный всем группам пункт: свержение крепостного права. Дальнейшее каждый входивший в блок класс представлял себе по-своему, сообразно своим интересам. Эта недиференцированность приводила к тому, что противоречия мирно уживались в общем идейном лоне.

---

[1] Чернышевский Н. Г., Собр. соч., т. IV, с. 263.
[2] Цит. по кн. Пыпина, Характеристика литературных мнений, с. 431.

Этим можно об'яснить и тот факт, что Белинский поддерживал больше всех дружбу с Боткиным, дружбу, более интимную и тесную, чем с другими. А уж на что Белинский был ортодоксальным и непримиримым западником. «Я — жид по натуре и за одним столом с филистимлянами есть не могу», — говорил он о себе по поводу попыток части западников сблизиться с славянофилами. В блок входила еще одна сила. Это была мелкобуржуазная, разночинная интеллигенция. Тонкая ее прослойка была в обществе и раньше, но не играла в нем сколько-нибудь значительной роли. Без опоры в экономике, разрозненная, изолированная, она подчас была обречена на жалкое положение. Белинский о ней отзывался с резким неодобрением: «Это сословие наиболее обмануло надежды Петра Великого: грамоте оно всегда училось на железные гроши, свою русскую смышленость и сметливость обратило на предосудительное ремесло — толковать указы; выучившись кланяться и подходить к ручке дам, не разучилось своими благородными руками исполнять неблагородные экзекуции».

Появление Белинского знаменовало начало новой эры в истории разночинной интеллигенции и предвосхищало ее будущую роль.

Своим возникновением эта общественная группа обязана была также развитию капитализма. Рекрутировалась она из различных слоев. Капитализм развивался неровно, порывисто. Он шутил иногда злые шутки. Втянув в свою орбиту помещичье хозяйство высокими ценами на хлеб на мировом рынке, заманив их, превратив их хозяйство из натурального в денежное, он вдруг обдавал их ушатом холодной воды в форме резкого падения хлебных цен. Это вело к задолженности хозяйства и его разорению. Именно колебанием хлебных цен об'ясняются колебания дворянства в вопросе об освобождении крестьян. Понятно, что аграрный кризис пускал по миру прежде всего мелких помещиков, не могших вынести конкуренции с крупными хозяйствами. Сыновья этих разорявшихся мелких землевладельцев толпами устремлялись в города, в надежде найти там избавление от бед. Они начали заполнять собой учебные заведения, чиновничьи места, канцелярии учреждений, учительские вакансии и т. д. Они прежде других слоев давали кадры для трудовой служилой интеллигенции.

Но поскольку обмен начал вторгаться в обиход всей массы населения, постольку конкуренция вышибала из колеи самостоятельного производства не только помещичьи хозяйства, но и более мелких производителей — ремесленников, кустарей, мелких лавочников и т. д.

Материальное и правовое положение этой интеллигенции было бедственное. Бакунин, сам происходивший из богатой дворянской среды, не знавшей бедности, с презрением говорит, что эти «несколько молодых людей, большей частью из кадетских учителей и гвардейских офицеров[1], надорванных и недоученных, увлекались идеями фурьеризма не так из живого сердца, как из тупо неопределенной фантазии к чему-то, а главное — к выходу из своего бедного положения, которым все очень были недовольны»[2].

Жалобы на свое бедственное положение слышим мы не только из уст посторонних свидетелей, но и от самой этой интеллигенции. Так учитель Белецкий пишет петрашевцу Кузьмину: «Тяжело носить бремя учительское, пренебрегаемое обществом целой России. Педагог, работающий в казенных учебных заведениях, особенно в кадетских корпусах, есть плебей. Поступая на эту службу, он добровольно лишает себя всяких прав; без суда и расправы у него отнимается, уменьшается, увеличивается жалованье. Он каждый день должен трепетать за свое благосостояние, а апелляции нет никакой»[3].

Петрашевец Баласогло в покаянном письме своем писал, между прочим, что он «изумляется тому, как его величество, столь чадолюбивый отец своих подданных, не слышит тех ужасных, раздирающих душу стонов, которыми преисполнен весь город, в особенности в сословии бедных, притесняемых отовсюду чиновников, к которым я сам принадлежу по воле жестокой участи и нисколько не по призванию...»[4].

Помимо социально-экономического угнетения, интеллигенция испытывала на себе всю силу гнета политического. Она не только не имела прав в обществе, не только была обездолена, но она не имела даже прав бороться за свои права. Полицейский произвол самодержавия обрушивал на нее всю тяжесть своих кар за малейшие намеки на борьбу, за ничтожные попытки расширить тупик, в который она была загнана. А между тем сама интеллигенция уже начинала ощущать себя «умственной аристократией». Так назвал интеллигенцию Петрашевский в письме к Кузьмину, указывая ему, что в уездных и губернских городах, кроме купцов, есть учителя и т. д.

У самого Белинского мы встречаем тот же взгляд на интеллигенцию: «Аристократия таланта не есть аристократия общества»[5]. Наоборот, эти две аристократии уже в ту пору восставали друг про-

---

[1] Речь идет о кружке Петрашевского. — *С. Щ.*
[2] Бакунин, Письма к Герцену и Огареву, с. 165.
[3] Цит. по кн. Райского Л., Соц. воззр. петрашевцев, с. 94.
[4] Там же.
[5] Белинский В. Г., Собр. соч., т. II, с. 145.

тив друга как непримиримые враги, готовые вступить в смертельный бой. «Аристократия общества» затирала аристократию таланта, игнорировала ее. Вот какую характеристику дает Белинский миру «аристократии общества» :

«Я говорю не о «светских» людях в частности, а о «светском» обществе вообще, где умолкает ум, боясь оскорбить своим превосходством глупость, где притаивается чувство, боясь оскорбить приличие, где самый гений спешит принять на себя вид посредственности и ничтожества, чтобы не показаться смешным и странным. «Светскость» еще сходится с образованностью, которая состоит в знании всего понемножку, но никогда она не сойдется с наукою и творчеством; то и другое необходимо должно иссушиться и обмелеть, жертвуя своим временем на выполнение ее ничтожных условий, дыша несвойственною ему атмосферою» [1].

Беспощадно, с ненавистью плебея, обрушивается Белинский на претензии высшего общества с «его светскостью» сохранить за собой положение вождя и законодателя: «Литература есть средство для выражения мысли и чувства, данных нам богом, а не светскости». Обращаясь к аристократам, он говорит: «Милостивые государи, умейте садиться в кресло, будьте в гостиной, как у себя дома — все это прекрасно, все это делает вам большую честь; видя, с каким искусством садитесь вы в кресло, с какою свободой любезничаете вы в гостиной, мы готовы рукоплескать вам: но какое отношение имеет все это к литературе? Ужели уменье садиться в кресло и свободно говорить в гостиной есть патент на талант, литературный или политический? Ужели человек, умеющий непринужденно сесть в кресло и свободно пересыпать из пустого в порожнее, больше, нежели человек, робко садящийся на кончик стула, знает об искусстве, о науке, глубже симпатизирует с человечеством, тревожнее мучится вековыми вопросами о жизни, о вечности, о мире, о тайне бытия, сильнее страдает, усерднее молится, тверже верует, несомненнее надеется, пламеннее любит, благороднее и бескорыстнее действует... Публике нужны не гувернеры, которые кричали бы ей; «Tenez vous droit!», а поэты, а ученые, а литераторы, а критики, которые бы знакомили ее с высшими человеческими потребностями и наслаждениями, руководствовали бы ее на пути просвещения и эстетического, а не «светского» образования» [2].

По существу это горячий протест того слоя, от имени которого говорил Белинский, против жалкого общественного положения, в ко-

---

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. II, с. 145.
[2] Там же, с. 278—279.

тором этот слой находился. Это разночинная интеллигенция робко садится на кончик стула. Другого места ей не оставалось в обществе времен Николая I. В силе и страсти строк, написанных Белинским, чувствуется нарастание социальных конфликтов.

Личности интеллигента не было никакого хода, никакой возможности развернуть свои таланты. Интеллигенция задыхалась в душной атмосфере николаевской России. С другой стороны, ее жал и теснил нарождавшийся капитал. Он успел уже к этому времени подчинить себе даже такую область деятельности, как литература.

Литератор Дуров жаловался, что в России «дарования есть, но вся беда в том, что эти дарования в руках или, вернее сказать, в колодках у журналистов, которые смотрят на литературу, как на нефть или сало: требуют много, а платят — что заблагорассудится и то с большим неудовольствием и разного рода прижимками» [1]. Под «журналистами» тут надо понимать предпринимателей. Таким «журналистом» был и издатель «Отечественных записок» Краевский, нещадно эксплоатировавший силы Белинского, заставлявший его гений корпеть дни и ночи сплошь и рядом над рецензированием всякого хлама. Недаром Белинский писал, что тогдашний «книжный мир создан по принципу: бочка дегтю, ложка меду» [2].

Гончаров в своих воспоминаниях о Белинском старательно оспаривает утверждение, что Белинский был преждевременно сведен в могилу чрезмерным трудом и тягостными материальными обстоятельствами. По мнению Гончарова, довременная смерть постигла Белинского только вследствие «разрушительных и жгучих свойств его натуры, непрестанного брожения и горения, которых не выдержал бы и другой, не такой хрупкий сосуд» [3].

Это конечно бюрократически-барские пустяки. Гончаров не приметил слона, потому что он сам был из числа тех, кто смотрел на вещи из триумфальной колесницы капитализма.

Сам Белинский гораздо лучше понимал капиталистические порядки, господствовавшие в журнальном и издательском мире. «Теперь же, — писал он, — когда люди поддались коммерческому направлению, когда они спекулируют и религиею, и совестью, и правосудием, — теперь книгопечатание — ни больше, ни меньше как фабрикация сбыточного товара» [4].

Боткин писал как-то Белинскому, что его, Белинского, имя стало теперь известным многим и что оно стало «фактором русской

---

[1] Райский Л., Соц. воззр. петрашевцев, с. 94.
[2] Белинский В. Г., Собр. соч., т. II, с. 255.
[3] Гончаров И. А., Собр. соч., т. II, изд. А. Ф. Маркса, с. 165.
[4] Белинский В. Г., Собр. соч., т. II, с. 256.

жизни». Вот что отвечал Белинский на это: «Будь я обеспечен, как ты, и притом прикован к какому-нибудь внешнему делу, как ты, — подобно тебе я изредка делал бы набеги на журналы; но бедность развила во мне энергию бумагомарания и заставила втянуться и погрязнуть по уши в вонючей тине российской словесности. Дай мне 5 тысяч годового и беструдового дохода — и в русской жизни стало бы одним фактором меньше. Итак, видишь ли, ларчик просто открывался» [1].

Белинский был типичным интеллигентным пролетарием; бедность, нищета преследовали его всю жизнь.

Белинский и стал глашатаем народившейся мелкобуржуазной интеллигенции. Она страдала от капитализма, успевшего ущемить ее. Но гораздо больше страдала она от недоразвития капитализма. Рост капиталистического хозяйства означал рост потребности на ее — интеллигенции — рабочую силу, означал раскрепощение ее личности, простор для ее деятельности. Пока же в николаевской России она была пасынком. Белинский жаловался Боткину: «Мы сироты, дурно воспитанные, мы люди без отечества, и оттого мы хоть и хорошие люди, а все-таки ни богу свечка, ни чорту кочерга» [2]. Белинский был прав в этих жалобах. Как для пролетариата капиталистическое общество, так для интеллигенции во времена Николая I — Россия не являлась отечеством.

В производстве материальных ценностей ее труд не применялся. Бурный рост капитализма, пока-что, не улучшал быта интеллигенции. Технический персонал и даже просто квалифицированные рабочие на вновь возникавших предприятиях почти сплошь состояли из иностранцев. Чтобы выросла массовая потребность в интеллигенции, чтобы из бедного родственника она превратилась в желанного члена семьи, — для этого нужно было, чтобы капитализм стал господствующей силой, нужно было снять с него путы. Уничтожение крепостного режима и самодержавного произвола было условием освобождения интеллигенции, вопросом живота или смерти ее.

Белинский отлично понимал эту об'ективную задачу, которую надо было во что бы то ни стало решить. Именно натолкнувшись на суровую российскую действительность, которую он потом бичевал с такой беспощадностью, он повернул от утопического «социализма» к признанию преобразующей роли буржуазии. Социальные теории, идущие из Западной Европы, может быть, хороши для нее. Но там

---

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. II, с. 245, 1841 г.
[2] Письмо к Боткину, от 27 — 28/VI, 1841 г.

другая историческая обстановка. «То, что для нас, русских, еще важные вопросы, — давно уже решено в Европе, давно уже составляет там простые истины жизни, в которых никто не сомневается, о которых никто не спорит, в которых все согласны».

Там нет ни крепостного права, ни произвола помещичьего государства, там существует капитализм и гарантии для личности. Поэтому вопросы, которыми живет, над решением которых бьется Европа, должны интересовать и нас, русских. Но в то же время «перенесенные на почву нашей жизни, эти вопросы те же, да не те... В них нашего только то, что применимо к нашему положению. Все остальное только чуждо нам, и мы стали бы играть роль Дон-Кихотов, горячась из-за него... Этим мы заслужили бы скорее насмешки европейцев, нежели их уважение. У себя, в себе, вокруг себя, вот где должны мы искать и вопросов и их решения. Это направление будет плодотворно, если и не будет блестяще» [1].

К концу жизни Белинский круто повернул против социализма и социалистов. Партию их во Франции он считал «добродетельной»; по его мнению, она очень много шумит, а «в сущности бессильна и ничтожна». Социалистов он стал называть «вздраченными социалистами», «вылупившимися из навоза, которым завален задний двор гения Руссо». Восхваляя Литтре, Белинский писал, что «социальные и добродетельные ослы не в состоянии понять его» [2]. О бывшем своем кумире, Луи Блане, он выражался в эту пору совсем непочтительно: «читаю Вольтера и ежеминутно плюю в рожу дураку, ослу, скоту Луи Блану».

В своей оценке французских утопических систем он снова начинает возвращаться к тому периоду, когда они представлялись ему эфемерными и несбыточными мечтаниями.

Белинский стал вождем и знаменосцем народившейся разночинной интеллигенции. Она знала и любила его и в глуши провинциальных медвежьих углов, им жила, его чтила как опору и руководителя. Вот как свидетельствует об этом Иван Аксаков: «Много я ездил по России, — имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому, жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной жизни. Нет ни одного учителя гимназии в губернском городе, который не знал бы наизусть письма Белинского к Гоголю. В отдаленных краях России только теперь еще проникает это влияние и увеличивается число прозелитов». «Мы Белинскому обязаны спасением», — говорят мне везде

[1] Белинский В. Г., Взгляд на русскую литературу в 1846 г.
[2] Письмо к Боткину, 6/II 1847 г.

молодые честные люди в провинции. И в самом деле, в провинции вы можете видеть два класса людей: с одной стороны—взяточников, чиновников в полном смысле этого слова, жаждущих лент, крестов и чинов, помещиков, презирающих идеологов, привязанных к своему барскому достоинству и крепостному праву, вообще довольно гнусных. Вы отворачиваетесь от них, обращаетесь к другой стороне, где видите людей молодых, честных, возмущающихся злом, поборников эмансипации и всякого простора, с идеями гуманными. Если вам нужно найти человека, способного сострадать болезням и несчастьям угнетенных, честного доктора, честного следователя, который полез бы на борьбу, ищите таковых в провинции между последователями Белинского» [1].

Этих одиноких интеллигентов, разбросанных по лицу огромной страны, смутно чувствовал сам Белинский. Он лишь был наиболее яркой, даровитой, сильной фигурой среди них. Он обладал гениальной головой. По социальной же сущности он был однороден с ними и именно потому выражал и формулировал их чаяния, надежды, требования.

Взаимоотношения гения и массы опять-таки об'ясняет нам Белинский, по своему обыкновению, «толковито»:

«Гений и есть не что иное, как мысль, разум, дух и воля самой этой толпы... все, что таится в ней как смутное предчувствие, в нем является отчетливым сознанием» [2].

Такое отчетливое сознание и вырабатывал Белинский для «толпы» мелкобуржуазных интеллигентов.

Их «соединяет и подводит под общий уровень образование или по крайней мере стремление к образованию. Среднее сословие такого рода — оазис на песчаном грунте всех других сословий. Такие оазисы находятся во многих, если не во всех русских городах» [3].

Через всю деятельность Белинского красной нитью проходит стремление к насаждению просвещения, цивилизации, железных дорог. На эти последние он возлагал особенно много надежд: они должны были привести с собой западноевропейские порядки. Достоевский рассказывает, что, встретив однажды Белинского на Знаменской площади, у строившегося вокзала железной дороги, он услышал от Белинского следующую фразу: «Я часто захожу сюда взглянуть, как идет постройка. Хоть тем сердце отведу, что постою и посмотрю

---

[1] Аксаков в его письмах, т. III, с. 390.
[2] Белинский В. Г., Собр. соч., т. XII, с. 192.
[3] Там же, с. 221.

на работу: наконец-то и у нас будет хоть одна железная дорога. Вы не поверите, как эта мысль мне облегчает иногда сердце»[1].

А пока — интеллигенция мерила обществу его же мерою: «Мы на общество смотрим, как на кучу смрадного помета».

Но каждый из воздыхавших по западным порядкам классов воспринимал по-разному свет, шедший оттуда, — сквозь очки своего положения внутри страны. Буржуазия и ее идеологи увлекались революционной фразеологией только до того момента, когда были удовлетворены ее главные требования, давшие возможность обогащаться. После реформы Александра II буржуазия пошла на сделку с феодальной монархией и отошла от революционного движения. Известен пример Боткина, скатившегося от болтовни о социализме к самому крайнему мракобесию. Уже в 50-х гг. он писал: «Увы! Идеалы существуют только в легковерном воображении наивных мечтателей, которым кажется так возможным перестроить общество по придуманной ими теории, а желать возможного, подвигаться вперед, исправлять старое, делая сделки с прошедшим, завещанными веками, и вечными законами, и свойствами человеческой природы, кажется таким пошлым, «отсталым» путем»[2]. Боткин — зеркало своего класса, который в это время весь занимался сделками со старым. Теперь ему «книжонки французских социалистов» представляются «источником самым смутным и невежественным». Бедность, по его мнению, — неизбежная болезнь всякого общества. Даже либералов он аттестует «безмозглыми», «мальчишками». Журнал «Современник» представляется ему, как «вонючая лавчонка», как средоточие «нигилистически-коммунистического духа».

Еще в спорах о буржуазии, возникших в кружке Белинского, он формулировал свою точку зрения следующим образом: «Дай бог, чтобы у нас была буржуазия»! Впоследствии Струве, провозгласивший: «Пойдем на выучку к капитализму!» вычитав ранее его провозглашенный лозунг Боткина, с приятным удивлением констатировал, что своим афоризмом он совершал плагиат у Боткина. К концу жизни Боткин скатился к позиции Каткова. Боткины и Струве — не одиноки. Они знаменуют собой эволюцию класса. Пред лицом борьбы рабочих против предпринимателей, борьбы, даже наблюдаемой покачто больше со стороны, вылетела из буржуа вся «социалистическая» блажь.

---

[1] Достоевский Ф. М., Дневник писателя, 1873, «Старые люди».
[2] Боткин, Соч., т. I, с. 333. (Разрядка моя. — *С. Щ.*).

Нужно ли говорить, что такой же крутой поворот проделали представители обуржуазившегося дворянства. Укажем хотя бы на Кавелина. Он в дни юности был ужасным радикалом и даже увлекался «социализмом». Но тоже еще до реформы Александра II сменил вехи. В 1857 г. он был приглашен преподавателем к наследнику престола. На вопрос императрицы о его прошлом «отчаянного либерала» Кавелин отвечал таким покаянием: «Да, я был большим либералом, бывши студентом, и через мою голову прошли самые крайние теории; будучи профессором, я тоже был большим либералом, хотя не таким именно, каким меня почитают. В политический либерализм я не вдавался, а был искренним, ревностным социалистом. Спешу прибавить, что в ошибочности социальных теорий я убедился теперь, но остаюсь и теперь убежденным, что эти теории правильно указывали на болезни обществ человеческих, и правительства, приступая к реформам, по необходимости, неизбежно будут разрешать задачи, поставленные социализмом» [1].

Это — как нельзя более характерное заявление. Оно верно указывает формы «искреннего», ревностного «социализма» кругов, из которых вышел и к которым принадлежал Кавелин. «Социализм», о котором толкует Кавелин, верно указывал необходимость реформ, нужных либеральной буржуазии и обуржуазившемуся дворянству, реформ, очищавших им пути к богатству. Больше им ничего и не требовалось. Вполне естественен отсюда вывод, что «правительства, приступая к реформам... будут разрешать задачи, поставленные социализмом». У нас в России стало быть необходимость разрешать задачи, поставленные социализмом, выпадала на долю правительства Александра II. Таков «социализм» Кавелиных: в лучшем случае — это неясный покров для их скромненьких либеральных стремлений.

Как и на Западе, для этих кругов «социалистическое кокетничание 30-х гг. было в лучшем случае модным времяпрепровождением для сытых людей, эстетический комфорт которых нарушался видом голодных, больных и грязных лиц и которые загорались минутным огнем от евангелия, обещавшего всем людям образование и благосостояние» [2].

В Германии и в России «социализм» был в значительной мере наносным, литературным явлением, поскольку капитализм не был достаточно зрел, чтобы породить борьбу пролетариата и буржуазии. Для литературного же «социализма» и не требовалось наличия многочисленного пролетариата. Литературное развитие немецкого и рус-

---

[1] Кавелин, Собр. соч., т. II, с. 11.
[2] Меринг, История германской социал-демократии, Т. I, с. 227.

ского бюргерства естественно порождало интерес к учениям Сен-Симона, Фурье и др. Но при такой чисто литературной точке зрения исчезало экономическое ядро их учений, оставалась лишь его общая, туманная, фантастическая оболочка. Меринг находил, что «распространяться об этих литературных заигрываниях с социализмом теперь не стоит труда». П. Н. Сакулин и его единомышленники думают иначе. Поэтому они только и делают, что «распространяются».

Чтобы понять сущность «социализма» Кавелиных, достаточно ознакомиться с его (Кавелина) взглядами на собственность и ее возникновение. «То, что человек творит во внешнем мире, — писал он,— становится его собственностью, которую он оставляет после себя детям или завещает близким. Отсюда новый источник неравенства. Одни, создавая много, имеют большую собственность; другие, творя мало, имеют мало принадлежащих им вещей, или вовсе не имеют собственности (!). Отчего почти у всех народов рано или поздно создаются необузданные теории равенства, наполняющие историю слезами и кровью и безусловно отрицающие всякое неравенство, которое однако, как мы видели, есть основной закон человеческого общества...» [1].

Кавелин «в политический либерализм не вдавался». А вот Белинский — так тот очень вдавался. Из обрывков сведений и учений, доходивших до него сквозь все цензуры и барско-интеллигентских истолкователей и переводчиков, Белинский хватался за революционные стороны этих учений и жадно их в себя впитывал. Салтыков-Щедрин вспоминает: «Мы не могли без сладкого трепета помыслить «о великих принципах 1789 г. и обо всем, что оттуда проистекало». Белинский шел дальше: его увлекали «великие принципы» 1793 г. Он «начинал любить человечество маратовски». Панаев говорит о субботах у него, когда происходили чтения по истории Великой французской революции: «Для Белинского открывался новый мир, который до сих пор представлялся ему смутно по рассказам. Он следил за чтением с лихорадочным любопытством, потрясенный до глубины, он прерывал чтение восторженными восклицаниями, беспрестанно вскакивал со стула в волнении и повторял несколько раз: «Да, всему виной мое проклятое невежество! Если бы я знал все это прежде, я не написал бы этих безобразных статей, которые составляют несчастье моей жизни, лежат на мне неизгладимым пятном» [2].

Вот к каким выводам приходил Белинский после этих чтений по субботам: «Прежде нам была нужна палка Петра Великого, чтобы

---

[1] Цит. по кн. Покровского М. Н., Очерки по истории революционного движения в России, с. 40—41. (Разрядка Покровского).

[2] Воспоминания И. И. Панаева, 1928, с. 392.

дать нам хоть подобие человеческое; теперь нам надо пройти сквозь террор, чтобы сделаться людьми в полном и благородном значении этого слова... Нет, господа, что бы вы ни толковали, а мать святая гильотина — хорошая вещь!» [1].

«Тысячелетнее царство божие», — по мнению Белинского, — может утвердиться на земле не путем благочестивых пожеланий и мирных мечтаний. «Тут нечего об'яснять, — писал он, — дело ясно, что Робеспьер был не ограниченный человек, не интриган, не злодей, не ритор и что тысячелетнее царство божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов» [2]. В спорах, возникавших после чтений у Панаева, Белинский неизменно занимал позицию защиты линии якобинцев вместе с самим Панаевым, если верить его словам. Все остальные участники чтения вставали в защиту жирондистов.

В Белинском самом сидел яростный якобинец. Охранители, не имея документальных данных, все же своим классовым чутьем так именно его и понимали. Когда после смерти Белинского его письмо к Гоголю попало в руки начальнику III отделения генералу Дуббельту, он выражал сожаление, что Белинский умер и свирепо добавил: «Мы бы его сгноили в крепости». А князь Вяземский совершенно правильно находил, что «Белинский был не кто иной, как литературный бунтовщик. За неимением у нас места бунтовать на площади, он бунтовал в журналах». Это замечательно меткая характеристика, берущая быка прямо за рога.

Не случайно в Белинском демократ, революционер все время побеждал «социалиста». Для этого были серьезные исторические причины. «Социализм» был мечтателен, чувствителен, витал в небесах, не имел под собой реальной экономической, классовой базы. Пролетариат был немногочислен, не консолидирован, не давал себя чувствовать. Его антагонизм с собственниками не выпирал на первый план, затушеванный крепостными отношениями.

Наоборот, буржуазный переворот назрел. Противоречие массы буржуазных производителей с господством помещиков в экономике и политике становилось совершенно нестерпимым. Буржуазная революция была неотложным делом, — имела могучую опору в экономике и психологии классов.

Белинский и ухватился за то, что было реально, что обещало действительный выход из крепостного тупика. Именно отсюда его

---

[1] Воспоминания И. И. Панаева, 1928, с. 394.
[2] Письмо к Боткину, апрель 1842 г.

страстные филиппики против беспочвенных мечтателей и произвольных построений «абстрактного героизма», куда в конце концов относился тот социализм, который он знал. Белинский прямо кипел негодованием против бесплотных химер, — даже в пору самого сильного влияния на него западноевропейских утопистов.

Это не слабая, а сильная сторона Белинского. Это лишнее доказательство его гениальности. Тот социализм, который доходил до него, был внутренне противоречив и бесплоден потому, что активность и революционность мелкой буржуазии он окутывал туманом общих фраз широкого якобы-социализма. Он не давал конкретных, четких, понятных классу целей и лозунгов борьбы, способных организовать, об'единить массы мелких собственников и повести их в бой.

Социализм этот вырос на почве западноевропейских, уже капиталистических отношений и пролетарские настроения оформлял в рамках мелкобуржуазной идеологии. Отсюда его внутренняя противоречивость. Он не мог служить теоретическим оружием борьбы ни того, ни другого класса.

В эпоху революции 1848 г. Маркс и Энгельс вели именно по этой причине ожесточенную войну против немецкого «истинного социализма», своей туманной фразеологией тормозившего победу буржуазии над феодалами, фактически помогавшего реакции против прогрессивных устремлений буржуазной революции.

Носителями такого социализма были изолированные интеллигентские группы, вырванные из системы производственных отношений, равно далекие и от пролетариата и от масс мелкой буржуазии.

Белинский один, в отсталой стране, дошел до выводов, к которым Маркс и Энгельс пришли на основе опыта более развитых стран — Франции и Англии. Но отсталость экономических отношений в том и сказалась, что выводы Белинского не были так ясны, категоричны, так глубоко осознаны как у Маркса и Энгельса.

Буржуазное движение было революционно. Тогдашний социализм — реакционен и утопичен. Вот это Белинский понял и выбрал первое.

Таково же было взаимоотношение между двумя этими явлениями и в позднейшую эпоху, вплоть до пролетарской революции в России.

Народнический «социализм» интеллигенции только вредил демократическому движению крестьянства против помещиков и самодержавия, навязывая мелкой буржуазии чуждые и непонятные ей цели социализма, к тому же крайне путанного.

Ленин предлагал строго различать эти два явления и по-разному к ним относиться. Социалистичность мелкособственнических

требований крестьянства он начисто отрицал. С таким «социализмом» он рекомендовал пролетариату бороться и сам боролся с ним решительно как с вредным для обоих классов, особенно же для пролетариата, которому он закрывал глаза на коренное отличие его положения в обществе от положения собственников, хотя бы и мелких.

Демократическую, прогрессивную сущность крестьянского движения Ленин, наоборот, рекомендовал всячески поддерживать. Пролетариат должен итти вместе с крестьянством, однако же не смешивая себя с ним. Крестьянское движение революционно, хотя и несоциалистично. Ленин писал:

«Русским коммунистам, последователям марксизма, более, чем каким-либо другим, следует именовать себя социал-демократами и никогда не забывать в своей деятельности громадной важности демократизма» [1].

Вот эту-то сторону демократизма и прогрессивности буржуазной революции ярко представлял, подчеркивал, выражал Белинский, как и Ленин, в противовес неуловимому, беспочвенному, мечтательному «социализму» интеллигентов. В другом месте Ленин говорит по тому же поводу:

«Интеллигенты-народники — из рук вон плохие социалисты и размагниченные демократы. Крестьяне-трудовики вовсе не играют в социализм, который им абсолютно чужд, но они «нутряные», искренние, горячие и сильные демократы... Жизненная, свежая, искренняя демократия в состоянии победить при благоприятной исторической обстановке, а «социалистическая» фраза, народническое резонерство никогда победить не может» [2].

Вот на победу буржуазной демократии в России и принужден был возложить Белинский, как реалист и практик, все свои упования; на буржуазную революцию, а не на «социализм» без почвы и силы.

Несмотря на отрицательное отношение к крестьянству, порою проскальзывающее в его произведениях, Белинский отлично чувствовал, что мужики — реальная, серьезная сила. Пусть они темны, грубы, серы, невежественны, но они ненавидят своего классового врага — помещиков, которых ненавидел и Белинский: они готовы итти в бой с ними, итти до конца, до разгрома помещечьего имения и государства. Не случайно и недаром защищал Белинский право мужика на место в литературе, яростно обрушивался на недовольное брюзжание аристократов по поводу засилья мужиков среди литературных типов.

---

[1] Ленин В. И., Собр. соч., т. I, с. 201. (Разрядка Ленина).
[2] Там же, т. XII, ч. 2, 30. (Разрядка Ленина).

Послушаем однако Ленина далее:

«Если умер народнический социализм в России, если его убила революция 1905 года, если от него осталась только гнилая фраза, то крестьянская демократия в России, отнюдь не социалистическая, а буржуазная, какою была демократия Америки 1860-х годов, Франции конца XVIII века, Германии первой половины XIX века и т. д. и т. п., — эта демократия жива»[1].

Для Белинского социализм интеллигентов умер, а демократия была жива куда как задолго до революции 1905 года. Этим самым дается мера расстоянию, отделяющему современных народнических интеллигентов от Белинского, дается мера его величия, силы и их мелочности и беспомощности.

Еще в пору своих увлечений Фихте Белинский выводил из этого философа не всегда и не совсем то, а чаще — и совсем не то, что остальные члены кружка Станкевича из бар. «Я тогда[2] фихтенизм понял как робеспьеризм и в новой теории чуял запах крови»[3]. Не случайно Станкевич говорил ему: «Будь чем хочешь, но только будь потише». В расхождениях темпераментов скрывалось расхождение классов. Боткины, Кавелины — это даже не жирондисты, а скорее, если мерить французскими масштабами — фельянты. Они неспособны были решать задачу буржуазной революции — искоренить до конца феодальные преграды, бороться последовательно за создание условий, необходимых для полного развития и господства их собственного класса — буржуазии. Связанная тысячами экономических уз с крепостным режимом и господствующим дворянством, русская буржуазия тотчас же вступила с ним в компромисс, как только, с «новым царствованием», наметилась возможность реформ. Соответственно этому и в недрах николаевской монархии буржуазия и обуржуазившееся дворянство не стояли на революционно-демократической позиции.

Задача уничтожения феодальных пеленок, опутавших рождавшееся буржуазное общество, выпадала пока что на долю мелкобуржуазной интеллигенции. Говорят, что у русской буржуазии странная судьба: на протяжении всей ее истории за нее делали не только революцию, но даже и оппозицию другие классы. Но, говоря так, преувеличивают своеобразие исторических судеб русской буржуазии. Во Франции например в 1789 г. сама буржуазия склонна была итти и шла также на сделку с дворянством и со стеснявшим ее старым миром.

---

[1] Ленин В. И., Собр. соч., т. XII, ч. 2, с. 32. (Разрядка Ленина).

[2] 1836 г. — *С. Щ.*

[3] Письмо к Бакунину, октябрь 1838 г.

До конца вымела, с корнем выкорчевала феодализм из Франции не буржуазия, а террористическая диктатура мелкой буржуазии, во главе которой шла тоже мелкобуржуазная интеллигенция.

В России положение разночинной интеллигенции не могло быть улучшено под прессом самодержавия. У ней не было ничего общего с этим режимом, ее с ним ничто не связывало. Отсюда ее вражда к абсолютистскому режиму и крепостному праву и нараставшая решимость низвергнуть их революционным путем. Эта черта сильнее, резче, отчетливее всех представлена у Белинского, — в эпоху 40-х годов. Он был истинным вождем разночинной интеллигенции. Но и другим деятелям, вышедшим из этой среды, были не чужды революционные настроения. Даже петрашевцы, увлекавшиеся Фурье, отметали его аполитичность и постоянно с'езжали на политическую борьбу. Такова была сила обстоятельств: положение класса диктовало идеалы и способы их осуществления.

Из положения пасынка, нароста на теле общества, мелкобуржуазная интеллигенция могла выйти только при условии, что само общество коренным образом изменится. При господствовавших в крепостной России порядках она была обречена на жалкую роль. Она инстинктом чувствовала это и все больше начинала понимать это рассудком. Именно это выдвинуло ее на авансцену истории, превратило ее в решительного, последовательного борца за развязывание буржуазных отношений, за капитализацию России. Зависимость материального и правового положения интеллигенции от судеб капитализма в России сознавалась еще Белинским, но для 50-х гг. она, эта зависимость, формулировалась уже совершенно отчетливо. В «Современнике» за сентябрь 1857 г. писалось между прочим: «Из него [1] выходит и некоторое содействие просвещению, потому что для промышленности нужна наука и умственная развитость; из него выходит и некоторая забота о законности и правосудии, потому что для промышленности нужна безопасность; из него выходит и некоторая забота о просторе для личности, потому что промышленности нужно беспрепятственное обращение капиталов и людей» [2].

Игра в социализм для идеологов буржуазии и буржуазной интеллигенции была не более, чем модным платьем, флером, прикрывавшим прозаические классовые идеалы. Флер этот был необходим потому, что их собратья на Западе, стоявшие у власти, в достаточной мере скомпрометировали чисто буржуазные идеалы, такие увлекательные, свежие, манящие в эпоху Французской революции. Осуще-

---

[1] Из развития промышленности.—*С. Щ.*

[2] «Современник», сентябрь 1857 г., раздел «Современное обозрение».

ственные на деле, буржуазные порядки были очень далеки от этих идеалов и не могли родить героических настроений, ни вдохновить на подвиг. Нужно было более благородное прикрытие. В такое прикрытие они превратили утопические системы социальных реформаторов. Мы уже видели, какое ядро было в «социалистической» скорлупе Кавелиных и Боткиных. Для отдельных представителей русской аристократии «социализм» был, по выражению Маркса, даже просто «обжорством». Таково отношение этих групп к социализму. В их социально-экономическом бытии не было ничего, что бы могло толкнуть их брать социализм всерьез: класс, идеологию которого они формировали, были собственники и притом крупные. Собственность обеспечивала им безмятежное и счастливое житие. Что мог сулить им социализм, если под ним понимать уничтожение частной собственности? Ничего, кроме разорения. Поэтому большинство из них было даже неспособно брать его в таком истолковании, а ограничивалось общими и туманными ламентациями. Иначе несколько обстояло дело с мелкой буржуазией и разночинной интеллигенцией. Ее положение в тогдашнем русском обществе обязывало ее по-другому относиться к шедшим с Запада учениям утопистов. В быте самой трудовой интеллигенции есть стороны, способные толкнуть ее на путь своеобразного «социализма». Интеллигенция эта была в главной своей массе лишена собственности; она представляла собой пролетариев-одиночек. Социализм же, как говорил Маркс, есть возведение в принцип, распространение на каждого того состояния, в котором находится сам пролетариат в буржуазном обществе: он был лишен собственности. Эта сторона жизни интеллигенции делала ее восприимчивой к социализму. Далее, недоразвитый капитализм не обеспечивал ей ни почетного, ни даже безбедного существования, ей, «умственной аристократии»; он в ней, с одной стороны, не нуждался, с другой — находясь еще в стадии первоначального накопления, — он ее эксплоатировал и прижимал, где мог. Чаще и сильнее занимался этим торговый капитал. Отсюда — антикапиталистические настроения трудовой интеллигенции, облегчавшие ей усвоение западных теорий, искавших именно путей преодоления капитализма.

Но интеллигенция эта была пролетариями, жившими и «производившими» в одиночку, она представляла собой часто людей свободных профессий: врачей, литераторов, а также учителей и чиновников. Производственные процессы, с помощью которых она добывала себе средства к существованию, находились в ее полном распоряжении от начала до конца. Интеллигент был полным хозяином своего производства, хозяином хотя бы по видимости. Именно это, помимо ее классового происхождения, делало ее интеллигенцией мелкобур-

жуазной и индивидуалистической. Она не принадлежала ни к какому производственному коллективу. И это застилало от ее глаз пролетарский социализм, делало ее неспособной к его восприятию.

Эту изолированность, раздробленность интеллигентского существования чувствовал и выражал сам Белинский.

«У нас есть люди, — писал он, — и умные от природы, и европейски образованные и притом в таком количестве, что они могли бы составить собою «публику». Да то беда, что они рассеяны по бесконечному пространству необ'ятной России, и потому они одиноки во множестве, потеряны в толпе. Благородные голоса их заглушаются нестройным криком и жужжанием толпы и не могут составить общего гармонического хора, который бы над всем владычествовал и всему давал тон. Они одиноки среди поглотившей их толпы» [1].

Вот о чем мечтал Белинский: доставить торжество своей социальной группе, чтобы она владычествовала и задавала тон! Но он же прекрасно видел, что сила этой группы и ее действенность ослабляются ее разрозненностью.

Уже позднее, в 70-х гг., когда разночинная интеллигенция попробовала опрокинуть ненавистное ей общество, — «толпа» изолировала этот «оазис на песчаном грунте всех других сословий», заглушила его хор своими нестройными криками и жужжанием. Движение было раздавлено.

С другой стороны, интеллигенция эта получала воздействие, внушение от той среды, выходцем из которой она была, т. е. опять-таки среды мелкобуржуазной. Ремесленников, мелких лавочников, чиновников, даже мелких помещиков капитализм утеснял и разорял, одних своей конкуренцией на рынке, других — дороговизной, третьих — прижимками, как сила в обществе рядом с беспомощными одиночками. В этой среде естественно возникало стремление оборонить себя от капитализма с помощью ассоциации, кооперативных об'единений. Но мелкий производитель, — будь это ремесленник, лавочник, мелкий землевладелец или интеллигент, — не согласен поступиться основой своего существования — средствами своего индивидуального, изолированного производства. Его социализм — это артели кооперированных собственников с сохранением собственности. В этом корни широкого сочувствия в среде мелкой буржуазной интеллигенции реформистским системам и особенно учению Фурье. И в этом же ключ к пониманию того, что в эпоху «раннего русского социализма» мы не находим никаких следов увлечения коммунистическими теориями. Буржуазный социализм у нас был, нашел своих предста-

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. IV, с. 225.

вителей. Мелкобуржуазный социализм — тем паче. А вот социализм в его коммунистической трактовке, социализм в собственном смысле, — такой социализм не нашел себе последователей и исповедников среди тогдашней русской интеллигенции. Для него не было почвы в условиях тогдашней общественной жизни.

Французский социализм и коммунизм, как и вся критическая литература против капитализма, выросли из наличия уже создавшегося буржуазного общества; антикапиталистическая литература отражала собой борьбу различных классов против торжествующей буржуазии и установленных ею порядков. В России же дело шло еще только о завоевании этих порядков. В условиях феодально-крепостнического государства социалистическая литература утрачивала всякое практическое значение, делалась явлением наносным, чисто книжным.

Сам Белинский прекрасно понимал, что идеи нельзя перевозить из-за границы в готовом виде и пускать в оборот в новой стране. Он знал сам и учил других, что идеи коренятся в условиях общественного бытия.

«Нам скажут, — пишет он, — что Россия, приобщившись к жизни европейской, приобщилась и к ее интересам. Прекрасно; но эти интересы нельзя было перевезти с товарами из-за границы; их надо было развить из своей жизни, а России было не до того: она хлопотала, как и следовало, об усвоении себе не содержания, а пока только форм европейской жизни» [1].

Именно так. Лучше не скажешь. В России времен Белинского дело шло об освобождении буржуазного хозяйства от феодальных пут. «Интересы» социализма не из чего было развить, не было необходимых элементов — буржуазии и пролетариата — в состоянии развитой борьбы между ними.

По словам Белинского, «чужое, извне взятое содержание, никогда не может заменить ни в литературе, ни в жизни отсутствия своего собственного, национального содержания» [2].

Людей, которые выражают чуждые мысли, не вырастающие из почвы национальной жизни, Белинский называл риторами «потому, что понятия чуждой жизни, выдаваемые за понятия своей жизни, — всегда риторика» [3].

Своеобразие идейной жизни России Белинский об'яснял своеобразием русской истории.

---

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. IV, с. 212. Писано в 1840 г.
[2] Там же, т. XI, с. 8.
[3] Там же, с. 14.

«Один из величайших умственных успехов нашего времени в том и состоит, что мы наконец поняли, что у России была своя история, нисколько не похожая на историю ни одного европейского государства, и что ее должно изучать и о ней должно судить, на основании ее же самой, а не на основании истории, ничего не имеющих с ней общего европейских народов» [1].

Едва ли есть необходимость напоминать, что все эти суждения не случайны у Белинского, но представляют лишь частные проявления той системы взглядов, которую он себе выработал с помощью Гегеля, что они находятся в полном соответствии с принципами его философии.

Намеченные здесь общественно-хозяйственные процессы достигли своего полного развития позднее, в 60 — 70-х гг. На эти же годы падает в героический период борьбы разночинной интеллигенции с самодержавием увлечение «социалистическими идеалами». Но достаточно явственно эти процессы определились уже в эпоху Белинского, который пытался их осмыслить и был искателем путей не только народившихся разночинцев, но и всего передового, прогрессивного, радикального, что было в тогдашней России. В этом его бессмертная заслуга.

Ссора с капитализмом и увлечение социально-реформистскими учениями у мелкобуржуазной интеллигенции продолжались до тех пор, пока сам капитализм был более или менее ублюдочным, недоразвитым, пока он не мог призвать интеллигенцию к почетным и доходным местам в его хозяйстве и в его государстве. Она изменила своим заветам, отреклась от всего, чему поклонялась, как только капитализм оказался в состоянии это сделать. Случилось это в конце 90-х и начале 900-х гг.

С той поры университеты наши стали давать вместо революционеров — интеллигентов, ищущих людей, которые бы дали им возможность более или менее беспечального жития, и находящих их в лице капиталистов.

Этот переворот в настроениях интеллигенции лишь отражает переворот, происшедший в самом обществе. Капиталист стал хозяином общественного производства. Одновременно с этим в составе интеллигенции возобладали карьеристские и эгоистические элементы, наемники буржуазии.

Вместе с буржуазией, к которой ее приковывают материальные интересы и которая, боясь пролетариата, вступает в сделку с абсолютизмом, интеллигенция заменяет революционный пыл и ради-

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. IV, с. 9.

кализм ублюдочными компромиссами с абсолютистским режимом, весь вред которого в деле развития производительных сил она хорошо сознает.

Процесс такого превращения, такого перехода от служения идее и ближнему к служению денежному мешку, по мере того как деньги приобретали все большую власть над людьми, по мере развития капитализма — этот процесс видел еще Белинский и заклеймил его.

«В наше время, — писал он, — об'ем гения, таланта, учености, красоты, добродетели, а следовательно и успеха, который в наш век считается выше гения, таланта, учености, красоты и добродетели, этот об'ем легко измеряется одной меркой, которая обусловливает собой и заключает все другие: это — деньги. В наше время тот не гений, не знание, не красота и не добродетель, кто не нажился и не разбогател. В прежние времена... ученость умирала голодною смертью, добродетель имела одну участь с гением, а красота считалась опасным даром природы. Теперь не то: теперь все эти качества иногда трудно начинают свое поприще, зато хорошо оканчивают его: сухие, тоненькие, бледные смолоду, они в лета опытной возмужалости — толстые, жирные, гордо и беспечно покоятся на мешках с золотом» [1].

Среди всего великого, замечательного в своем прошлом, интеллигенция забыла и эти замечательные слова своего раннего вождя и пророка.

Белинский очень хорошо понимал дух своего времени. Он и Чичикова рассматривал как агента буйно росшего капитализма: «Чичиков, — писал он, — как приобретатель, не меньше, если не больше Печорина — герой нашего времени» [2].

В переводе на современный язык это означает, что наряду с дворянством на арене все чаще и чаще появляется капиталистический приобретатель.

Для Белинского увлечение утопическими социально-реформаторскими учениями было лишь этапом в его исканиях научного мировоззрения. Он не остановился на утопических системах. К 1847 г. он от них освободился и обратился против них. Что же было стержнем исканий Белинского, каково их основное содержание? Белинский все время стремился обосновать мировоззрение, которое давало бы об'ективную опору в борьбе за идеал. Белинский искал ручательства за

---

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. IX, с. 5—6.
[2] Там же, с. 316. (Разрядка Белинского).

осуществимость идеала в самой общественной жизни. Он пытался найти в ней такие стороны и элементы, развитие которых неизбежно должно было бы привести к торжеству идеала. Именно поэтому он с таким азартом и восторгом ухватился за учение Гегеля о разумности всего существующего и рождении всего нового из старого — путем развития. Белинский такого мировоззрения выработать не успел, несмотря на свою гениальность, несмотря на то, что он был «самой замечательной философской организацией», когда-либо выступавшей на русской исторической арене.

Десятью годами позднее Белинского над решением той же самой задачи бился и Герцен, который придал вопросу такую формулировку: «Где лежит необходимость, чтобы будущее разыгрывало придуманную нами программу?» Или: «Нет причины думать, что мир будет строиться по нашему плану». Характеризуя современных ему социалистов, Герцен писал: «Они были сами по себе полны желанием общего блага, полны любви и веры, полны нравственности и преданности, но не знали, как навести мосты из всеобщности в действительную жизнь, из стремления в приложение» [1].

По словам Плеханова, эта задача стояла перед обоими, «как сфинкс со словами: «Реши меня, или я пожру твой социализм!». И пожрала таки.

Правда, социализм Герцена Ленин характеризует следующими словами: «Его «социализм» принадлежал к числу тех бесчисленных в эпоху 1848 г. форм и разновидностей буржуазного и мелкобуржуазного социализма, которые были окончательно убиты июньскими днями. В сущности это был вовсе не социализм, а прекраснодушная фраза, доброе мечтание, в которое облекла свою тогдашнюю революционность буржуазная демократия, а равно не высвободившийся из-под ее влияния пролетариат» [2].

Доработался ли бы Белинский до научного социализма, если бы не умер так рано? Трудно, да и бесполезно гадать об этом. Тургенев в своих воспоминаниях о Белинском пишет: «Я иногда невольно задаю себе вопрос, невольно представляю себе, что бы сказал, что бы почувствовал Белинский при виде великих реформ, совершенных нынешним царствованием, — освобождения крестьян, водворения гласного суда и т. д.? Какой бы восторг возбудили в нем эти плодоносные начинания!» [3].

---

[1] Герцен А. И., Письма из Avenue Marigny.
[2] Ленин В. И., Памяти Герцена. Т. XII, ч. I, стр. 96.
[3] Тургенев И. С., Собр. соч., т. I, изд. А. Ф. Маркса, с. 53.

Выходит, что Тургенев считал Белинского таким же либералом, каким был он сам; это, конечно, грубое заблуждение. Белинский сказал бы о «плодоносных начинаниях» Александра II примерно то самое, что после него и за него сказали Чернышевский и Добролюбов. За это ручается тот факт, что все трое были представителями и выразителями одной и той же социальной группы и в своем развитии шли вместе с нею.

Кое-кто из марксистов тоже рассматривает Белинского как простого трубадура капитализма — ничего больше. Так например поступает т. Горев в своих рассуждениях о Белинском. Это — вульгаризация, грубое упрощение вопроса. В ту пору разночинная интеллигенция еще не была буржуазной. Ее интересы не совпадали прямо и просто с интересами промышленной буржуазии. Она хотела бороться с капитализмом. Но она не могла быть последовательной в этой борьбе, как и всякая мелкобуржуазная интеллигенция. Пролетариат же, единственный последовательный борец против капитализма, еще не сложился в развитой класс и не привлек к себе внимания интеллигенции.

Белинский лишь после долгих и мучительных исканий таких элементов в действительности, которые смогли бы ее переделать, поставил ставку на буржуазию. Но эта ставка не была, как мы уже видели, безоговорочной. На опыте Западной Европы он видел общественное зло, которое влечет за собой господство буржуазии. Он не рассматривал буржуазный строй как предел, его же не прейдеши, как идеал общественного строя. Он говорил, что превращение русского дворянства в буржуазию должно послужить дальнейшим толчком к дальнейшему развитию гражданского бытия России. Но в каком направлении пойдет это развитие,—он не знал, не мог знать.

Восходящая буржуазия несла с собой технический прогресс — он ее за это приветствовал, но класса, который бы, будучи носителем еще более высокого технического прогресса, смог бы построить общество без язв и страданий капитализма, — такого класса он не видел. А именно появление на исторической арене пролетариата превращает социализм из фразы в дело, в необходимость.

Вместе с тем развитие пролетариата и его битвы с буржуазией обнаруживают не социалистический, а всего лишь демократический характер движения мелких собственников и их идеологов, срывая «социалистические» ризы, в которые они любят облачаться.

«Буржуазно-демократическая сущность русского интеллигентского движения, — пишет по этому поводу Ленин, — начиная с самого умеренного, культурнического, и кончая самым крайним, революционно-террористическим, стала выясняться все более и более

одновременно с появлением и развитием пролетарской идеологии и массового рабочего движения» [1].

Вопрос о том, доработался ли бы Белинский до научного социализма, если бы он жил дольше, сводится в сущности к другому вопросу: перешел ли бы он с идеологических позиций мелкой буржуазии на позицию пролетариата? Все суб'ективные данные Белинского — его страстный темперамент революционера, могучий ум, неумолимая последовательность в выводах, рыцарское и бесстрашное служение истине — все это такие предпосылки, которые в огромной мере облегчили бы ему переход в лагерь рабочего класса, которые сделали бы этот переход весьма вероятным, хочется сказать, неизбежным.

Но мало суб'ективных данных. Еще важнее общественные процессы, формирующие убеждения отдельных лиц. Даже вожди следующего поколения разночинной интеллигенции, Чернышевский и Добролюбов, не восприняли пролетарского миросозерцания. Только третье поколение — Плеханов, Ленин — застали развитие пролетарского движения на такой стадии, что были поглощены им, возглавили его и решили для России мучительный вопрос, над которым бился Белинский: найти в самой действительности силы, способные ее переделать.

Общественное сознание Белинского шло теми же путями, что и на Западе: от абстрактного к конкретному, от идеализма к материализму, от суб'ективного и произвольного к об'ективному и необходимому, от философии к политической борьбе. На Западе общественное сознание в лице Маркса и Энгельса пришло к научному социализму. Белинский до этого заключительного звена не добрался. И причиной этого была не только его смерть. Причины лежат в условиях общества, среди которого жил и действовал Белинский, в условиях, распростирающих свою власть и над гением.

Основной чертой русского общества 30-х и 40-х гг. была экономическая, а следовательно и всякая иная отсталость. От ней все качества. В ней заложены причины ошибок Белинского в его исканиях, его неудач. По поводу статьи о Бородинской годовщине он писал потом, что основная мысль их была верна, но что следовало также «развить идею отрицания». Он не развил эту идею, потому что ее не на что было опереть в окружавшей его действительности. В жизни Белинский не видел элементов, сил, общественных слоев, классов, которые бы давали материальную, вещную опору отрицанию действительности. Силы эти были еще в подпольи и на поверхности не

[1] Ленин В. И., Собр. соч., т. VI, с. 47.

давали себя знать. Поэтому «идея отрицания» висела в воздухе — безжизненная и бездейственная. Потому же, по причине неразвитости русских экономических отношений, Белинскому, когда он разорвал свой договор о примирении с действительностью и об'явил ей войну, ничего другого не оставалось, как допустить, что идеал может снизойти на землю по мановению волшебного жезла своевольной «творческой личности», как теперь ее стали называть. С этого и начался период увлечения социально-реформаторскими учениями. Но у Белинского это увлечение было переходом от отказа бороться против действительности к политической борьбе. Раньше он провозглашал: «К чорту политика, да здравствует наука!». Теперь он переходит к прославлению Маратов, Робеспьеров и Сен-Жюстов. Утопические социалисты с пренебрежением и ненавистью относились к «политике». Все они больше всего хлопотали о примирении классовых противоречий. Луи Блан ничего и слышать не желал о революционном низвержении капитализма. «К вам, богатые, — писал он в предисловии к «Организации труда», — обращена эта книга, потому что в ней речь идет о бедных. Их дело — ваше дело». Кабэ заявлял в своем «Путешествии в Икарию: «Если бы революция была у меня в руке, то я не разжал бы руки даже в том случае, если бы мне пришлось умереть в изгнании».

А Белинский хватался с жадностью именно за революционное решение общественных противоречий. Даже христианский, религиозный социализм Белинский понимал на свой образец, резко революционный, воинственный. Так в разгар своих увлечений Леру и Жорж Занд, летом 1842 г., Белинский писал Боткину: «А что ни говори, наш век — кастрацкий и подлый в высшей степени. Не так действовали первые христиане и террористы Французской революции: те — все или ничего, без условий, без из'ятий, без ограничений, хотя могли бояться не какого-нибудь изгнания, но первые — мук и смерти, а вторые — и смерти и уничтожения».

Долго Белинский, а несколько позднее и Герцен застрять на суб'ективной философии утопистов не могли: не напрасно они прошли оба суровую школу гегелевой философии. В поисках об'ективной опоры для борьбы за изменение общества Герцен писал: «Мысль предмета не есть исключительное достояние мыслящего: не он вдумал ее в действительность. Она предсуществовала как скрытый разум в непосредственном бытии предмета».

Ту же самую мысль Белинский выражал раньше резче, точнее, сильнее: «Всякий предмет человеческого знания имеет свою теорию, которая есть сознание законов, по которым он существует. Созна-

вать можно только существующее, только то, что есть, и потому для создания теории какого-нибудь предмета должно, чтобы этот предмет, как данное, или уже существовал, как явление, или находился в созерцании того, кто создает его теорию... Сознание предмета не дается самим этим предметом, но пробуждается им... Мы могли бы привести и еще много доказательств и примеров, что теория всего того, чего нет, что не существует, не имеет цены, достоинства даже мыльного пузыря. Если же предмет теории находится как данное только в созерцании автора теории, то как бы ни верно было его созерцание, — его теория будет понятна только для одного его. В обоих случаях отсутствие предмета теории уничтожает возможность всякой теории».

В этих замечательных мыслях уже заключается об'яснение причин того, почему ни Герцен, ни Белинский не дошли и не могли дойти до выработки научно обоснованного социалистического мировоззрения. В русской тогдашней действительности не было такого «предмета», который бы отразился в сознании, как социализм.

Глубокое отчаяние охватывало порой Белинского в этой обстановке: «Горе тем, которые ссорятся с обществом, чтобы никогда не примириться с ним: общество есть высшая действительность, а действительность или требует полного мира с собой, полного признания себя со стороны человека, или сокрушает его под свинцовой тяжестью своей исполинской длани. Кто отторгся от нее без примирения, тот делается призраком, кажущимся ничто, и погибает» [1].

Совместить увлечение социально-реформаторскими утопиями с Гегелем можно было только при одном непременном условии: именно, если бы удалось доказать, что само развитие общества ведет к торжеству этих утопий, гарантирует их осуществление всей неотвратимой силой исторической необходимости. Но тогда утопические системы не были бы тем, чем они были — мечтаниями, не опиравшимися на ход развития самого общественного бытия. Социально-реформаторские планы были придуманы самими реформаторами. Законосообразность же всего развития общества стояла в противоречии с произвольным сочинением идеальных форм общественного устройства.

Белинский не мог не видеть, что в условиях экономически неразвитой России социализм не имел под собой базы. Социализм у нас оставался вплоть до выступления рабочего класса явлением чисто

---

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. III, с. 229.

литературным, ни к чему практически не обязывающим. М. Н. Покровский полагает, что экономической отсталостью России об'ясняется не только заигрывание интеллигенции с социализмом, но и заигрывание Александра II с конституционализмом.

Белинский с его жаждой искания в жизни элементов, способных на деле изменить неприемлемую для его социальной группы действительность, очень быстро и решительно отвернулся от произвольных и беспочвенных мечтаний реформаторов-утопистов.

Не мог его, с таким громадным чутьем действительности, удовлетворить социализм, «сотканный из умозрительной паутины, расшитый причудливыми цветами краснословия, смоченный чувствительными слезами умиления» (Маркс).

Это теперь запоздалые эпигоны народничества морочат свои и чужие головы таким социализмом. Белинский же был гигант, не чета этому вконец измельчавшему племени.

В таком социализме есть все: и фразы о «человеке» и «человечестве», о «братстве народов», кое-что неясное и путанное о собственности, о социальной несправедливости, о бедственной судьбе рабочих классов; немножко ассоциаций, имеющих целью поднять жизненный уровень бедных; есть даже разговоры об «организации труда».

Нет только одного: знания действительной жизни общества. А для Белинского действительность была и осталась до конца дней его единственным богом, которому он поклонялся, пред силой которого он склонялся, не зная, как его победить. Такой «социализм» не мог долго удержать за собой Белинского, революционера и борца. Это была мечта, а он хотел живого настоящего дела.

О мечтателях он говорил:

«Они умны, но только в сфере мечты; они способны к самоотвержению, но за призрак; они деятельны, но из-за пустяков; они даровиты, но бесплодно; им все доступно, кроме одного, что всего выше — кроме действительности. Они одарены удивительной способностью породить из себя нелепую идею и увидеть ее подтверждение в наиболее противоречащих ей фактах действительности» [1].

Он хотел найти такой общественный класс, которого положение в общественном организме толкало бы на изменение действительной жизни и который был бы достаточно силен для того, чтобы эти изменения осуществить.

---

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. IX, с. 318, Статья о «Тарантасе» гр. Соллогуба, написанная в 1842 г., т.-е. в период увлечения идеями утопического социализма.

Дворянство было явно неспособно на это; наоборот, оно было заинтересовано в сохранении существующих порядков. В крестьянскую революцию Белинский не очень верил. Рабочих он не видел и не мог видеть. Пролетариат и его революционная роль были окутаны густым туманом крепостных отношений, нависших над страной.

В конце-концов Белинский и пришел к выводу, единственно остававшемуся, что может быть с появлением у нас буржуазии начнется процесс дальнейшего развития, который создаст новые общественные силы.

Буржуазия же в России сама только что начала борьбу с феодальным миром за свое собственное раскрепощение.

Правда борьба эта началась с таким опозданием, что в Западной Европе, особенно во Франции, иллюзии, связанные с буржуазной революцией, были уже разоблачены и скомпрометированы.

Для Белинского была ясна сущность буржуазного парламента, долженствовавшего олицетворить свободу, равенство и справедливость, а на деле бывшего орудием господства буржуазии, покупавшей парламентские места.

В иностранных романах герои — подчас, по словам Белинского, «те же Чичиковы, только в другом платье: во Франции и в Англии они не скупают мертвых душ, а подкупают живые души на свободных парламентских выборах. Вся разница в цивилизации, а не в сущности. Парламентский мерзавец образованнее какого-нибудь мерзавца Нижнего земского суда; но в сущности они оба не лучше друг друга» [1]. В Западной Европе уже шла борьба между буржуазией и пролетариатом.

Русская буржуазия не успела еще сконструироваться в класс, располагающий политической властью в стране, как на примере Франции и Англии она уже увидела своего нового и более страшного врага — рабочих.

Это толкнуло буржуазию к соглашению с абсолютной монархией; она стала стремиться приспособить без революции мир феодальных и полуфеодальных отношений к своим потребностям.

Политические требования, которые выдвигал Белинский хотя бы в его письме к Гоголю, а после него — Чернышевский и вся революционная интеллигенция, — были впервые пред'явлены Пестелем. Но у Пестеля они выступают просто как мелкобуржуазная демократическая программа, неприкрытая социалистической фразеологией. После Пестеля разночинная интеллигенция набросила на них социалистический покров, по причинам, которые мы уже рассматри-

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. VI, с. 514.

вали. Но от названий не изменилась и не могла измениться социальная мелкобуржуазная сущность этих требований. На практике все представители революционной интеллигенции были не более, чем мелкобуржуазными демократами.

Опорой социализма могло бы быть, и позднее стало, рабочее движение. Было ли оно в эпоху Белинского? Да, вопреки старому общераспространенному мнению, «рабочий вопрос» при Николае I существовал. Бурный рост промышленности неизбежно повлек за собой рост рабочего класса. В правительственных сферах тогда бродило смутное сознание опасности роста рабочего класса. Николай I очень твердо запомнил слово «коммунизм» и послал генералу Кавеньяку горячее поздравление по случаю свирепого подавления июньского восстания парижских рабочих. Министр финансов Николая I, Канкрин, успокаивал императора тем, что в России не может быть рабочего вопроса в его западноевропейском виде, так как наши рабочие имеют землицу, на которую они обопрутся в случае кризиса и безработицы, и стало быть бунтовать не станут. Эти хитроумные соображения сохранить за мужиком «землицу», чтобы предохранить себя от опасности проявления пролетариата, сыграли не последнюю роль при реализации проектов освобождения крестьян.

Придворный поэт В. А. Жуковский умиленно писал из Парижа в 1848 г. 6 марта, т. е. непосредственно под впечатлением февральской революции, наследнику престола, будущему Александру II: «....А наша святая Русь! О, она тверда собственной силой. Она еще не заражена тем тифусом, который теперь свирепствует в политическом теле всей Европы! Ее сила стоит на святом вековом фундаменте самодержавия, и она устоит на нем, если самодержавие само своим могуществом не ослабит себя. У нас нет еще пролетариев! Есть искусственные пролетарии, но правительство, которое само их произвело, может легко их уничтожить».

Так представлялось дело сверху, в правительственных сферах.

По мнению Анненкова, «тогда во всей Европе думали, что с социализмом надвигается на нее свирепый ураган» [1]. В «Европу» в этом смысле включалась также и Россия. В верхах общества гораздо раньше учли значение рабочего класса, чем в среде революционеров тогдашней эпохи. Тут дело было наоборот. «Воинственные манифесты социализма» (выражение Анненкова) не пугали Белинского и Герцена. А вот рабочего класса они не приметили. Это и понятно. Революционеры вербовались из среды мелкобуржуазной интелли-

---

[1] Анненков, Литературные воспоминания, гл. «Замечательное десятилетие».

генции, а она по своему производственному положению была в известной мере застрахована от влияния пролетариата и его идеологии.

Но главное, даже тогда, когда силой обстоятельств она сталкивалась с рабочим вопросом, — он представал перед ней прежде всего в той же проклятой форме — вопроса крепостного. Русский рабочий был тогда в большей части рабочим крепостным. Все тот же барин эксплоатировал его или на своей собственной фабрике, или отпускал работать внаймы и заставлял платить оброк. Наконец были рабочие, прикрепленные к государственным предприятиям и заводам отдельных промышленников. В преобладающем большинстве случаев рабочий не был юридически свободным человеком. Он был прежде всего крепостным рабом или помещика, или купца, или наконец государства. Противоречия рабочего и капиталиста перекрывались и заглушались более резким, более общим, более тяжким противоречием помещика и крепостного крестьянина, каким оставался рабочий, даже работая на фабрике. С точки зрения буржуазных и мелкобуржуазных революционеров эпохи Николая I, освобождение рабочего означало прежде всего освобождение его от крепостного рабства. Только победа над общим врагом — феодализмом, низвержение крепостного строя — могли бы развязать противоречие между капиталистами и рабочим классом. Но освобождение от остатков феодализма русской буржуазии принес только рабочий класс; это случилось только тогда, когда рабочий класс оказался достаточно силен, чтобы заодно освободить себя и от буржуазии.

К концу жизни Белинский отошел от Гегеля к Фейербаху. Он проделывал тот же самый путь, по которому шло развитие общественного сознания в Западной Европе. Но сам Фейербах не смог открыть в действительности элементы, дающие опору борьбе за идеал. Принцип развития материи, которым он оперировал в области естествознания, он не смог перенести на исторический процесс. Тут он сам остался идеалистом. Фейербах был сам жертвой неразвитости экономических и общественных отношений Германии. По словам Энгельса, «вся ответственность за промахи Фейербаха падает на жалкие условия германской общественной жизни в то время» [1].

Но еще лучше всесилие общественных отношений над личностью и ее развитием проявляется на примере самих основоположников научного социализма. Маркс мог произвести переворот в социологии, только базируясь на опыте передового капитализма тогдашней Англии, обогнавшей не только отсталую Россию, но и Гер-

[1] Энгельс Ф., Людвиг Фейербах, с. 18.

манию и Францию. А Энгельс, до переселения в Англию, был сторонником «истинного социализма», которому он сам позднее давал вот какую аттестацию: «Истинный социализм» заменял науку беллетристической фразой, освобождение пролетариата путем экономического преобразования производства — освобождением человечества посредством «любви», — словом, ударился в отвратительную беллетристику и болтовню любви».

Отсталость экономических отношений в России определяла собой развитие общественной мысли долго спустя после смерти Белинского. Великан и вождь поколения 60-х гг., Н. Г. Чернышевский, именно из-за этой отсталости не мог разглядеть рабочего класса в России и понять его революционную роль. В основном Чернышевский до конца жизни остался последователем Фейербаха.

Народники 70-х гг., вслед за Герценом, приняли результат нашей экономической отсталости — общину — за наше преимущество и считали ее залогом быстрого, одним ударом, перехода в царство социализма. Вот как формулировал свое отношение к общине и путям развития России Герцен в 1859 г.: «Вопрос не в том, догнали ли мы Запад или нет, а в том, следует ли его догонять по длинному шоссе, когда мы можем пуститься в об'езд. Хорошие ученики часто переводятся через класс». Иллюзии эти стояли в прямой связи со слабостью рабочего движения в России даже в эту эпоху. Рабочий класс существовал, как «класс в себе». Но он еще не показал себя как класс, в котором социализм приобретал могучую опору, на которой можно незыблемо обосновать «идею отрицания», — опору, над отысканием которой так мучительно бился Белинский.

Рабочий класс как опора борьбы с самодержавием и капитализмом, как Архимедов рычаг, с помощью которого можно было бы повернуть мир, ускользал из поля зрения русской радикальной интеллигенции. Таким рычагом ей представлялась крестьянская община. А между тем к этому времени уже возникло и окрепло учение Маркса и Энгельса. Социализм стал наукой. Кое-кому из русских интеллигентов Маркс был уже знаком.

Но «действительность» продолжала довлеть над умами и даже Маркса заставляла понимать по-своему. Что вычитывали тогда из Маркса и как его понимали, лучше всего показывает пример Плеханова, который еще в 1879 г. писал следующее: «Общество не может перескочить «через естественные фазы своего развития, когда оно попало на след естественного закона этого развития», — говорит Маркс. Значит покуда общество не попало на след этого закона, обусловленная этим последним смена экономических фазисов для него не обязательна. Естественно возникает вопрос, когда же за-

падноевропейское общество, служившее об'ектом наблюдения для Маркса, попало на этот роковой след. Нам кажется, что это случилось именно тогда, когда пала западноевропейская община... Сплачивая большие массы рабочих на фабриках, создавая общие им всем интересы, приучая их к той «социализации труда», на которую указывает Маркс, одним словом, воспитывая в людях социальные привычки, которые были забыты со времени падения общины, индивидуализм рыл сам себе могилу, и нет ничего удивительного в том, что социализм встречает такой радушный прием в местностях крупного машинного производства. Понятно поэтому все значение капитализма, этой крайней формы воплощения индивидуализма, в деле подготовления умов рабочих масс к восприятию социалистических учений... Но мы полагаем, что ход развития социализма на Западе был бы совершенно иной, если бы община не пала так преждевременно... Принцип общественного землевладения не носит в себе того неизгладимого противоречия, коим страдает, положим, индивидуализм, поэтому он не имеет в себе самом элементов своей гибели... Пока за земельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можем считать наше отечество вступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимой станцией на пути его прогресса. Тенденция этого закона будет заключаться напротив в понижении социальных чувств нашего народа... Между тем как на Западе он был когда-то явлением действительно прогрессивным... У нас капитализм вытесняет собой поземельную общину, т. е. такую форму кооперации, которая построена на гораздо более высоком принципе... Россия — страна, в которой земледельческое население составляет громадное большинство. Промышленных рабочих в ней едва ли можно насчитать даже 1 миллион, да и из этого сравнительно ничтожного числа большинство — земледельцы по симпатиям и положению» [1].

Даже потом, когда началось рабочее движение, оно долго было обречено на самостоятельные искания, без помощи интеллигенции, без «оплодотворения» его социалистической мыслью. Рабочие сами, как могли, отстаивали свои требования и формулировали свои программы, в то время как революционная интеллигенция билась в поисках опоры для своей деятельности и упорно держалась за общину. Этот разрыв интеллигентского социализма и рабочего движения — одна из трагедий, рожденных экономической отсталостью России.

Что тогда считалось социализмом в среде революционной интеллигенции и каким путем предполагалось его осуществить, — об этом

[1] Плеханов Г. В., Собр. соч., т. I, с. 59—63.

мы имеем еще другое свидетельство — Веры Засулич: «Что касается до нас, то мы слыхали об ассоциациях, считали их за социализм и надеялись, что наш народный дух разовьет этот социализм из общинного землевладения, свергнув правительственный гнет и водворив анархию» [1].

V

Социалистические теории XIX века в Европе возникли как следствие развившегося капитализма с его противоречиями, с разорением одних классов и обогащением других.

Буржуазия, становясь хозяином положения в обществе, перестраивая все производственные отношения на свой образец, оттесняла старые господствующие классы — дворянство и духовенство,— разоряла мелкую буржуазию, создавая из нее пролетариат и его эксплоатируя.

Каждый из этих общественных классов был обижен и задет капитализмом. У каждого из них рождалось недовольство, стремление к перестроению общества в своих интересах.

Это стремление оформлялось в идеологические системы, в планы общественных реформ.

Системы и планы были различны в той же мере, в какой было различно положение общественных классов, интересы которых они выражали.

А интересы классов были противоречивы, иногда противоположны. И тем не менее за всеми этими системами укрепилось общее название: «социализм».

Слово стушевывало все различия, скрывавшиеся в действительности. Оно имело один, общий для всех классов смысл: устранение тех зол и бедствий, которые обрушились на общество с торжеством капитализма. Социализм стал панацеей всех и вся.

Аристократия в борьбе с буржуазией за возврат своих старых позиций должна была искать опоры в бедных классах общества, прежде всего у рабочих. Борьбу за свои интересы она принуждена была замаскировать борьбой за интересы эксплоатируемых буржуазией мелких хозяев и пролетариев.

Свои аристократические притязания она прикрывала притязаниями рабочих.

Таково происхождение феодального социализма.

Но шила помещичьих интересов нельзя было утаить в мешке такого «социализма». Шило это обнаруживалось, как только доходило

---

[1] Засулич В., Революционеры из буржуазной среды, с. 45.

до дела. На деле же аристократия участвует во всех насильственных мероприятиях, которыми пролетариат приводится в повиновение.

«Аристократия потрясала нищенской сумой пролетариев, как знаменем, чтобы собрать вокруг себя народ. Но, последовав за ней, он тотчас же замечал на ее спине старые феодальные гербы и разбегался с громким и непочтительным смехом» (Маркс).

Главное обвинение, которое аристократия выдвигает против буржуазии, состоит не в том, что буржуазия эксплоатирует пролетариат, а в том, что своей системой хозяйства она его всячески порождает.

Наряду с феодальным возникли и существуют доныне «социализмы»: христианский, буржуазный, мелкобуржуазный.

Эти теории желают реформировать капитализм, устранить созданные им несправедливости в той мере и степени и тем способом опять-таки, какие соответствуют реальным интересам классов.

Но и буржуазия и мелкая буржуазия оставляют нетронутой основу, обусловливающую собой все черты капиталистического общества, которые они желают устранить: они оставляют частную собственность.

Совершенно смехотворны поэтому попытки некоторых «историков» социализма дать «общее» определение социализма.

Одно такое определение — Пажитнова — я уже приводил. Дать общее для всех классов определение социализма — это значит игнорировать различие классовых интересов, борьбу между ними. Это значит строить здание на песце, игнорировать действительность, обобщать явления, в корне отличные, противоположные. А Пажитнов сочинил такое определение — и это в наше время, когда интересы классов обнажены, противоречия обострены, борьба жестока, как никогда в истории. Этот мещанский мудрец доходит даже до сожаления, что, изволите ли видеть, Маркс не был достаточно мудр и не сочинил, по примеру его, Пажитнова, общего определения социализма.

«Маркс, — пишет он, — не оставил нам определения социализма как родового понятия, сосредоточив свое внимание исключительно на той разновидности его, которая называется капитализмом» [1].

Трудно даже решить, чего больше в этой нелепой претензии: ограниченности или самодовольства.

Ведь это все равно, что пожалеть, что Маркс не был ученым мелким буржуа.

Маркс не дал определения социализма «как родового понятия» потому, что он дал определение каждому отдельному «социализму»

[1] Пажитнов, Развитие социалистических идей в России, с. 13.

и показал, что общее определение для них невозможно, как отличных в корне.

Маркс и Энгельс были пролетарскими революционерами. Они до конца осознали и формулировали положение рабочего класса среди других классов общества. Они доказали, что только он один может устранить социальную несправедливость, так как он один среди всех общественных классов заинтересован в устранении основы основ всех зол капитализма — частной собственности.

Может же он на нее посягнуть, ее отменить и тем самым в корне преобразовать общество, построить его на новых началах потому, что не имеет собственности и следовательно не имеет резонов ею дорожить, за нее цепляться, как за единственное средство жить. Наоборот: возможность жить и развиваться пролетариат как класс приобретает лишь тогда, когда он разрушит общество, построенное на частной собственности. «Пролетарий может освободить себя только отменив частную собственность вообще» (Энгельс).

Положение пролетариата в обществе не похоже на положение всех остальных классов. Отсюда такая противоположность его идеологии, сознанию остальных классов.

Также противоположен социализм пролетариата всем остальным «социализмам». Все они построены на частной собственности, пролетарский социализм — на ее отрицании. Какое же тут возможно «общее определение»? Только такое, которое будет обходить классовые интересы пролетариата и следовательно обходить и замазывать вопрос о пересоздании общества. Кому нужно такое определение? Классам, которые не заинтересованы в ниспровержении товарного общества, основанного на частной собственности, а стремятся лишь обеспечить для своих товаров наилучшие условия обмена.

Маркс и Энгельс, как только они в основных чертах сформулировали мировоззрение пролетариата, считали обязательным резко отмежевать его от миросозерцания всех остальных классов.

Написанный ими манифест назван «Коммунистическим манифестом», а не социалистическим. Энгельс об'ясняет, что это название было присвоено манифесту нарочито, с целью избежать растворения пролетарской идеологии в различных направлениях тогдашнего «социализма».

В предисловии к изданию «Манифеста» 1890 г. он писал:

«Во время его появления мы не могли его назвать социалистическим манифестом. В 1848 г. социалистами назывались два разряда людей: с одной стороны, приверженцы различных утопических систем и особенно оуэнисты в Англии и фурьеристы во Франции, причем и те и другие выродились тогда в простые, постепенно выми-

равшие секты. С другой стороны, к социалистам принадлежали тогда всякие социальные прожектеры, которые различными панацеями и всевозможными заплатами стремились устранить общественные бедствия, не причиняя ни малейшего неудобства ни капиталу, ни прибыли. В обоих случаях это были люди, стоявшие вне рабочего движения и искавшие поддержки скорее у образованных классов. Напротив, рабочие, которые, убедившись в недостаточности простых политических переворотов, требовали коренного переустройства общества, — тогда называли себя коммунистическими. Это был еще мало обработанный, инстинктивный, подчас грубоватый коммунизм, но он был достаточно силен для того, чтобы породить две системы утопического коммунизма: во Франции «икарийский» коммунизм Кабэ, в Германии — коммунизм Вейтлинга. Социализм означал в 1847 г. буржуазное движение, — коммунизм — движение рабочих. Для социализма, по крайней мере на континенте, были открыты двери салонов, перед коммунизмом они были крепко заперты» [1].

Позднее название «социализм» закрепилось именно за этой коммунистической идеологией, которую Маркс и Энгельс выработали, обосновали, противопоставили всем другим, защищали от смешения с ними и растворения в них.

Основой ее расцвета было именно возросшее рабочее движение, шедшее под знаменем коммунизма, а не движение других классов. «Социализм» и «коммунизм» стали обозначать одно и то же. Первое название даже преобладало. Между тем раньше оно обозначало именно буржуазную идеологию всевозможных оттенков, а не пролетарскую. Это изменение содержания понятия, смысла слова вносило и вносит путаницу в ряды рабочих, облегчает протаскивать всякий буржуазный и мелкобуржуазный хлам под именем и флагом социализма.

Как же иначе? Рабочее движение социалистично. Но буржуазные, христианско-феодальные, мелкобуржуазные деятели былых времен тоже были заведомые социалисты. Они так назывались даже раньше коммунистов. Стало быть рабочее и буржуазное движение — не более чем виды одного и того же рода. Буржуазный и пролетарский социализм — разные ветви одного и того же учения. Нет ничего ложнее и вреднее этого смешения понятий. Оно облегчает буржуазии всех мастей борьбу против пролетариата. Оно прикрывает враждебные пролетариату учения словами и названиями, закрепившимися за пролетарской идеологией. Ныне, как и во времена воз-

[1] «Коммунистический манифест», 1928, предисловие, с. 54—55.

никновения «Коммунистического манифеста», слово «социализм» опять обозначает буржуазное движение. Перед социализмом опять открыты двери салонов.

Классовое движение пролетариата идет, как и во времена «Коммунистического манифеста», под флагом коммунизма. Рабочее движение отмежевалось от буржуазного социализма. Для коммунизма открыты лишь двери тюрем и застенков. Опять между этими понятиями пролегает пропасть, отделяющая буржуазию от пролетариата.

Но традиция осталась, и до сих пор в повседневном разговоре слова «коммунизм» и «социализм» заменяют одно другое, как имеющие один и тот же смысл.

Иначе обстоит дело в противном лагере: там на слово «коммунизм» наложена печать проклятия. Этим лучше всего подтверждается тот факт, что буржуазный социализм и пролетарское движение отнюдь не могут заменять друг друга, сойти одно за другое. А «социализм» там служит для прикрытия буржуазной идеологии.

Феодальный и буржуазный социализм увлекали за собой тогда известные слои рабочих и мелкой буржуазии. Первый — лозунгом борьбы против буржуазии. Второй — в совместной с рабочими борьбе против господства финансовой аристократии и феодальных оков, стесняющих промышленность и обращение.

Но и тот и другой социализм быстро разоблачали перед рабочими свою сущность, как только дело доходило до практических мероприятий для защиты интересов рабочих против самих феодалов и самой буржуазии.

Иначе обстоит дело с мелкобуржуазным социализмом.

Маркс считал, что социализм — учение мелкой буржуазии по преимуществу, «социализм par excellence».

Этот социализм гораздо более других опасен пролетариату, так как гораздо более других способен затемнять его классовое сознание: под покровом фраз мелкобуржуазного социализма, социализма par excellence, классовые цели пролетариата, не имеющего собственности, и условия его освобождения сливались с целями и условиями освобождения класса мелких собственников.

Социализм путался под ногами пролетариата при его возникновении и первых битвах за свое освобождение, путается и поныне.

Пролетариат возник из мелкой буржуазии и ее социальное учение он считал своим собственным, пока не доразвился до самостоятельного исторического движения, пока не определилась противоположность интересов собственников, в том числе и мелких и пролетариата.

«В таких странах, как Франция, — писал Маркс, — где крестьянство составляет гораздо более половины всего населения, естественно, что писатели, выступившие в защиту пролетариата против буржуазии, прикладывали к буржуазному режиму мелкобуржуазную и мелкокрестьянскую марку и защищали дело рабочих с мелкобуржуазной точки зрения. Так возник мелкобуржуазный социализм» [1].

Мелкая буржуазия эксплоатируется, как и пролетариат, буржуазией финансовой и крупной промышленной. Это создает общих врагов, об'единяет, в известных пределах, интересы, делает необходимой общую борьбу. Общность борьбы смягчает, сглаживает противоречия самих союзников. Социализм приобретает как бы значение общей теории двух классов.

Маркс и Энгельс, вслед за ними Ленин, ставили освобождение пролетариата от иллюзий социализма как обязательное условие достижения его классовых целей. Три величайших вождя пролетариата неустанно, настойчиво разоблачали иллюзии социализма, готовили пролетариат к тому моменту, когда неизбежно наступит расхождение целей мелких собственников и пролетариев. Этот момент наступит как только общий враг будет побежден и станет вопрос, по какому образу и подобию создавать новое общество — мелкособственническому или пролетарскому.

Право частной собственности есть условие существования мелкого самостоятельного производства. Поскольку мелкие собственники желают отстаивать себя как класс, они должны отстаивать частную собственность и мелкое производство против капиталистической собственности и крупного производства. Движение их преследует в сущности реакционные цели. Оно становится революционным лишь в той мере, в какой они переходят на позиции пролетариата.

Социализм есть выражение требований мелкой буржуазии в ее борьбе с капитализмом.

«Капитал затравливает класс мелкой буржуазии главным образом как к р е д и т о р, — этот социализм требует учреждений к р е д и т а. Капитал давит этот класс к о н к у р е н ц и е й, — он требует а с с о ц и а ц и й с поддержкой от государства. Капитал побеждает его к о н ц е н т р а ц и е й,— социализм требует п р о г р е с с и в н ы х налогов, ограничений наследования, выполнения государством крупных работ, требует других мероприятий, которые н а с и л ь с т в е н н о з а д е р ж и в а ю т р о с т к а п и т а л и з м а» [2].

---

[1] «Коммунистический манифест», 1928, с. 85.
[2] М а р к с К., Борьба классов во Франции, 1906, с. 108. (Разрядка Маркса).

Пролетариат же не может освободить себя иначе, как уничтожив все способы частного обогащения и обеспечения. Мелкий собственник стремится отстоять мелкую собственность. Пролетарий хочет устранить вообще всякую частную собственность.

Часть требований мелкой буржуазии является одновременно требованиями пролетариата. Таково, например, требование установления демократического строя. Но самое понимание демократии обоими классами по необходимости различно. Мелкобуржуазная демократия есть все же демократия собственников. Пролетарская — демократия людей, лишенных собственности.

Далее, общими требованиями являются многие мероприятия переходного от капитализма к коммунизму периода.

Когда же дело касается переустройства общества в интересах пролетариата, мелкие буржуа становятся его непримиримыми врагами.

Маркс предостерегал пролетариев от доверия к революционным и социалистическим фразам мелкой буржуазии.

Мелкие буржуа «теперь называют себя красными и социал-демократами потому, что они питают благочестивое желание уничтожить давление крупного капитала на мелкий и давление крупного буржуа на мелкого».

Во Франции «республиканские мелкие буржуа называют себя социалистами».

Но и те и другие остаются в существе своем мелкими буржуа, собственниками. И те и другие «далеки от мысли преобразовать все общество в интересах революционных пролетариев».

Демократические мелкие буржуа всех оттенков и направлений лишь «стремятся к такому изменению общественных условий, которое сделало бы для них по возможности более сносным и удобным существующее общество».

Рабочим же в обществе, преобразованном в соответствии с интересами мелких буржуа, остается попрежнему один удел: наемный труд. Демократические мелкие буржуа полагают улучшить быт рабочих путем предоставления лучшего заработка, отчасти за счет государства, организующего общественные работы; далее они считают возможным задобрить рабочих мерами благотворительности и более или менее замаскированными подачками.

Для пролетариев же «дело идет не об изменении частной собственности, а об ее уничтожении, не о затушевывании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества».

Вместо того, чтобы давать себя одурачивать общими фразами, Маркс рекомендовал рабочим «с первого же момента победы... направлять недоверие уже не против побежденной реакционной партии, а против своих собственных союзников, против той партии, которая хочет использовать общую победу исключительно для себя».

Демократы, придя к господству, «будут вынуждены выступить с более или менее социалистическими мероприятиями».

Но это не устраняет того обстоятельства, что они, в качестве мелких буржуа, способны выступать только как реформисты.

Рабочие же должны превращать требования мелкобуржуазных демократов «в прямые нападения на частную собственность» [1].

Таково отношение величайших вождей рабочего класса к мелкобуржуазной демократии и ее profession de foi — социализму.

Не смехотворны ли после этого сожаления мелких буржуа наших дней о том, что Маркс не дал общего определения социализма «как родового понятия»?

Ленин, великий продолжатель Маркса, на протяжении всей своей деятельности старался выковать классовое сознание пролетариата, освободить его от влияния мелкобуржуазной идеологии, облегчить ему тем самым успешную борьбу за достижение своих классовых целей.

В России опасности растворения пролетарской идеологии в демократической были больше, чем в странах с многочисленным пролетариатом.

Огромные массы мелкой буржуазии, и в первую очередь крестьянства, со всех сторон окружают пролетариат, пропитывают его своим влиянием.

Дело осложнялось еще тем, что мелкобуржуазная демократия оставалась у нас революционной силой пред лицом феодальных пут, сковывавших развитие буржуазных отношений производства в деревне при наличии самодержавного режима.

В этих условиях облегчалось влияние на пролетариат мелкобуржуазной идеологии.

Ленин боролся против этих влияний, начиная с самых первых своих шагов, с ранних работ. Уже в «Что такое друзья народа» он противопоставляет мелкого буржуа, крестьянина и кустаря, как самостоятельных товаропроизводителей, — рабочему.

«Это положение можно назвать центральным пунктом теории р а б о ч е г о с о ц и а л и з м а по отношению к старому крестьян-

[1] «Обращение Центрального комитета «Союза коммунистов» от марта 1850 г.

скому социализму, который не понимал ни той обстановки товарного хозяйства, ни капиталистического разложения его на этой почве» [1].

Рабочий социализм противопоставляется мелкобуржуазному крестьянскому.

То же самое делал, как мы видели, и Маркс. Но у него рабочий социализм носил название коммунизма, в противовес всяческому социализму.

С развитием же рабочего движения, особенно в Германии, слово «социализм» закрепилось именно за рабочим социализмом, за тем, что Маркс называл коммунизмом. Ленин должен был считаться с этим фактом; отсюда противопоставление двух видов социализма, а не социализма и коммунизма.

Ленин, как и Маркс, категорически настаивает на необходимости для социалистов (у Маркса — коммунистов) — выразителей классовых интересов пролетариата — разрыва с идеями демократов (у Маркса — социалистов и демократов-социалистов).

По мнению Ленина: «Между этими идеями лежит целая пропасть, и русским социалистам давно бы пора понять это, понять неизбежность и настоятельную необходимость полного и окончательного разрыва с идеями демократов» [2].

Вот как круто и резко ставил вопрос Ленин еще в 1894 г.

В то время еще держалось воззрение, что нет глубокого, качественного различия между идеями демократов и социалистов.

Ленин и стремится раз'яснить, что «та пора общественного развития России, когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, нераз'единимое целое (как это было например в эпоху Чернышевского), безвозвратно канула в вечность».

Мы уже читали у Маркса, что это за пора; это пора, когда неразвившийся еще пролетариат считал демократические требования мелкой буржуазии своими собственными, коммунистическими, по позднейшему названию — социалистическими требованиями.

Чернышевский — именно «демократ вышеуказанной эпохи нераздельности демократизма и социализма» [3].

В. Г. Белинский учил отличать содержание борьбы от словесных ширм, которыми она иногда бывает заслонена.

«Борьба, — писал он, — редко носит имя того дела, за которое она возникла, и это имя, равно как и значение этого дела, почти всегда узнаются уже тогда, как борьба кончится» [4].

---

[1] Ленин В. И., Собр. соч., т. I, 1920, с. 152. (Разрядка Ленина).
[2] Там же, с. 185.
[3] Там же, с. 193.
[4] Белинский В. Г., Собр. соч., т. IX, с. 30.

Отстаивание «друзьями народа» общины как очага социализма Ленин отнюдь не считал признаком социалистичности народников.

«Чего тут социалистического, — писал он, — когда всякий знает, что эксплоатация трудящегося прекрасно уживается и зарождается внутри этой общины. Ведь это значит уже невозможно растягивать слово «социализм»: придется, пожалуй, и г. Победоносцева отнести к социалистам» [1].

Совершенно такие же взгляды на общину в борьбе против мелкобуржуазных демократов, называющих себя социалистами, высказывал и Маркс.

«Менее всего можно допускать... общинную собственность, форму собственности, которая стоит еще позади современной частной собственности, и повсюду разлагаясь, неизбежно переходит в нее» [2].

И Маркс и Ленин воюют против одного и того же врага: мелкобуржуазных демократов, разоблачая несоциалистический (у Маркса— некоммунистический) характер их программы.

В основе «социализма» мелкобуржуазных интеллигентов лежал миф о социалистических основах общинного крестьянского хозяйства.

«От соприкосновения с действительностью, — пишет Ленин, — миф рассеялся, и из крестьянского социализма получилось радикально-демократическое представительство мелкобуржуазного крестьянства» [3].

Теории и программы мелкой буржуазии не могут быть никакими иными, кроме как мелкобуржуазными.

«На самом деле ровно ничего социалистического тут нет, так как все эти теории безусловно не об'ясняют эксплоатации трудящегося и потому абсолютно неспособны послужить для его освобождения... на самом деле все эти теории отражают и проводят интересы мелкой буржуазии» [4].

Как же должен отнестись пролетариат к этим теориям, если они выдвигаются в качестве социалистических?

«Разобранные мелкобуржуазные теории являются безусловно реакционными, поскольку они выступают в качестве социалистических теорий» [5].

---

[1] Ленин, В. И., Т. I, с. 186.
[2] «Обращение Центрального комитета «Союза коммунистов» от марта 1850 г.
[3] Ленин В. И., Собр. соч., т. I, 1920, с. 190.
[4] Там же, с. 199.
[5] Там же, та же страница.

Отсюда еще раз вывод:

«Я говорю о необходимости разрыва с мещанскими идеями социализма». «Социалисты должны решительно и окончательно разорвать со всеми мещанскими идеями и теориями»[1].

У требований мелкой буржуазии есть другая сторона: они прогрессивны в той мере, в какой борются против остатков средневековья и крепостничества. Об этой стороне дела пролетариат отнюдь не должен забывать: его обязанность — поддерживать демократические требования мелкой буржуазии как совпадающие с частью его собственных требований, бороться до известного момента вместе с мелкой буржуазией против помещиков, против остатков крепостничества, за демократизацию общественного строя.

Эту же тактику по отношению к мелкой буржуазии рекомендовали и Маркс с Энгельсом. Они подробно обосновали ее в известном «Обращении Центрального Комитета «Союза коммунистов» от марта 1850 г.[2].

Но бороться совместно с мелкой буржуазией против общих врагов надо, «отрицая какой бы то ни было социалистический характер этих теорий»[3].

Почему же два эти класса не могут итти вместе до конца, почему рано или поздно различие их целей должно обнаружиться? Именно потому, что это — два различных класса с различными положениями в производственном процессе и различными целями.

«У рабочих цель — уничтожение наемного рабства путем устранения господства буржуазии. У крестьян — демократические требования, способные уничтожить крепостничество во всех его социальных основах и проявлениях, но неспособные даже затронуть господство буржуазии»[4].

Общие цели мелкой буржуазии и рабочих только демократические. Достижение этой общей цели освободило бы страну от остатков крепостнического рабства; наемное же рабство осталось бы.

Поэтому общая цель рабочих и крестьян «не имеет в себе ничего социалистического, вопреки мнению невежественных черносотенцев, а иногда и либералов»[5].

Надо твердо знать, в чем интересы рабочих и крестьян сходятся, чтобы действовать об'единенно и усилить друг друга.

---

[1] Ленин В. И., Собр. соч., т. I, 1920, с. 198—199). (Разрядка Ленина).
[2] См. также Энгельс, Принципы коммунизма.
[3] Ленин В. И., Собр. соч., т. I, 1920, с. 200. (Разрядка моя. — *С. Щ.*).
[4] Там же, т. XII, ч. 1, с. 109.
[5] Там же, с. 110. (Разрядка моя. — *С. Щ.*).

Но не менее твердо надо знать «глубокую, неустранимую в пределах капиталистического общества, в пределах господства рынка, классовую рознь крестьян и рабочих в России» [1].

Различные народнические партии, от самых левых эсеров до энесов и трудовиков, представляли в России именно демократическую буржуазию. Все они охотно употребляют «социалистические» фразы.

«Но обманываться насчет значения этих фраз сознательному рабочему непозволительно. На деле ни в каком «праве на землю», ни в каком «уравнительном распределении» земли, ни в какой «социализации земли» нет ни капли социализма» [2].

Пролетариат не должен поддаваться на удочку социалистических фраз и пустых обещаний.

«Всякий ребенок понимает, что десятки и сотни земских говорунов сделают любые словесные заявления, уверят даже честным словом радикала, что они социалисты, лишь бы успокоить социал-демократов» [3].

На упреки в том, что, критикуя мелкобуржуазную идеологию с точки зрения пролетариата, социал-демократы разбивают единый фронт борющихся, тем самым ослабляют их силы, — Ленин отвечает:

«Совместная борьба против самодержавия не должна и не может заставить пролетариат позабыть о враждебной противоположности его интересов и интересов имущих классов. А выделение этих противоположностей необходимо требует выделения глубоких различий между воззрениями различных направлений» [4]. Из дальнейшего текста явствует, что в разряды партий, представляющих имущие классы, отнесены и социалисты-революционеры.

Разбирая их программу, Ленин отмечает, что в нее введено много фраз, свидетельствующих о социалистических благих намерениях этой партии, которую он характеризует как партию мелкой буржуазии.

«Тому, — пишет Ленин, — кто упрекнул бы нас в противоречии (с одной стороны, признание социалистических благих намерений социалистов-революционеров, с другой стороны,—характеристика их социальной природы как буржуазно-демократической), мы напомним, что еще в «Коммунистическом манифесте» анализированы были образчики социализма не только мелкобуржуазного, но и буржуаз-

---

[1] Ленин В. И., Собр. соч., т. XII, ч. 1, с. 112.
[2] Там же, с. 123.
[3] Там же, т. VI, 1920, с. 53.
[4] Там же, с. 56.

ного. Благие намерения быть социалистом не исключают буржуазно-демократической сущности»[1].

«Социализм» эсеров заключался, по их мнению, в том, что они требовали, подобно французским и немецким мелкобуржуазным демократам, ограничения права частной собственности, введения ее в известные границы, устранения «злоупотреблений» ею, помощи государства земледельческим артелям и т. д.

По поводу этих требований Ленин высказывал такое суждение:

«Ограничение права частной собственности... законодательное содействие со стороны государства образованию земледельческих артелей и коопераций... Эти пункты вполне в духе социалистов-революционеров или (что то же) вполне в духе буржуазного реформаторства... Они, конечно, прогрессивны, но прогрессивны в интересах собственников. Выставлять их со стороны социалиста — значит именно льстить собственническим инстинктам. Выставлять их — то же самое, что требовать содействия государства трестам, картелям, синдикатам, обществам промышленников, которые не менее прогрессивны, чем кооперации, страхования и пр. в земледелии. Это все — капиталистический прогресс. Заботиться о нем — не наше дело, а дело хозяев, предпринимателей. Пролетарский социализм, в отличие от мелкобуржуазного... заботится всецело и исключительно о кооперации наемных рабочих в целях борьбы с хозяевами»[2].

Характеристика мелкобуржуазных партий, называющих себя «социалистическими», именно как партий буржуазно-демократических, вовсе не была делом одного Ленина, проявлением его «ригоризма».

В решениях с'ездов РСДРП им давалась такая же оценка. Так в резолюциях Лондонского с'езда (1907 года) мы читаем:

«Народнические или трудовые группы (н. соц., трудовая группа, с.-р.) более или менее близко выражают интересы и точку зрения широких народных масс деревенской и городской мелкой буржуазии... Эти партии облекают свои в сущности буржуазно-демократические задачи более или менее туманной социалистической идеологией; социал-демократия должна неуклонно разоблачать их псевдосоциалистический характер и бороться с их стремлениями затушевать классовую противоположность между пролетарием и мелким хозяйчиком».

[1] Ленин В. И., Собр. соч., т. VI, 1920, с. 54.
[2] Там же, с. 219. (Разрядка моя. — *С. Щ.*).

Воззрения Маркса и Ленина в этом вопросе абсолютно тождественны. Маркс, как мы уже видели, считал мелкобуржазный социализм, социализм в собственном смысле (par excellence) не чем иным, как буржуазным реформизмом. Ему он противопоставлял коммунизм как идеологию пролетариата. Ленин социализму мелких буржуа противопоставляет социализм пролетарский.

Как между социализмом и коммунизмом у Маркса нет ничего общего, так и между мелкобуржуазным социализмом и социализмом пролетарским нет ничего общего. В первом случае различие выражено и в различии названий. Во втором — общность слова «социализм» как будто об'единяет их в одно общее понятие.

Ленин как-раз и раз'ясняет, что общность слова отнюдь не создает однородности явлений, которые им обозначаются.

Смешивать мелкобуржуазный социализм с пролетарским (у Маркса социализм с коммунизмом) так же нелепо, как «нелепо смешивать задачи и условия демократической и социалистической революций, которые разнородны, повторяем, и по характеру, и по составу участвующих в них сил» [1].

Плеханов не видит принципиальной разницы между коммунизмом и социализмом. Он считал коммунизм не более, чем левым крылом социализма. Так, говоря о взаимоотношениях социалистов и коммунистов во Франции в первой половине XIX века, он пишет:

«Во Франции они [2] знакомились с социализмом, причем больше всего сочувствовали его крайнему оттенку: «коммунизму» [3].

Это не было случайной оговоркой. В другом месте он повторяет ту же мысль:

«Скажу лишь вот что: оно [4] лучше всего показывает, как тесна была идейная связь французских социалистов-утопистов и особенно их левого крыла — коммунистов — с французскими материалистами XVIII века» [5].

Отличительной чертой социализма Плеханов считает «устранение эксплоатации человека человеком» [6].

Представители мелкобуржуазного социализма безусловно стремились устранить эксплоатацию, но они хотели достигнуть этого с помощью организации справедливого товарообмена.

---

[1] Ленин В. И., Собр. соч., т. VI, с. 488.
[2] Немецкие ремесленники-эмигранты. — *С. Щ.*
[3] Плеханов Г. В., Собр. соч., т. XVIII, с. 77.
[4] Учение Дезами. — *С. Щ.*
[5] Плеханов Г. В., Собр. соч., т. XVIII, с. 67.
[6] Там же, с. 68.

Плеханов говорит по этому поводу, что они не понимали экономической сущности эксплоатации, коммунисты же понимали и потому избежали непоследовательности. Дело сводится таким образом к логической ошибке.

Но коммунисты понимали, а социалисты не понимали сущности эксплоатации не потому, что обладали умом различной силы, а потому, что выражали в своей идеологии психологию различных классов, выраставшую из материальных условий их существования.

Представители мелкой буржуазии и доныне упорно не понимают экономических корней эксплоатации, и доныне непоследовательны, хотя бы пора уж, кажется. Считать коммунизм левым крылом социализма — это значит считать пролетарское движение левым крылом движения мелких собственников,— значит замазывать пропасть, отделяющую эти два класса.

Для коммунизма или пролетарского социализма характерно не стремление к устранению эксплоатации, а способ устранения ее, ликвидация общества, построенного на частной собственности.

Взгляды Плеханова резко расходятся со взглядами и Ленина, и Маркса с Энгельсом: последние двое давали диаметрально противоположную оценку отношений социализма и коммунизма, как-раз в тот период, о котором пишет и Плеханов в цитированной работе.

Ленин со всей энергией боролся против обобщения классовых задач пролетариата и хозяйственного мужичка. Он не уставал повторять:

«Носителем социализма подобный класс хозяйчиков быть не может... Социалист обязан не затушевывать, а вскрывать противоречие интересов всей рабочей массы и этих хозяйчиков»[1].

Для пролетариата нет ничего опаснее, как позволять себя увлекать общими и пустыми фразами о социализме, не вникая в содержание требований, скрывающихся за этим словом; это означает — забыть интересы своего класса и условия его освобождения ради интересов мелких собственников.

«Как будто бы история буржуазной демократии везде и всюду не предостерегала рабочих от веры в заявления, требования и лозунги. Как будто бы история не показывала нам сотни примеров, когда буржуазные демократы выступали с лозунгами не только полной свободы, но и равенства, с лозунгами социализма, не переставая от этого быть буржуазными демократами и этим внося еще больше затемнения сознания пролетариата»[2].

---

[1] Ленин В. И., Собр. соч., т. X, с. 71.
[2] Там же, с. 48.

Кто не понимает разницы между демократическим и социалистическим переворотом, тот вредит им обоим: в демократическом он затушевывает и затемняет его революционные и прогрессивные стороны, в понятие же «социализм» вносится буржуазно-демократическое содержание, тогда как «социализм» присущ только пролетариату.

В России особенно важно отмежевать пролетарский социализм, ставший со второй половины XIX ст., со времени развития рабочего движения, «социализмом par excellence», от всех разновидностей буржуазного реформизма, прикрывающихся социализмом.

«Кто только у нас не называет себя «социалистом»? — пишет Ленин.—Если в таких странах, как Англия и Франция, рабочее дело много страдает от того, что там так распространен туманный, «широкий» социализм, то мы в России страдаем от этого втройне. В России так много места именно для мелкобуржуазных течений и учений. Русский рабочий класс более, чем какой бы то ни было другой, должен резко и ясно провести ту черту, которая отделяет марксизм от туманного «тоже социализма» [1].

Пролетариат — и только пролетариат — является носителем социалистических идей, носителем коммунизма. Чем об'ясняется такая исключительность? Исключительностью положения пролетариата в производстве, среди других классов. Лишь он один лишен собственности. Лишь он один заинтересован в ее ниспровержении и основании коммунистического общества.

Учения о неклассовом «социализме» (а по сути дела реформизме, поскольку в нем речь идет об улучшении общества, о поправочках к нему) вырастали в такой среде и в такое время, где и когда пролетариат еще не развился, и не обнаружилась противоположность собственников и наемных рабочих.

Первые же бои между пролетариатом и буржуазией показали, что социализм, коммунизм есть учение только одного пролетариата.

Вот что предлагал Ленин делать с людьми, продолжающими, по выражению Щедрина, «курлыкать» о «социализме вообще», как о «родовом понятии» и пр.: «Кто после опыта и Европы, и Азии говорит о н е-классовой политике и о н е-классовом социализме, того стоит просто посадить в клетку и показывать рядом с каким-нибудь австралийским кенгуру» [2].

Социалистом имеет право называть себя только тот, кто в борьбе между пролетариатом и буржуазией стоит на стороне пролетариата,

---

[1] Ленин В. И., Собр. соч., т. XII, ч. 2, с. 245.
[2] Там же, с. 45. (Разрядка Ленина).

борется за его освобождение, за уничтожение частной собственности, являющейся основой бытия буржуазии и эксплоатации пролетариата. Только этим отличается социалист от того, кто себя называет социалистом, а на деле им не является. Таковы, например, кроме эсеров, еще и меньшевики.

В полемике с Каутским Ленин писал:

«Называя небольшевиков в России, т. е. меньшевиков и эсеров, социалистами, Каутский руководится их названием, т. е. словом, а не тем действительным местом, которое они занимают в борьбе с буржуазией» [1].

Как события 1848 года показали мелкобуржуазную природу партии «демократов-социалистов», партии Луи Блана и Ледрю-Роллена, так события 1917 года и позднейших лет обнаружили на деле мелкобуржуазный характер партий меньшевиков и социалистов-революционеров.

«Меньшевики и эсеры, — пишет Ленин, — разновидности мелкобуржуазной демократии, такова экономическая сущность и основная политическая характеристика данного течения. Из истории передовых стран известно, как часто это течение, в его молодости, окрашивается в «социалистический» цвет» [2].

Общность терминологии («социалисты») приводит к тому, что борьба между партией пролетариата — коммунистами — и партиями мелкой буржуазии — меньшевиками и эсерами — представлялась как борьба различных течений социализма, стало быть, как борьба внутри идеологии одного и того же класса.

В частности, так дело представлялось и представляется иным из западноевропейских социалистов.

«Эта смешная ошибка западноевропейских социалистов об'ясняется тем, что они смотрят назад, а не вперед, и не понимают, что ни меньшевики, ни эсеры (которые проповедуют социализм) не являются тем, чтобы их относить к социалистам. Меньшевики и эсеры все время революции только и делали, что колебались между буржуазией и пролетариатом... и точно нарочно иллюстрировали положение Маркса о том, что мелкая буржуазия ни на какую самостоятельную позицию в коренных битвах неспособна» [3].

Именно дела меньшевиков и эсеров, их политика «доказывает окончательно наше положение, что считать их социалистами —

---

[1] Ленин В. И., Собр. соч., т. XV, с. 447.
[2] Там же, с. 560.
[3] Там же, с. 569. (Разрядка моя. — *С. Щ.*).

ошибка. Социалисты они были только, пожалуй, по фразеологии и по воспоминаниям. На деле это есть мелкая русская буржуазия» [1].

Пролетариат рождается из мелкой буржуазии, которую капитализм лишает средств производства.

Капитализм же рождает новые слои мелкой буржуазии, держащиеся вокруг крупных предприятий и в той или иной мере, до поры до времени, им необходимые.

Это создает условия для проникновения в партию пролетариата мелких хозяйчиков с их мелкобуржуазной идеологией. Внутри пролетарской партии они образуют реформистское крыло, мелкособственническое по сути, «социалистическое» по названию.

Вне партии пролетариата это крыло имеет огромную базу в массах мелкой буржуазии, его питающую, поддерживающую, создающую и свои «социалистические» партии.

Победа пролетарской революции невозможна без борьбы с мелкой буржуазией, прикрывающейся «социалистическими» флагами, но не могущей отрешиться от своей социальной сущности — находится ли мелкая буржуазия в рядах партии пролетариата или вне ее.

Борьба с мелкобуржуазными «социалистическими» партиями стала необходимой в русской пролетарской революции. Но необходимость этой борьбы предсказал Ленин задолго до ее наступления.

«Социальную революцию пролетариата, — писал он, — нельзя себе и представить *без этой борьбы*, без ясной, принципиальной размежевки социалистической «Горы» от «социалистической Жиронды» *перед* этой революцией, — без полного разрыва оппортунистических, мелкобуржуазных и пролетарских, революционных элементов,—элементов новой исторической силы *во время* этой революции» [2].

До революции пролетариата борьба его с мелкой буржуазией носит теоретический характер борьбы за чистоту пролетарского классового мировоззрения, формулированного Марксом, характер разногласий по отдельным вопросам тактики общей борьбы.

Во время революции вопрос станет о том, кто, какой класс придет к власти и в чьих интересах будут строиться новые общественные порядки: мелкой буржуазии или пролетариата.

Маркс и Энгельс в известном обращении к «Союзу коммунистов» от марта 1850 г. готовили авангард рабочего класса именно к этой борьбе против мелкобуржуазных демократов за дело пролетариата, к борьбе с оружием в руках.

---

[1] *Ленин* В. И., Собр. соч., т. XV, с. 570.
[2] Там же, т. XI, ч. 2, с. 347.

Маркс в письме к Энгельсу от 13 июля 1851 г. так прямо и говорит, что «обращение к Союзу, составленное нами обоими, — в сущности не что иное, как план войны против демократии» [1].

По поводу этого обращения Энгельс и в 1885 году писал:

«Редактированное Марксом и мною обращение еще и теперь представляет интерес, так как мелкобуржуазная демократия в Германии и теперь еще является той партией, которая при ближайшем европейском потрясении безусловно должна сначала стать у власти как спасительница общества от коммунистических рабочих. Многое из сказанного там годится, следовательно, и для теперешнего времени».

Уж сколько раз с тех пор оправдывалось это предсказание! Сколько раз мелкая буржуазия с «социалистическими» фразами на устах вставала на защиту буржуазного общества от коммунистических рабочих!

Годом раньше Энгельс высказывал ту же самую мысль в иных выражениях:

«Что касается чистой демократии, — пишет он Бебелю, — то это [2] не помешает ей в момент революции на короткое время приобрести временное значение в качестве самой крайней буржуазной партии, какой она выступила уже во Франции, в роли последнего якоря спасения всего буржуазного и даже феодального хозяйства. В такой момент вся реакционная масса группируется вокруг нее и усиливает ее. Все, что было реакционным, выступает тогда демократически. Так было во всех революциях. К власти приходит партия самая ручная (из революционных), сохраняющая еще способность управлять (в духе имущих) именно потому, что побежденные только в ней видят последнюю возможность спасения» [3].

Так было и в пролетарской революции 1917 года. Предвидение это оправдалось целиком.

После победы пролетарской революции необходимость борьбы с мелкобуржуазной идеологией отнюдь не прекращается. Наоборот, возможно временами ее усиление и обострение. Пролетариат перестраивает общество на коммунистических началах. Он не может обойтись в этой своей работе без вторжения в область окружающих его со всех сторон, особенно в отсталых странах, отношений мелкой собственности. Процесс превращения распыленного мелкособственнического хозяйства в крупное, механизированное противоречив:

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф., Письма, с. 37.
[2] Менее видная роль в будущем. — *С. Щ.*
[3] Маркс К. и Энгельс Ф., Письма, с. 291—292.

Выбивая мелких самостоятельных производителей товаров из привычных условий производства, он не всегда и не всех из них, и не сразу впитывает в производственный процесс нового, социалистического типа. Это поселяет недовольство в рядах мелкой буржуазии, делает ее враждебной пролетариату. Недовольство и враждебность ищут своего оформления в идеологии. Вновь и вновь восстают, как феникс из пепла, отсталые, давно теоретически разбитые взгляды. «Социализм» Пажитновых, Сакулиных, Ивановых-Разумников и т. д. и т. п. вновь начинает лезть во все щели.

«Мелкобуржуазный «социализм»... так же бессмертен, как и сам мелкий буржуа-обыватель» [1].

Бессмертен, разумеется в рамках капиталистического общества.

Но упорство мелкобуржуазного социализма обязывает пролетариат давать ему отпор с таким же и еще большим упорством. Это является составной частью работы пролетариата по перестроению общества. Без нее невозможна ясность, четкость пролетарского классового сознания. Следовательно, невозможно уверенное, твердое руководство всей практической работой.

VI

Пора подвести итоги.

Единственным носителем социалистических идеалов является пролетариат. Только на базе его бытия, как класса, лишенного собственности, возникают требования обобществления собственности на средства производства.

Только пролетариат способен последовательно бороться за построение социалистического общества.

С самых ранних своих выступлений пролетариат создавал свою идеологию, характерным признаком которой является коммунизм. Эта особенность резко отличает идеологию пролетариата от идеологии всех остальных классов. Она равно характерна и для утопического и для научного коммунизма.

Движение всех других классов, направленное против бедствий капитализма, имеет реформистский характер; они желают устранить дурные стороны капитализма, не трогая его основы — частной собственности.

Это положение относится в полной мере и к мелкой буржуазии. Ее идеология возникает на базе мелкой собственности и имеет целью ее сохранение, не приемля лишь неизбежно вытекающих из нее по-

[1] Маркс К. и Энгельс Ф., Письма, с. 293.

следствий: конкуренции, эксплоатации мелких собственников крупными, разорения мелких хозяйчиков, их пролетаризации.

Исторически термин «социализм» сросся вначале именно с движением мелкой буржуазии против капитализма и выражал ее идеологию. Маркс и Энгельс, впервые научно обосновавшие притязания пролетариата, противопоставили социализму как движению буржуазному, — и мелкобуржуазному в особенности, — коммунизм как движение пролетариев.

Они резко и беспощадно боролись против смешения этих двух идеологий в одну общую. Они рассматривали такое смешение как замазывание непримиримых противоречий между собственниками и пролетариями.

В ходе и развитии борьбы рабочего класса термин «социализм» постепенно сросся с рабочим движением, и в этом новом значении он стал выражать то же самое, что и слово «коммунизм», т. е. движение пролетариев. Но путаница терминологии осталась; она облегчала и облегчает протаскивание мелкобуржуазной идеологии под флагом пролетарской и тем вредила и вредит делу освобождения пролетариата, а стало быть и делу перестроения общества на коммунистических началах.

Вслед за Марксом и Энгельсом Ленин вел длительную, на протяжении всей своей деятельности, непримиримую борьбу с мелкобуржуазным социализмом за социализм пролетарский, за коммунизм, за чистоту классового сознания наемных рабочих, за освобождение их от влияния мелкособственнической идеологии. Под руководством Ленина и по его настоянию пролетарское движение отмежевалось от буржуазного и по названию: оно вновь усвоило себе имя коммунистического, в противовес социалистическому, реформистскому, мелкобуржуазному.

Но традиции и привычки не изживаются так быстро. Идеологи мелкой буржуазии попрежнему используют термин «социализм» для подделки мелкособственнической идеологии под пролетарскую, для облегчения своему классу борьбы за сохранение своих позиций, для борьбы против пролетариата. Дело пролетариата — разоблачать этот обман, вскрывая классовую сущность разных идеологических систем, спрятанную за общими словечками.

Белинский не был идеологом пролетариата. Он не был социалистом, если социализм означает движение пролетариев (а ничего другого он не означает, и его издавна именно в этом смысле понимают все, кто сознательно участвует в движении определенных классов, а не повторяет, как попугай, непонятные слова).

Не вина Белинского, что он не был пролетарским революционером и социалистом; это — вина времени, в которое он жил. Пролетариат в России в ту эпоху еще не выступил как самостоятельная и решающая общественная сила и не выдвинул своих идеологов. По этой причине и с Запада Белинский усваивал, хотя и поверхностно, не коммунистические, пролетарские, а мелкобуржуазные идеалы.

Белинский был вождем разночинной интеллигенции, в ту эпоху революционной и давшей целую плеяду славных, замечательных людей. Эту революционность мелкобуржуазной интеллигенции Белинский выразил чрезвычайно ярко и сильно для своего времени. Он стремился к ниспровержению феодально-самодержавного общества на деле, а не в мечтаниях и искал для этого действительных рычагов. Именно поэтому интеллигентские «социалистические» мечтания, которые он заимствовал из Западной Европы, не могли захватить его всерьез и надолго. Он отказался от такого «социализма», поняв его никчемность в практической освободительной борьбе.

Даже в период сильнейшего влияния на него этих утопических систем, выглядевших совершенно искусственными на русской почве, оторванными от жизни, Белинский оставался прежде всего человеком действительности, искавшим реальных, жизненных путей раскрепощения России. Действенный же социализм с могучей опорой в целом классе пролетариев остался Белинскому неизвестен.

Белинский был орел с такими могучими крыльями, что он поднимался в небеса, несмотря на тяжкий груз отсталых экономических отношений.

Пролетариат чтит в Белинском одного из своих славнейших, благороднейших, великих предшественников. Он видит в нем пионера-хранителя, проповедника того пути, по которому сам идет к освобождению, — пути революционного насилия. Он не ставит ему в укоризну отказ от сладких, но пустых, утешительных, но бесплодных, якобы «социалистических» мечтаний, на которые столь падки выродившиеся эпигоны мещанской интеллигенции. Наоборот, пролетариат, класс действенный, жизненный, воздает Белинскому хвалу за его реализм, прямоту, мужественное искание революционных путей.

Именно поэтому он не позволит морочить себя фразами о безжизненном, бесплодном, бескровном, в дряблых душах дряблых мещанских интеллигентов произростающем «социализме», фразами, столь жестоко и беспощадно осмеянными и отвергнутыми самим Белинским.

Он сказал однажды: «Время—великий критик: его крылья провевают все дела человеческие, оставляя на току немного зерен и рассеивая по воздуху много шелухи» [1].

Рабочий класс равно благодарен Белинскому за драгоценные зерна, оставленные им, и за то, что он рассеял так много шелухи. Пролетариат, а не выдохшаяся, анемичная интеллигенция нашего времени является истинным наследником великого критика Белинского.

---

[1] Белинский В. Г., Собр. соч., т. VI, с. 61.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I 1
Глава II 16
Глава III 63
Глава IV 108
Глава V 151
Глава VI 170

7000=

57

Dar
Czdarska
20/VI-74

7000г

59

66

ОДИН РУБЛЬ 80 коп.

Папка 20 коп.

